

ВОЙНА И МЫ

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

ШТРАФНИКИ, РАЗВЕДЧИКИ, ПЕХОТА

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»
Великой Отечественной

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Владимир Першанин

**ШТРАФНИКИ,
РАЗВЕДЧИКИ,
ПЕХОТА**

**«Окопная правда»
Великой Отечественной**

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»

УДК 94
ББК 84(2Рос-Рус)
П 26

Оформление серии П. Волкова

В оформлении обложки использована фотоинформация
фотокорреспондента *Марка Марков-Гоинберга*

Першанин В.

П 26 Штрафники, разведчики, пехота. «Окопная правда»
Великой Отечественной / Владимир Першанин. — М.:
Эксмо : Яуза, 2010. — 256 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-699-39663-4

Новая книга от автора бестселлеров «Смертное поле» и «Командир штрафной роты»! Страшная правда о Великой Отечественной. Война глазами фронтовиков — простых пехотинцев, разведчиков, артиллеристов, штрафников.

«Героев этой книги объединяет одно — все они были в эпицентре войны, на ее острие. Сейчас им уже за восемьдесят. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду. Ту самую «окопную правду», которую не слишком жаловали высшие чины на протяжении десятилетий, когда в моде были генеральские мемуары, не опускавшиеся до «мелочей»: как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали. Бесконечным повторением слов «героизм, отвага, самопожертвование» можно подогнать под одну гребенку судьбы всех ветеранов. Это правильные слова, но фронтовики их не любят. Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас. Их живые голоса Вы услышите в этой книге. —

(*Владимир Першанин*)

УДК 94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-699-39663-4

© Першанин В. Н., 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010

ОТ АВТОРА

Это сборник воспоминаний солдат и офицеров, участников Великой Отечественной войны. Я поставился отразить в нем судьбы людей, которых объединяет то, что все они прошли через передний край, были на острие войны и победили. Хотя шансов дожить до Победы у большинства было очень немного.

Наряду с воспоминаниями о разведчиках, пехотинцах, пулеметчиках мне удалось собрать материалы о людях, военная судьба которых не так часто отражается в нашей литературе: о военных шоферах, зенитчиках Волжской флотилии, сражавшихся во время Сталинградской битвы, а также о судьбе лейтенанта-артиллериста, попавшего в штрафную роту.

Бойцов той войны остается с каждым годом все меньше. Они стали мне близки, и я хочу донести до читателя их нелегкие судьбы и подвиг, который навсегда останется в истории России.

Я СЛУЖИЛ В РАЗВЕДКЕ

Самую почетную награду я получил не за добытых «языков», хотя их насчитывалось более двух десятков, а за немецкий танк, который захватил вместе с экипажем. И такое в разведке бывало.

Мельников И. Ф.

Об Иване Федоровиче Мельникове я впервые узнал из короткой статьи в толстой книге о кавалерах ордена Славы. Потом получилось так, что встретил его в городской библиотеке, где проводилась встреча с ветеранами. Разговорились, встретились еще, и родился этот документальный рассказ о военном пути старшины — разведчика Ивана Федоровича Мельникова. С его разрешения я изложил события от первого лица, так, как мне рассказывал Иван Федорович.

Родился я 19 сентября 1925 года в городе Сызрань Куйбышевской области. Отец, инвалид Гражданской войны, умер вскоре после моего рождения, мать — рабочая. Через какое-то время мама вышла замуж, и отчим заменил мне отца. Он работал в ОСОАВИАХИМе, был добрым, хорошим человеком,

позаботился о том, чтобы я получил образование. В начале лета 1942 года я закончил два курса железнодорожного техникума, немного поработал.

Я мечтал стать летчиком и приписал себе в документы лишний год. Вместе с двумя одноклассниками мы сбежали из дома и, забравшись тайком в железнодорожный состав, рванули из Сызрани в Сталинград поступать в Качинское летное училище. Когда приехали в Сталинград, оказалось, что училище эвакуировано. Помню, как голодные бродили по городу, размышляли, что делать дальше. То, что Сталинград прифронтовой город, не понимали. Не обратили внимания и на вой сирен, означающий воздушную тревогу.

Начался воздушный налет. Посыпались бомбы. Мощные взрывы поднимали столбы земли на десятки метров вверх, рушились дома. Спрятаться, залечь в какой-нибудь канаве мы не догадались, а побежали к Волге. В головах мелькали мысли переправиться на левый берег. То, что ширина Волги километра два с лишним, мы не задумывались. Что стало с моими одноклассниками — не знаю. Близкий взрыв оглушил меня, я метался по берегу, пока не сбило с ног очередным взрывом.

Очнулся на берегу без одежды, все тело болит, в ушах звон. Контузило. Меня подобрала бойцы какой-то воинской части, отнесли в санроту. Когда пришел в себя, накормили, одели, стали спрашивать. Я твердил, что хочу учиться на летчика. Исправлений в документах не заметили, судя по ним, мне через месяц должно было исполниться восемнадцать лет. То есть формально я был почти совершеннолетним. Сталинград уже вовсю бомбили, военной подготовки я не

имел, и мне выдали предписание на учебу в Моршанск Тамбовской области. Мол, парень грамотный, будешь учиться там на летчика.

В Моршанске летного училища не было. Ни о каких летчиках разговор не шел. Вместе с группой ребят я попал в пулеметно-минометное училище. Обстановка на фронте была, как никогда, тяжелой, шло мощное немецкое наступление на юге. Начались бои на подступах к Сталинграду. Двадцать третьего августа 1942 года фашисты прорвались к Волге, а на город обрушились волна за волной сотни вражеских самолетов. Центр города за день был превращен в развалины, погибли тысячи людей. Окажись я в тот день в Сталинграде, вряд бы уцелел.

Моршанск, небольшой, очень зеленый городок, раскинулся на высоком берегу реки Цна. Напоминал многие провинциальные города России. В центре — двух- и трехэтажные здания, а все остальное — частные дома с садами и огородами. Курильщики хорошо знают город по знаменитой моршанской махорке и сигаретам «Прима». Ну, а для меня с конца августа 1942 года и до апреля 1943 года он стал местом учебы.

Пулеметно-минометное училище располагалось в центре Моршанска. Несколько рот занимали большой кирпичный дом. Рота — 120 курсантов, взвод — 40. Учили нас как следует. Постигали боевую подготовку, устройство минометов и пулеметов, расчет стрельбы, тактику боя. Например, из 82-миллиметрового миномета я сделал за семь месяцев около пятидесяти боевых выстрелов. Считаю — нормально. В других училищах, как я позже узнал на фронте, боевых стрельб

проводилось куда меньше. Изучали станковые пулеметы «максим» и ручные Дегтярева.

Больше внимания уделялось все же минометам. До войны их недооценивали. Немцы, широко применяя минометы с первых дней, наносили нашим войскам серьезные потери. Для точной стрельбы требовалось постичь целую науку. Мне в расчетах помогало полученное в техникуме знание математики и физики. Оценки по большинству предметов были хорошие и отличные. Но, к сожалению, мешали (как ни странно звучит) мое умение чертить и музыкальный слух, я был запевалой. Из-за этого меня перебрасывали из роты в роту. Я оформлял наглядную агитацию, выпускал стенгазеты. Когда роту готовили к проверке, я и рисовал, и вышагивал в строю, запевая «Каховку», «По долинам и по взгорьям», «Катюшу». За наглядную агитацию и прохождение четким строем с песней рота получала хорошие баллы.

При этом меня никто не освобождал от сдачи зачетов. Учебу в училище вспоминаю добрым словом. Командиры относились к нам внимательно. Питание для военного времени было хорошим. Утром — каша, масло, сладкий чай. На обед — мясные щи, суп, каша или картошка с мясом, компот. По окончании училища мне было присвоено звание «старший сержант». Я мог командовать минометным или пулеметным расчетом, но моя военная судьба сложилась иначе. Я попал в 202-й гвардейский полк 68-й гвардейской дивизии, входящей в состав Степного фронта. Дивизия находилась северо-восточнее Харькова. Буквально в первые дни меня «смашили» в разведку.

Слово «разведчик» всегда было окружено ореолом загадочности, какой-то тайны. В разведку брали толь-

ко добровольцев. Про вылазки в тыл врага рассказывали легенды. Отважные разведчики проникали в фашистское логово, бесшумно снимали часовых и приводили ценных «языков». В апреле 1943 года мне было семнадцать лет (по документам — восемнадцать). По существу, мальчишка, умевший хорошо петь и не нюхавший войны. Я, не раздумывая, дал согласие и был назначен командиром отделения взвода пешей разведки. Когда меня познакомили со взводом, я сразу заметил, что наград у разведчиков больше, чем в пехоте. Не сказать, что бойцы были увешаны медалями и орденами, но более чем у половины имелись награды.

Хотя я именовался командиром отделения, науку разведки пришлось постигать с азов. Первые недели никем не командовал. Учили меня, как организована немецкая оборона, где расположены посты, пулеметные точки. Помню утомительные дни наблюдения за передним краем противника. С раннего утра и до темноты, вечером и ночью. Глаза до того болели, что я промывал их холодной водой. Затем привык. Давал глазам отдых, учился сосредоточить внимание на нужных участках. Командиром взвода был лейтенант Федосов. Не скажу, что он был очень опытный разведчик. Дело в том, как я понял, рядовых и сержантов на офицерские должности выдвигали редко. Специальных разведучилищ не было. Командирами в разведку назначали отличившихся офицеров из стрелковых подразделений.

Федосов воевал с лета сорок второго, был ранен, считался грамотным командиром. В разведвзвод пришел месяца за два передо мной. Меня «натаскивали» двое опытных разведчиков. Рядовой Саша Голик из

моего отделения и сержант, фамилию которого я не запомнил. Голик, небольшого роста, жилистый, много раз ходил в тыл, имел две медали. Кажется, одно время был сержантом, но за пьянку был разжалован. Тем не менее, это был подготовленный, обстрелянный специалист, который мог ответить на любой вопрос. Я испытывал страх перед минами. Саша подробно рассказывал, какие мины могут встретиться, успокаивал меня.

— Нам же саперы помогают. И не думай, что мины невозможно угадать. Неделю простоят — в земле ямка образуется, и трава желтеет.

— А если мины день назад поставили?

— Значит, будет бугорок. Опять же, трава по цвету отличается.

— Попробуй ее различить ночью, — вздыхал я.

Первую вылазку за «языком» запомнил хорошо. Это произошло дней через 8—10 после моего назначения. Группа состояла из пяти человек: помкомвзвода, рядовой Саша Голик, еще один опытный разведчик и двое нас, новичков. Было начало мая, ночи — короткие. Через передний край двинулись часов в одиннадцать вечера. У всех были автоматы ППШ, гранаты, ножи. Нас сопровождали трое саперов. Доползли до середины нейтральной полосы, метров триста, и показали направление: «Двигайте туда, мин нет!» Старший пытался заставить их проползти с нами еще сколько-то, но саперы исчезли. Была ли у них такая инструкция или они просто боялись, не знаю.

Колючая проволока в этом месте отсутствовала, но ракет на освещение переднего края немцы не жалели. Они взлетали то в одном, то в другом месте. Не-

которые медленно опускались на парашютах, и тогда несколько минут приходилось лежать неподвижно. В общем, ползли мы медленно, замирая, когда вспыхивала очередная ракета. В одном месте сильно пахло мертвечиной, в другом я ощутил под локтем металл и застыл. Оказалось, крупный осколок снаряда, врезавшийся в землю. Открыл огонь немецкий пулемет. Трассы шли далеко от нас. Значит, пока не заметили. Чем ближе была немецкая траншея, тем сильнее колотилось сердце. Я знал, что на ночь в траншеях остаются только немногочисленные часовые и дежурные пулеметчики. Однако казалось, что лезем прямо на стволы. Еще метр-два, и ударят в упор из автоматов и пулеметов. Вот и траншея. Один разведчик остался наверху, а четверо спрыгнули вниз.

Метрах в пятидесяти справа коротко простучал пулемет. Прижались к стенке траншеи и замерли. Я был уверен, что нас обнаружили. Ударили еще две короткие очереди, и пулемет смолк. Старший группы изменил направление. Мы собирались двигаться влево, но оставлять за спиной пулеметную точку было нельзя. При отходе нас бы расстреляли. Зато существовала опасность, что без шума ничего не сделаем. Часовой плюс пулеметчик или два. Так практически и получилось. Часовой вышел нам навстречу. Его схватили помкомвзвода и Саша Голик. Часового свалили мгновенно, заткнули кляпом рот и принялись связывать. Он отчаянно сопротивлялся и, хотя кричать не мог, ударом сапога переломил жердь на стенке траншеи. Она лопнула с треском, напоминаям пистолетный выстрел.

Кстати, глушить «языков» ударом приклада не практиковалось. Во-первых, почти все немцы, вклю-

чая офицеров, находились на переднем крае в касках. Во-вторых, удар по голове (если фриц в кепи) трудно рассчитать. Ударишь посильней — можно убить, а рисковать мы не хотели. Поэтому и тренировались, чтобы сразу свалить «языка», обездвигить и связать его. У опытных разведчиков всё занимало считанные минуты. Хотя большинство немецких солдат в передовых частях были крепкие, физически хорошо подготовлены, и справиться с ними было непросто.

Этот немец успел только лягнуться. Связанного, с кляпом во рту, его вытолкнули наверх. Помкомвзвода, второй сержант, крепкий рослый парень, и новичок быстро потащили пленного в сторону наших позиций. Голика и меня оставили прикрывать отход. Мы замерли. Может, все бы и обошлось, но спустя минуты три пулеметчик что-то разглядел. Выпустил ракету, а следом длинную очередь. Мы побежали к пулеметчику. Саша с разбега ударил его ножом, потом еще раз, нашарил документы, и мы выбрались из траншеи. Я рвался бежать напрямик, но Голик толкал меня в сторону.

— Уходим тем же путем. Мины!

По нам открыли огонь, когда поравнялись с остальными. Залегли. Потом, развязав руки немцу, поползли, подталкивая его. Путь был выбран, в общем, удачный. По склону, где густо росла трава. Нас потрепали из виду. Два пулемета били в сторону. Но трассы шли всеером, низко над землей, охватывая большой участок нейтралки. Я представил, как раскаленный пучок с легкостью прошивает тело. Вот она, смерть, совсем рядом. Ракеты вспыхивали одна за другой. Нам ничего не оставалось, как ползти. Я знал, что

скоро будет небольшой уступ, а дальше низинка. Хоть бы добраться до нее!

Я потерял всякое представление о времени и куда мы ползем. Поминутно оборачиваясь, следил за пулеметными трассами. Саша вдруг выругался: «Ты что делаешь, сука!» Я думал, ругают меня, но это на несколько секунд приподнялся новичок, когда спрыгивал с земляного уступа. Пули его миновали. Однако немцы разглядели группу. В нашу сторону посыпались мины. Разброс осколков у 80-миллиметровых мин довольно большой. Нас пока спасало то, что недавно прошли дожди. Мины взрывались в рыхлой почве, выкидывая осколки вверх.

Помкомвзвода ранили недалеко от наших траншей. Он упал, потом, шатаясь, побежал в рост. Поднялись с четверенек и мы. Ввалились в траншею и минут пять не могли отдышаться. Заместитель взводного был ранен смертельно, разрывная пуля ударила в основание плеча. Перевязать это место трудно, старший сержант истек кровью по дороге в санроту. Разведчику из новичков досталось штук пять мелких осколков. Ранен был и «язык», светловолосый парень с нашивками ефрейтора. Осколок пропахал ему щеку и оторвал кусочек уха, второй — чиркнул по шее. Пленного перевязали и увели в штаб.

Скажу еще такую деталь. Как я позже убедился, разведгруппы уходили в тыл натошак. Везде ли был такой порядок, не знаю. Но в нашем взводе перед выходом на задание никогда не ели. Логика простая. Человек налегке двигается быстрее и ползти удобнее. Играла роль и солдатская примета, что ранение в пустой живот менее опасно, чем в полный. Зато, когда вернулись, наелись от души. Разносолами нас не

встречали: каша с мясом, сало, лук и граммов по двести пятьдесят водки. Кроме нас, за столом сидели взводный и старшина.

Большинство ребят проснулись, но за стол больше никто не садился. Лежали, курили, слушали, как прошел поиск. Не привыкший к алкоголю, я быстро окосел и полез на нары.

Проснулся поздно. Ребята, засидевшиеся за столом, еще спали. Их никто не беспокоил. Вскоре я узнал, что утром пленного допрашивал командир полка. Раны ефрейтора сильно кровоточили, он пытался симулировать, изображая тяжелую контузию. Потом все же заговорил. Начертил план обороны позиций своей роты, рассказал что-то еще по мелочи. Командир полка остался недоволен, и дальнейший допрос поручил кому-то из офицеров штаба. Про погибшего помкомвзвода коротко сказал:

— Представить посмертно к ордену.

Про нас речи не заходило. День мы втроем отдыхали. Раненого новичка отвезли в санбат. Голик достал где-то спирта. Я в то время почти не пил, лишь поддержал компанию. Саша выпил изрядно, но не пьянел. Мы сидели вдвоем в тени дерева, и разговор шел откровенный. Я узнал, что две недели назад почти целиком погибла группа из пяти разведчиков. Их засекли посреди нейтралки, вернулся лишь один человек. Рассказал он и том, что помкомвзвода мечтал получить рану. Устал от войны. Вот и накликал. Только не рану, а смерть.

— Много разведчиков гибнет? — спросил я.

— Думаешь, в пехоте слаще? Сейчас вроде тихо, а когда наступление, за одну атаку половина людей в

ротах убывает, — он неожиданно перевел разговор на другую тему. — А командир полка зря привередничает. Чего ему надо? Привели ефрейтора, убедились, что напротив нас та же часть стоит. Значит, перемещений пока нет, и внезапного наступления не жди. Помкомвзвода жаль. Хороший был парень и разведчик опытный. Пусть Федос покрутится без помощника. Сам в поиск ходить не любит, а теперь придется.

Помолчав, Саша сказал неожиданную для меня вещь:

— Ты, Ваня, у нас новичок, хоть и старший сержант. Только вчера боевое крещение получил. Тонкостей разведки еще не знаешь. Запомни одну вещь. У нас не принято вперед других лезть, свое «я» выставлять. Федос за разведку отвечает. Ему что ни прикажут, все выполняет. Людей порой зря гробим, лезем, не зная броду, на мины и пулеметы, лишь бы начальству угодить. Ты научись различать, когда приказ, а когда на дурасть науськивают. Ордена, звания обещают. В общем, если чувствуешь, что дело дохлое, лучше уклонись, попроси времени на подготовку, а ребят на смерть не тащи.

Я не совсем понял сказанное. Дадут приказ — куда денешься! Но что-то в голове отложилось. Понял, что лезть в герои торопиться не надо. В конце разговора Саша Голик, как бы между прочим, сказал, что, наверное, ему вернут сержантские лычки, а раненый новичок в разведку не вернется.

— Сам ты как? — спросил меня.

— Ничего. Все нормально.

Убегать из разведки я не собирался. На переднем крае тоже гибнут люди. Почти каждый день полк терял

людей. То от мин, которые немцы сыпали по несколько раз в сутки, то от выстрелов снайперов.

— В разведке можно жить, — закончил разговор Саша Голик. — Мы хоть спим по-человечески, и на убой не гонят. Ты парень грамотный, крепкий. Держись поближе ко мне.

Мы пожали друг другу руки. Так я приобрел хорошего боевого друга. Мы были разные. Саша Голик закончил пять или шесть классов, вырос в глухой деревушке в Саратовской области. В нем не было рисовки, излишнего самомнения, хотя он имел немалый боевой опыт и две медали. Саша подмечал многое. Рассуждал по-крестьянски практично и хотел не только нормально воевать, но и выжить. Голик оказался прав в своих предположениях. Новичок, которого мы навестили в санбате, явно притворялся, что ранения тяжелые, жаловался на слабость и боли в голове. В разведку он возвращаться не собирался, а позже, прикрываясь ранением, сумел попасть в полковой обоз. В то время я презирал таких людей. Позже стал понимать их, сделался более терпимым. Саше Голику вернули за удачный поиск сержантские погоны и назначили командиром отделения. Фактически же он исполнял обязанности помощника командира взвода. Меня это устраивало.

Если на участке нашего полка в мае сорок третьего стояла относительная тишина, то для меня месяц был заполнен большими и мелкими событиями. В течение мая я трижды ходил в поиск. Первый раз — неудачно. Нас обстреляли, ранили разведчика, второй влез локтем на мину. Ему оторвало руку и снесло полголовы. Немцы открыли сумасшедший огонь из пуле-

метов, погиб еще один разведчик. От полного уничтожения группу спасла густая трава, в которой мы затаились. В общем, почти все разведчики вышли из строя. Вместо «языка» мы кое-как вынесли тела убитых.

Когда делали «разбор полетов», выяснилось, что парень, попавший на мину, растерялся, пополз в сторону мимо отмеченного саперами прохода. Но прежний страх перед минами снова сковывал меня. Вторая вылазка завершилась удачно. Мы выкрали часового и благополучно доставили к своим. Я был в этом поиске заместителем Голика. Меня хвалили и говорили, что становлюсь настоящим разведчиком. Конечно, это было не так. Чтобы стать специалистом в разведке, требуются месяцы и постоянная тренировка.

Третья вылазка тоже завершилась взятием «языка». Один разведчик был убит. «Язык» сообщил в штабе какие-то ценные сведения. Меня представили к медали «За отвагу», которую я вскоре получил. Я очень гордился этой наградой. Медаль «За отвагу» высоко ценилась среди бойцов и офицеров. Давали ее за конкретные боевые дела на поле боя с указанием, что совершил представленный к медали. Кстати, в сорок третьем (по крайней мере, в первой половине года) наградами никого не баловали. Представляли многих, но получали награды единицы. Больше ограничивались благодарностями. А вскоре я вляпался в ситуацию, которая едва не стоила мне жизни и лишней раз показала, что разведка очень непростое дело.

В обязанности разведчиков входило наблюдение за передним краем. Каждый день несколько человек выползали на нейтралку и следили в бинокли за немецкими позициями. Действовали, как правило, пара-

ми. Это была тоже разведка, и причем очень рискованная. Если несколько раз вылазки обошлись для меня с напарником нормально, то в очередную вылазку мы выбрали неудачную позицию, закопавшись под тяжелый немецкий бронетранспортер. Сгоревшая во время мартовского наступления немцев восьмитонная машина уткнулась остатками передних обугленных колес в землю. Шестиметровый корпус более чем наполовину защищали снизу гусеницы и металлические, в полтора ряда, колеса. Чем не укрытие!

Я не учел одного. Раньше мы прятались в незаметных окопчиках среди кустов и далеко вперед не выползали. В этот раз подобрались метров на триста к немецким траншеям. Сквозь просветы в гусеницах я отлично видел лица врагов. На участке, длиной в полкилометра, насчитал шесть пулеметов, в том числе один крупнокалиберный. Два из них были хорошо замаскированы и раньше огонь не вели. Я с удовольствием нанес пулеметные точки на карту. Нас заметили ближе к вечеру. Или уловили отблеск бинокля в лучах переместившегося к западу солнца, или мы слишком много двигались, разминая затекшие мышцы.

Сначала вlepили несколько пулеметных очередей. Пули плющились, рикошетили от металла. Мы затаились. Потом заработали минометы. Мина взорвалась, шестев в открытый десантный кузов в метре над нашими головами. Ощущение было как от удара молотом по железной бочке. Минометный обстрел выдержали, даже приободрились. Но за нас взялись крепко. Ударила с закрытой позиции 75-миллиметровая пушка. Это было серьезнее. По нам выпустили десятка два снарядов. Несколько штук снесли верх кузова, разорвали его почти пополам. Два фугаса рванули под

гусеницами. Вышибло металлическое колесо, меня отбросило в глубину нашей норы. Я оглох, у обоих текла кровь из носа и ушей. По движению губ уловил фразу, которой напарник оценил мою сообразительность:

— Пиндец! Хорошее место выбрал, старшой. Здесь и останемся.

Он был недалеко от истины. Под прикрытием пулеметных очередей к нам ползли трое немцев. Бронетранспортер служил им прикрытием от огня из наших траншей, до которых было полкилометра. До немцев, как я упоминал, метров триста. С моей стороны было непростительной авантюрой лезть под нос фрицам, да еще тащить за собой подчиненного. Конечно, мы много разглядели за день наблюдения, редко кто подбирался к немцам так близко. Но что стоили эти сведения, если мы оказались в ловушке!

А трое немцев умело и быстро ползли к нам, им был знаком каждый метр, да еще прикрывали пулеметы. Какую гадость от них ждать, можно было только догадываться. Забросают бутылками с горючей смесью, и поджаримся живьем. Им, небось, и кресты и отпуска за ликвидацию русских разведчиков пообещали. Мы открыли огонь из автоматов. В щель от выбитого колеса сразу полетели пули немецкого МГ-42. Напарнику пробило насквозь щеки. Он лежал на дне окопчика и отплевывался кровью. Я выпустил остаток диска наугад, вставил запасной и переполз к передним колесам.

Кто видел, как бьет автомат ППШ, представляет клубок пламени, вылетающий из ствола и отверстий кожуха. Отличная мишень! Меня снова загнали в окоп, но кого-то из немцев я крепко зацепил. Продолжал

стрелять, меняя места, держа автомат над головой. Меня и напарника спасли наши минометчики, открыв беглый отсечный огонь. Мы вылезли из-под бронетранспортера и сумели отползти метров на семьдесят. С час пролежали в глубокой воронке. Я почти оглох и, выкопав выемку, наблюдал за немецкими траншеями, готовый открыть огонь, если нас попытаются взять живыми. Напарник мучался от боли, стонал, рвался куда-то бежать, пока не получил пулю в руку. Начало смеркаться, и мы кое-как доползли до своих.

До сих пор не понимаю, как нас немцы выпустили живыми. Нахожу лишь одно объяснение. Позиции фрицев были сильно прорежены, солдат не хватало, да и наши минометы шорох навели. Ну, и, конечно, везение. Эта разведка стала для меня уроком. Кстати, реакция на результаты была разная. Лейтенант Федосов нанес на карту замеченные нами огневые точки и хвалил меня за решительность. Потом сразу пошел к начштаба докладывать о результатах. Саша Голик после ужина, когда я немного успокоился, отчитал меня:

— Ты головой соображаешь? Залез фрицам под самый нос. Ведь я тебя предупреждал: есть смелость, а есть глупость. Тебя сегодня Бог спас, а напарник в госпиталь угодил.

Видя, как я сник, Саша обнял меня, сказал, что я смелый парень. Мы выпили еще, я признал свою неосмотрительность. На этом инцидент был исчерпан. Кстати, утром, перед строем, лейтенант Федосов объявил мне благодарность за добытые важные сведения. Но я уже получил от Голика и остальных старых разведчиков оценку своего «подвига». Благодарность выслушал и коротко ответил, ни на кого не глядя:

— Служу трудовому народу!

Как и положено по уставу.

...Была середина июня. В воздухе висело предчувствие большого сражения, которое позже назовут Курской битвой. Мы стояли южнее Курского выступа. Наша дивизия входила в состав резерва Главного командования. Большинство подразделений находились в 15—20 километрах от линии фронта. Полк также отвели во второй эшелон. Несмотря на удаленность от переднего края, все подразделения спешно окапывались, рыли глубокие щели. Наш взвод вел наблюдение. Не за немцами, а скорее выполнял функции специальных постов и патрулей. Мы проверяли документы у водителей машин, следующих вне воинских колонн, задерживали подозрительных военнослужащих, гражданских лиц.

Не знаю, попадались ли среди них шпионы, но мы добросовестно передавали их в комендатуру и особый отдел. Запомнился парень лет восемнадцати. Он кинулся убежать. Бежал быстро, мог скрыться в кустарнике, и мы открыли огонь. Пробили ему голень. Он катался по земле, кричал от сильной боли. Когда перевязали и стали допрашивать, беглец сознался, что его призвали в армию, а «мамка» спрятала в дальнем сарае.

— У нас отец и два брата погибли. Кроме меня, трое малых остались. Мамка сказала, что все равно немцы придут, хоть один мужик в семье уцелеет.

Мне показалось, что парень не совсем нормальный. Я посоветовал ему в особом отделе каяться и не болтать лишнего про «мамку» и про то, что придут немцы. В сентябре 1943 года, когда шло наступление, часть бойцов и командиров нашего полка передали из 4-й армии резерва Главного командования в 1235-й стрелковый полк, входящий в состав 52-й армии. По-

полняли части, понесшие серьезные потери в ходе Курской битвы и дальнейшего наступления. Я попрощался с Сашей Голиком, другими ребятами и вместе с группой солдат, сержантов и офицеров прибыл на новое место службы. Такой же разведвзвод и должность та же — командир отделения пешей разведки.

Командиром взвода был старший лейтенант Чистяков. Коротко стриженный, в пилотке, легких брезентовых сапогах, он встретил меня доброжелательно. Познакомил со взводом, расспросил о службе и сказал, что нуждается в опытных разведчиках. Опытным я себя не считал. Но если учесть, что половина взвода были новички, то здесь на меня смотрели как на бывалого командира отделения. Я откровенно рассказал, что в поисках участвовал всего несколько раз.

— Ничего, — успокоил Чистяков. — Войну ты уже понюхал, под огнем побывал. Медалью «За отвагу» так просто не награждают. А что лишнего не хвалишься, это хорошо.

Чистяков был более опытным командиром, чем Федосов, более решительным, изобретательным. Он «перетягивал» к себе во взвод саперов, радистов, артиллеристов. У нас был свой переводчик, не слишком большой знаток, но умевший перевести нужные вопросы и ответы. Хотя взвод считался пешим, Чистяков обзавелся двумя трофейными мотоциклами. Имелось достаточное количество биноклей и хорошая стереотруба. Автоматы были наши, пистолеты и ножи у некоторых разведчиков — трофейные.

Фронт на участке армии какое-то время стоял на месте. Мы находились километрах в восьмидесяти от Полтавы. Расстояние до немецкого переднего края составляло от 400 до 700 метров. Мощных укрепле-

ний противник возвести не успел. Спешно минировались подходы, немцы устанавливали по ночам бронеколпаки, зарывали в землю танки. Я знал, что долго стоять на месте не будем. Шло наступление на Днепр, и передышки были короткими.

Два дня я вел вместе с отделением наблюдение за передним краем, а затем был направлен с группой за «языком». Полковая разведка действовала очень активно. Зная, что скоро возобновится наступление, такие группы посылали часто. Командир полка требовал информацию о тех войсках, которые нам противостоят. Группу возглавлял сержант Михась, белорус из-под Орши. Вначале я думал, что это его имя, оказалось — фамилия. Так его все и называли. Жилистый, с очень сильными цепкими руками, он имел немалый опыт и напоминал мне Сашу Голика. Два человека были из моего отделения. Ваня Уваров, тоже крепкий парень, до войны занимался борьбой. В группе был еще паренек из-под Казани. Фамилию его я не запомнил.

Каждая вылазка за «языком» словно нырок в холодную воду. Заранее представляешь, как ползешь через нейтралку, замираешь при свете ракет, а что ждет впереди, один Бог знает. Мы взяли зазевавшегося часового и благополучно вернулись. По нам открыли огонь, когда группа уже была рядом с нашими траншеями. Помню, что пленного вначале допросили прямо в землянке Чистякова. Как вели себя пленные? Они прекрасно знали, если начнут отпираться, изображать героев, хорошего не жди. Говорить все равно заставят, а за упрямство могут и пристрелить.

Отмечу сразу, в сентябре сорок третьего года фрицы не чувствовали себя побежденными. Их вера в

Гитлера и в мощь своей армии была крепкой. Кроме того, они боялись за своих близких, которых могут отправить в концлагерь, за «предательство». Тот пленный изворачивался, плел очевидные вещи, которые мы знали и без него. Потом разговорился, но мы никогда не верили пленным. Поэтому всегда старались взять контрольного «языка». А вот с контрольным у нас получилась неувязка.

В ночь, когда я отдыхал, на другом участке предприняли новую вылазку. С одной стороны, лезть за «языком» два раза подряд было опасно. А с другой, несмотря на строгие приказы начальства, немецкие солдаты на переднем крае несколько расслабились, считая, что русские две вылазки подряд не повторят. Повторили. И нарвались на неожиданность. Немцы осветили передний край «люстрами». Так мы называли большие светящиеся ракеты, которые запускали из минометов. «Люстры» медленно снижались на парашютах, заливая все вокруг ярким светом. Разведгруппа оказалась как на ладони. Несмотря на то что ребята лежали неподвижно, по ним открыли такой огонь, что они вынуждены были отползать. Четверо разведчиков погибли, а двое оставшихся в живых получили ранения.

Хотя разведчики стараются унести с собой тела погибших товарищей, в данном случае все четыре трупа остались на нейтральной полосе. По ним весь день тренировались или вымещали злобу немецкие пулеметчики. К вечеру тела представляли собой жуткое зрелище. Бесформенные, изорванные пулями трупы со снесенными лицами, отбитыми руками. Командир разведки полка и наш взводный Чистяков собрали сержантский состав взвода, обсуждали причины трагической неудачи.

— Нельзя каждую ночь людей гонять, — сказал один из сержантов.

Капитан, начальник разведки полка, его не оборвал, а терпеливо объяснил, что сейчас такая ситуация. Вот-вот начнется наступление, а мы не знаем, кто перед нами.

— Давайте на разведке выезжать! — раздался тот же голос. — Четверых угробили, посылайте еще.

— Не возьмем контрольного «языка», пошлют роту и две в разведку боем. Там не четверо, а все сорок или шестьдесят за паршивого «языка» полягут.

Это вмешался Чистяков. Он спокойно разобрал случившееся. Пришли к выводу, что надо было лежать и не шевелиться. Немцы случайно в кого-то попали, а остальные задержались. Поэтому и постреляли группу, как в тире. С одной стороны, лейтенант был прав, а с другой... попробуй лежать неподвижно, когда в тебя из пулеметов садят.

Двое суток мы наблюдали за передним краем. Я получше познакомился со взводом, своим отделением. Ребята хорошо отзывались о командире взвода. Авторитетом пользовались сержант Михась, помкомвзвода Василий Бессчетных. Отдельно упоминали кавказца, я запомнил только его национальность — табасаранец. Одна из небольших народностей, насчитывающая тысяч семьдесят человек. Он держался немного в стороне от других и был знаменит тем, что в разведку ходил только один. «Языков» приводил, плотно замотанных капюшоном, а руки связывал тонким сыромятным ремешком.

Мне было интересно с ним познакомиться поближе. Кавказец, лет двадцати, был хорошо сложен, широкий в плечах, на ремне висела кобура с массивным

немецким «вальтером» и кинжалом, тоже трофейным. Говорили, что он не брал с собой автомат, а действовал чаще кинжалом. Пожали друг другу руки, но разговора не получилось. Он назвал имя, которое я сразу забыл, односложно ответил на два-три моих вопроса и прикрыл глаза, когда я начал что-то говорить. Возможно, табасаранец плохо меня понимал, а скорее всего, просто не имел желания разговаривать. Ребята называли его Казбек. Или по созвучию с именем или по названию горы, которую знал каждый. «Казбек» считались тогда лучшими папиросами.

Михась, служивший во взводе давно, сказал, что Казбек парень своеобразный, лучше к нему не приставать. Узнав, что я учился в железнодорожном техникуме, Михась уважительно покивал и сообщил, что перед войной работал год путейцем-ремонтником под Оршей. Семья осталась в оккупации, а сам он сумел выбраться на одном из последних эшелонов. Видел, как станцию бомбили немецкие самолеты. Получилось так, что Михась и Ваня Уваров стали моими близкими друзьями. В разведке вообще отношение друг к другу очень теплое. Хотя вначале присматриваются и принимают в коллектив после совместных вылазок в немецкий тыл, где человек быстро проявляется. Случалось не раз такое, что ребят отчисляли. Но об этом позже.

Вторая вылазка за контрольным «языком» закончилась также неудачно. Немцы выдвинули метров на сто вперед боевое охранение. Нас обстреляли из пулемета уже издалека. Поднялся шум, и мы от греха убрались назад в траншею. Стало ясно, что в ближай-

шее время ночная охота ничего не даст. Было принято решение сделать это днем.

Дело в том, что сентябрьское наступление, все больше отодвигая линию фронта на запад, практически полностью не прекращалось. На одних участках фронт ненадолго замирал, шло срочное пополнение полков людьми и техникой. На других — удары продолжались. Немцы, ранее избегавшие оставлять свои части в окружении или полукольце на опасных выступлениях, чтобы не попасть в «котел», теперь оборонялись с ожесточением. По правому берегу Днепра строился знаменитый Восточный Вал, система мощных укреплений. Главной задачей немецких частей являлось замедлить наступление Красной Армии, дать возможность перебросить через Днепр как можно больше людей и тяжелого вооружения.

Один из таких выступов образовался перед нами. Немецкая оборона врезалась в наши позиции метров на семьсот. Прямоугольник шириной не более четырехсот метров насквозь простреливался нашими орудиями и пулеметами. Немцы упорно за него держались, хотя несли большие потери. Взять этот «прыщ» было нелегко, болотистая речка, бронеколпаки, блиндажи, минные поля. Подготовка к наступлению еще не была завершена, но полк уже располагал достаточным количеством артиллерии и тяжелых минометов. Вряд ли из-за «языка» командование дало бы разрешение на операцию. Силы копились для наступления. Но этот «прыщ» мешал всей дивизии, и его решили подрезать.

Ближе к вечеру открыли огонь гаубицы и тяжелые минометы. Огонь обрушился на среднюю часть прямоугольника, одновременно имитировалась подго-

товка к атаке с обеих сторон. Немцы не стали рисковать жизнями нескольких сотен своих солдат и офицеров. Начался отвод людей в сторону основных позиций. Фрицы отступали организованно, но сильный огонь вносил сумятицу. Отход превращался кое-где в бегство. Всё это происходило на небольшом пятачке. Пока пехотные роты имитировали атаку, два отделения разведвзвода и группа саперов проникли на восточный край пятачка. Почти все немцы его уже покинули. Спешно взрывали бронеколпаки, блиндажи, поджигали из огнеметов прибрежный лес, кустарник. Перед этим Чистяков пытался убедить командира полка провести атаку силами одной или двух пехотных рот, но получил отказ.

Пехоту у нас никогда не жалели, посылая в лобовые атаки. Но перед наступлением действовал приказ беречь людей. Сверху решили, что пока не время вводить в бой стрелковые роты. Возможно, это было правильно. Хотя немцев осталось мало, пулеметов у них хватало. Мы перебрались по колено в грязи через пересохшую речку и сразу попали под огонь. По существу, для меня это был первый открытый бой. Запомнились отдельные эпизоды. Упали сразу двое саперов и один из разведчиков. Кто-то поднялся, пули вырвали клочья из гимнастерки на спине, и человек вновь ткнулся лицом в землю. Мое отделение шло через кусты, которые с одного края горели. Показались убегающие фигуры, мы открыли огонь. Сгоряча забыли, что нам нужен «язык». Я крикнул: «Стреляйте по ногам!»

Рядом со мной упал разведчик. Пули попали ему в лицо и горло. Ранения были смертельные, он умер у меня на глазах. Не дай Бог кому видеть агонию уми-

рающих людей, которым невозможно помочь! Всё сжималось внутри от страха и ненависти. Пулемет продолжал бить в нашу сторону, мы отвечали автоматными очередями. Неподалеку вел огонь еще один пулемет. Чистяков подбежал ко мне и показал направление.

— Уничтожь его! И постарайся взять кого-нибудь живьем.

Я разделил отделение на две группы. Поползли, огибая пулеметные вспышки с двух сторон. Укрытие у немцев было довольно простое, но крепкое. Бетонная плита, уложенная поверх окопа, узкая амбразура на высоте полуметра. Обзор у пулеметчиков был неплохой, учитывая, что гнездо располагалось на бугорке. Когда ползли, вдруг увидели немца. В руках он держал трубу огнемета, за спиной висел увесистый баллон. Расстояние не превышало метров пятнадцати. Нас было четверо. Если бы фриц успел заметить группу, то сжег бы нас за несколько секунд. На войне кому-то везет, а кому-то нет. Немец стоял к нам спиной, когда услышал шаги, хотел обернуться, но было поздно. Мы открыли огонь все четверо. В огнеметчика попало не меньше двух десятков пуль. Он свалился на подломившихся ногах, как кукла. Загорелся баллон, из гибкого шланга, пробитого пулями, брызнули струйки огненной жидкости. А в нашу сторону снова ударил пулемет. Он стрелял под углом, но зацепил одного разведчика.

Мы оттащили парня за кусты. У него были пробиты рука и ладонь. Сильно текла кровь, я оставил второго разведчика перевязать раненого. Вдвоем с Ваней Уваровым поползли, огибая пулеметное гнездо. Неподалеку пробежали двое немцев и скрылись из виду.

Потом появился еще один. Мы выстрелили ему в ноги и, забыв про пулемет, бросились к упавшему солдату. Впрочем, это был не рядовой солдат, а фельдфебель. Он ворочался, зажимая перебитую голень. От сильной боли громко стонал. Видя, как сильно течет кровь, торчат осколки кости, я понял, что как «язык» немец нам не пригодится. Живого врага оставлять за спиной нельзя. На войне не бывает красивых жестов. Мы добились фельдфебеля, забрали автомат, вынули из кобуры «вальтер» и снова двинулись в сторону дота.

Здесь мы уже действовали спокойно. Зайдя с тыла, бросили две гранаты перед амбразурой и у входа, защищенного не слишком толстой металлической дверью. С полсотни слов по-немецки я знал и предложил немцам, сидевшим в доте, сдаваться. К нам присоединился третий разведчик и двое саперов. Немцы раздумывали. Саперы бросили под дверь толовую шашку. Взрыв вмял ее внутрь. Прямо на амбразуру шла цепь наших пехотинцев. Я испугался, что немцы откроют огонь, и заорал, кое-как подбирая слова, чтобы вылезали быстрее и не вздумали открыть огонь. В руке у меня была зажата граната РГ-42 с небольшим разбросом осколков. Я собирался бросить ее в амбразуру, но один из немцев попросил дать честное слово, что их не убьют. Еще он спросил с сильным акцентом: «Вы НКВД или солдаты?».

— Солдаты! — закричал я. — Не тронем мы вас. Вылезайте быстрее, пока остальные не подоспели. Гранатами забросают.

Так бы оно и случилось. Наступающей пехоте было наплевать на «языков». В атаках пленных не брали. Фрицы это поняли. Двое, поддерживая друг друга, выбрались через щель между смятой дверью и кося-

ком. Оба были контужены, но передвигаться могли. Я сразу же отправил их, как было приказано, в сопровождении разведчиков в штаб полка. Втайне надеялся, что нас наградят. Всё же пленных мы взяли в бою, неся потери.

Не поленился заглянуть в нору, где сидели пулеметчики. Укрепление хоть и не дотягивало до полноценного дота, но было сделано добротное. Земляные стены укреплены бревнами, амбразура прикрывалась заслонкой толщиной сантиметра четыре. Пулемет МГ-42 с оптическим прицелом стоял на треноге. Меня поразило количество боеприпасов. Не меньше двадцати коробок с пулеметными лентами, несколько цинковых ящиков с патронами, ящик с небольшими круглыми гранатами, величиной с гусиное яйцо. На гвозде висели противогазы и огнетушитель. Ваня собрал несколько банок консервов и сложил их в брезентовую сумку. Ящик с подходящими для нас компактными гранатами придвинул к ногам. Командир пехотного взвода, парень года на два постарше меня, попытался наложить лапу на пулемет.

— У нас всего один «дегтярь» во взводе остался, — пояснил он.

Я был злой на пехотинцев. По существу, нам пришлось воевать вместо них, мы потеряли несколько человек убитыми. Посоветовал младшему лейтенанту выметаться. Трофеи, в том числе пулемет, принадлежат нам. Пулемет мне был не нужен, разведвзводу он не полагался по штату. Мы и автоматы трофейные держали на всякий пожарный. Глядя фильмы о разведчиках, сплошь вооруженных немецкими МП-40, скажу, что это ерунда. Пользоваться трофейным автоматом опасно. Можно словить гранату или ответную

очередь от своих. Поэтому мы брали с собой только ППШ, а позже легкие и удобные автоматы Судаева. К сожалению, их поставляли в 1943 году очень немного.

— Брось, земляк, — почувал мое настроение младший лейтенант. — Зачем разведке пулемет? Хочешь, я тебе часы хорошие подарю?

Часов у нас хватало. Но взводный подарил мне действительно хорошие австрийские часы, со светящимися стрелками и компасом. Впрочем, пулемет мы бы все равно ему отдали. Бойцы быстро собрали сошки, корпус МГ-42 с запасным стволом и двумя затворами в отдельном футляре. Немцы пунктуально предусматривали все для бесперебойного огня пулемета вплоть до сменных частей.

Всего разведвзвод захватил четырех «языков». Через сутки началось общее наступление. Сомневаюсь, что от наших пленных была великая польза. Ведь планы заранее были утверждены на уровне командования фронта. Если бы даже немцы сообщили сверхсекретные сведения о наличии огромного числа орудий и мощных укреплений, вряд ли наступление бы отменили. В любом случае, данные, полученные от «языков», сыграли положительную роль. Наступали не вслепую. Нашему взводу эта вылазка обошлась дорого. Мы похоронили пятерых погибших разведчиков, еще семь или восемь убыли в санбат. Только что укомплектованный взвод потерял треть личного состава. Получил второе ранение и лейтенант Чистяков. Несмотря на это, он снова остался в строю.

Наша дивизия в числе других войск наступала на Полтаву, которую немцы превратили в крупный укрепленный пункт. Разведка двигалась в первых рядах,

вместе со штурмовыми отрядами. Пешком мы бы не успевали. Кроме двух мотоциклов, нам выделили полторку. Еще один мотоцикл мы захватили у отступающих немцев. Какая задача у разведвзвода в наступлении? Та же. Быть глазами и ушами полка.

Мы мотались по проселочным дорогам, выискивали узлы обороны, артиллерийские заслоны и тут же сообщали о них командованию. Иногда шли вместе с танкистами и десанниками на броню. Здесь я увидел еще одну сторону войны. Как дерутся и гибнут в горящих машинах танкисты. Пропаганда создала из Т-34 ореол непобедимого танка. К сожалению, к лету сорок третьего года немецкие «Тигры» и «Фердинанды» по большинству показателей превосходили Т-34. Этих машин у немцев было сравнительно немного, зато сильной противотанковой артиллерии хватало. Я видел, как фрицы подбивали наши танки с такого большого расстояния, что трудно было засечь вражеские орудия и самоходки. Разведчики не имели права ввязываться без крайней нужды в бой. Танкисты же во время наступления на Днепр практически не выходили из боя. Скажу откровенно, что жестокость танковых боев меня потрясла.

Никому (кроме штабных прилипал) не приходилось легко в той войне. Но что чувствовали в тесных железных коробках люди, идущие под огонь орудий, можно только представить. Однажды я увидел сразу десять или одиннадцать сгоревших «тридцатьчетверок». Жуткое зрелище. Почти все трупы, лежавшие рядом, сильно обгорели. А уж что осталось от тех, кто был внутри, лучше не рассказывать. Головешки, комки угля.

Мы тоже несли потери. Если разведка не замечала

вовремя засаду, нас немцы пропускали. Ожидали передовые части. Но ребята, оказавшиеся в кольце, как правило, были обречены. Так получилось с группой из четырех человек на двух мотоциклах. Они шли на М-72 с коляской и на одиночном трофейном «зюндаппе». Ребята не заметили закопанных на обочине дороги два «Фердинанда». наших разведчиков пропустили. Фрицы не стреляли даже из пулеметов, когда они подъехали к хорошо замаскированным траншеям. Ребята увидели немцев с запозданием, уже приближались наши головные танки и грузовики с пехотой. Дали красную ракету, но было поздно. Дальнобойные орудия «Фердинандов» подбили и сожгли четыре танка и несколько грузовиков. Чудом вырвался один из разведчиков на «зюндаппе» без коляски. Гнал под пулями по степи. Когда вернулся, его едва не расстреляли. Спасло то, что разведчик был ранен, а мотоцикл сплошь исклеван пулями.

Солнечный сентябрьский день стал для нашего полка «черным днем». На дороге горели танки. Кроме «Фердинандов» открыли огонь с закрытых позиций гаубицы и тяжелые минометы. Снаряды и мины добивали разбегающихся бойцов, которые даже не видели, откуда стреляют. Развернули батарею 76-миллиметровок, но «Фердинанды» они взять не могли, слишком толстая броня. Не успевшие окопать свои орудия, артиллеристы гибли от попаданий 88-миллиметровых снарядов. Всю батарею уничтожили меньше чем за полчаса. Среди воронок и перепаханной земли торчали согнутые стволы, нелепо задранные вверх станины, лежали тела погибших артиллеристов.

Но свою задачу они выполнили. Местонахождение «Фердинандов» и немецких гаубиц было установлено.

По их позициям открыли огонь наши шестидюймовые гаубицы, а затем с тыла атаковали танки и пехота. Позже мы проходили мимо. Оба «Фердинанда» догорали, огромные массивные машины с шестиметровыми пушками, способные пробить броню наших танков за два километра. С десятков гаубиц были смяты, расплющены орудийным огнем и гусеницами танков. Угадывались серые пятна убитых немецких артиллеристов. Бой был жестоким, пленных после него не осталось. В тот день полк потерял погибшими более двухсот человек. Кроме самоходок, минометов и гаубиц, немцы вели огонь из пулеметов. Все они были уничтожены, раздавлены вместе с расчетами. Кто-то пытался спастись на грузовиках и легких вездеходах, но мало кому удалось уйти. Быстроходные «тридцатьчетверки» оставили на обочинах цепочку догорающих машин и десятки немецких трупов.

Командир полка отчитал Чистякова, сгоряча грозил трибуналом за то, что разведка прозевала немецкий заслон. Трудно определить степень вины наших разведчиков. Почти все попавшие в засаду ребята погибли, а «Фердинанды» открыли огонь с расстояния более километра. На таком расстоянии, да еще на ходу, трудно различить хорошо замаскированные, закопанные в землю самоходки. А гаубичный дивизион вообще находился за пределами видимости, укрытый холмами. Были допущены ошибки и танкистами. «Разбор полетов» не проводили. Похоронили погибших и двинулись дальше. Чистяков и все мы переживали случившееся. Но во время наступления немцы постоянно оставляли засады и сильные заслоны. Каждую засаду вовремя не обезвредишь. Война есть война. Ваня Уваров сказал мне так:

— Прем вперед без остановки, вот и влетаем. А с другой стороны, как не спешить, если фрицы за Днепр свои войска спешат перебросить. За рекой один немец троих будет стоять. Бить их надо, сволочей, пока не переправились.

Двадцать третьего сентября была освобождена Полтава. Мы на двое суток задержались на ее окраине. Ремонтировали технику, отсыпались после нескольких бессонных ночей. Обсуждали тот случай. Сержант Михась говорил, что глупо винить разведчиков, которые погибли и все же подали сигнал об опасности. Во время стремительного наступления такие вещи неизбежны. А нас все дни гнали без остановок: «Вперед! Нельзя давать немцам передышку». В честь взятия Полтавы хорошо выпили. Чистяков, загибая пальцы, перечислял погибших из разведвзвода. Текучка была страшная. Кто продержался полгода, считался старожилом, а с сорок второго года остались двое или трое разведчиков.

За освобождение Полтавы в дивизии многих награждали. После того случая с «Фердинандами» мы, разведчики, оказались вроде как в опале. Начальник штаба и его помощник по разведке побывали у нас. Посмотрели на наш поредевший взвод. Сам Чистяков, худой, желтый после двух ранений, оставшийся в строю, попросил пополнения. Начальник штаба не ожидал, что мы несли такие потери:

— А чего удивляться? — усмехнулся лейтенант Чистяков. — Нас же гонят и вместо пехоты. Воеем...

Напомнил, как мы брали «языков», потеряв в бою пятерых убитых и несколько тяжелораненых. Начальник штаба имел влияние на командира полка. Пополнение нам дали. Мало того, Чистякова наградили ор-

деном Отечественной войны, а пять-шесть разведчиков медалями. Среди них был и я. Получил вторую медаль «За отвагу». А пополнение? Что толку с необученных ребят. Так, для количества. Учили их на ходу, так как дивизия и полк непрерывно вели наступательные бои.

На подступах к Днепру я попал в заваруху, из которой едва выбрался. Полк двигался пешим порядком. Но шли быстро, останавливаясь на короткие ночевки и дневные привалы по пятнадцать-двадцать минут. У бойцов разваливались ботинки. Подвязывали подошвы проволокой. Несмотря на то что шел конец сентября, было по-южному тепло, почти жарко. Бойцы шли мокрые от пота, некоторые падали от усталости. Хорошо, что часть боеприпасов перегрузили на подводы, захваченные у отступавших фрицев.

В то же время ночи стояли холодные, ночевать было негде. Практически все поселки и отдельные дома сжигались немцами при отступлении. Поверьте, что при температуре плюс 6—8 градусов, да еще на голой земле, спать почти невозможно. Люди падали от усталости, а ночью просыпались от холода. Зажигать костры запрещалось. Немецкие ночные бомбардировщики не дремали, из темноты на огонь не раз летели бомбы.

В тот день мы двигались, как обычно, «гребенкой», охватывая группами главный шлях и боковые ответвления, более или менее наезженные проселочные дороги. По одной из боковых дорог шла наша полуторка, в которой находился я и еще несколько разведчиков. Остальной взвод «пешей» разведки двигался на мотоциклах и лошадях. Мы, словно пальцы огромной ладо-

ни, ощупывали путь впереди полка. Миновали очередной сожженный хутор: остатки глинобитного дома с рухнувшей крышей, сгоревшие сараи, гумно. Очень хотелось пить, но в колодец немцы бросили дохлую лошадь. Из глубины шла дикая вонь. Других источников или ручьев поблизости не было. Облизнули потрепавшиеся губы, глядя, как водитель заливает в радиатор холодную, но отравленную заразой воду. Даже огород с помидорами и бахча с арбузами были смяты колесами и гусеницами машин.

Нашли несколько расколотых арбузов, немного помидоров, разделили на всех. Нас было человек восемь-девять: два сапера, помкомвзвода Бессчетных, я, Ваня Уваров и еще трое-четверо разведчиков. Единственная рация во взводе была у лейтенанта Чистякова, двигавшегося по основной дороге. Мы же в случае опасности обязаны были подать сигнал красными ракетами.

Миновали хутор. За нами увязалась собачонка. Мы бросили ей несколько кусков хлеба. Она глотала их на бегу, не жуя. Хотя до Днепра оставалось не меньше тридцати километров, мы на каждом бугре вставали в рост — не видна ли голубая полоска реки. Все с нетерпением рвались к Днепру. А чего рваться? Дойдем, а там начнется переправа, во время которой людей гибнет больше, чем в атаках.

У одного из бугров вдруг увидели отходящий немецкий обоз. Шесть больших подвод на резиновом ходу, ездовые, цепочка солдат человек двенадцать. Вооружены мы были хорошо. Кроме автоматов, имели трофейный чешский пулемет «зброевка» и наш «дегтярев», снятый с подбитого танка. Немцы, заметив нас, замерли. Мы с ходу открыли огонь и на пол-

ном газу кинулись догонять обоз. Немцы дали несколько ответных очередей. Человек пять бросились убежать, остальные стояли у повозок с поднятыми руками. Кого-то из бегущих мы достали пулеметным огнем, один или два нырнули в неглубокую балку.

Согнали пленных в кучу. Винтовки и автоматы они уже сложили на землю. Прежде всего мы искали воду. Нашли несколько канистр. Я выпил литра два. В подводах было разное имущество: шинели, брезент, телефонный кабель, несколько ящиков с патронами. Короткий допрос пленных ничего не дал. Они объяснили, что уже неделю отступают и ничего не знают о других частях. Посадили двух унтеров и одного солдата постарше в полторку и в сопровождении двоих разведчиков отправили в полк. В любом случае, «языки» были нужны.

Помню, почти все переобулись в добротные немецкие сапоги с подковами. Портянки прилипали к коже и отрывались клочьями. Не пожалели воды, обмыли сбитые, кровоточащие ноги. Надрали материю на портянки, кто-то надел по две пары носков, найденных в телегах. Искали еду, но, кроме куска сырой подсоленной свинины, ничего не нашли. Следом за полторкой отправили подводы с остальными пленными, тоже в сопровождении конвоя. Осталось нас пятеро — Бессчетных, Ваня Уваров, я и два сапера. Пошли пешком. Надеялись, что «полторка» скоро вернется. Шагали бодро, в новых сапогах, фляги с водой полные. Да и вообще, наступление поднимало дух.

Километра через три увидели еще один дымящийся хутор. Шагали осторожно, вовремя заметили ору-

дийные окопы, мелькание лопат. Там окапывались, готовясь к обороне, немцы. Километрах в полутора от хутора было небольшое кладбище. Я таких кладбищ раньше не видел. Посреди голой выжженной степи, как оазис, стояли огромные, высотой метров по двадцать тополя, под ними вязы. Ну и, конечно, кресты, каменные плиты. Нас спасло то, что по укоренившейся привычке мы шагали молча друг за другом. Да еще пригнулись и прибавили шагу, чтобы нас не заметили из сгоревшего хутора. Когда дошли до кладбища, слышали неподалеку голоса. Мы замерли, затем бросились в траву среди деревьев.

Ваня Уваров осторожно осмотрелся, прополз в глубину кладбища. Вернувшись, доложил, что немцев человек пятнадцать, роят орудийный окоп для 75-миллиметровой пушки. Еще там находится легкий вездеход с пулеметом. Вот тут нам стало не по себе. Кладбище стояло в стороне от дороги. Основной заслон немцы спешно оборудовали среди развалин хутора, а на кладбище устанавливали орудие, чтобы открыть огонь с фланга. Будь кладбище поближе к дороге, они бы всю батарею здесь укрыли, очень уж место удобное.

Мы поняли, что вляпались в ловушку. Чудес на свете не бывает. Повезло, немцы нас пока не заметили. Не ожидали, что из степи появится пешая группа русских. Но уйти вряд ли удастся. Или артиллеристы заметят, или из хутора разглядят. Да и не могли мы просто так уйти и подставить передовые части под удар. До немцев было метров двести. На таком расстоянии не обязательно видеть врага, его можно уловить чутьем опытного солдата. Ничего в этом сверхъестественного нет. Мы в разведке не раз угадывали,

есть ли в траншеях немцы, хотя оттуда не доносилось ни звука.

— Затворами не щелкать, — запоздало предупредил нас Василий Бессчетных, — огонь открывать только по моей команде.

Соображения у всех хватило не взводить затворы и не греметь гранатами. Лежали мы неподвижно, ожидая наших. И полуторка должна была вернуться, и передовые части не могли обойти хутор стороной. Но было по-прежнему тихо, только негромко переговаривались немцы, готовя оружие к бою. Мы шепотом обсудили, что делать при появлении наших. Любой вариант сулил нам оказаться между молотом и наковальней.

Дальнейшее надолго оставило в моей душе нехороший осадок. Показалась полуторка. Выпустить условленные красные ракеты означало для нас смерть. Фрицы окружат и уничтожат нашу группу в считанные минуты. Что мы сделаем с тремя автоматами и двумя винтовками против полутора десятков немцев и пулемета? Мы смотрели на Василия Бессчетных, ожидая его решения. Он вышел из-за деревьев и, встав в рост, отчаянно замахал автоматом, скрещивал руки, показывая, что ехать сюда нельзя. Но ребята на полуторке не поняли его и прибавили газу, махая руками в ответ.

Тогда Василий выпустил две красные ракеты подряд. Это был сигнал опасности. Разведчики, видимо, посчитали, что опасность в хуторе, а не на островке деревьев среди могил. Они тоже выпустили вверх две красные ракеты и, не снижая скорости, мчались прямо в ловушку. Все происходило быстро. Из-за топо-

лей вывернулся вездеход с пулеметом. МГ-42 дал на ходу одну и другую пристрелочную очередь, а потом ударил в полную силу, выпуская двадцать пуль в секунду. Бледная при свете дня трасса уткнулась в полуторку. Машина завилыла, остановилась и вспыхнула.

Мы открыли огонь по вездеходу, до которого было метров сто. Кого-то зацепили, но пулемет повернулся в нашу сторону, и веер пуль хлестнул по земле, стволам деревьев. Мы уже лежали в траве, которая укрыла и спасла нас, потом поползли за деревья. Он бы нас добил, этот легкий бронетранспортер с пулеметом МГ-42, но показались танки, идущие в сторону хутора. Транспортёр попятился в свое укрытие, захлопала противотанковая пушка и орудийная батарея с хутора.

Фрицы огнем с фланга подбили один танк, но две других «тридцатьчетверки», отделившись от колонны, на большой скорости помчались к кладбищу, бегло стреляя из орудий и пулеметов. Они раздавили пушку, а вездеход сумел скрыться. Мы тоже пытались участвовать в этом коротком бою. Застрелили немецкого артиллериста. Увидев нас, танкисты не удивились. Покурили, даже похвалили, что мы дали красные ракеты:

— Молодцы, разведка!

И с ревом умчались, оставив вдавленную в землю пушку и мертвые тела немецкого расчета. Мы пошли к горящей полуторке. Из трех человек там остался в живых лишь один. Молодой парень-разведчик, тяжело раненный в грудь и лицо. Мы понесли его в хутор, который уже пропахали наши танки, колонной шла пехота. По дороге тяжело раненный разведчик умер.

Встретили лейтенанта Чистякова. Василий Бессчетных пытался рассказать о случившемся. Все мы чувствовали вину за гибель троих товарищей, Чистякову было не до переживаний. Он приказал похоронить погибших, и мы двинулись дальше. Судьба сберегла в тот день всех пятерых, оказавшихся в ловушке. Никто даже не был ранен. Когда похоронили троих товарищей и дали залп, Ваня Уваров с горечью проговорил:

— Что-то мы не так сделали. Сидели у немцев под носом и все выжили.

— Радуйся, дурак, — сказал пожилой сапер, — нашей вины тут нет. Кому какая судьба.

На правый берег Днепра мы перебирались ночью через понтонный мост. На берегу наши войска уже захватили плацдармы, саперы навели переправу. Нам не пришлось форсировать реку на плотках под огнем противника. Но вскоре я был ранен.

Проводили разведку и зашли в небольшое сожженное село. Нас было человек семь вместе с саперами. Местность вокруг оставалась пока ничейной. Немцы отступили, а наши ждали результатов разведки. Слишком часто натыкались на засады и мины, поэтому части двигались осторожно. По нам открыли огонь из пулемета. Стреляли издалека. Тактика у немцев была примерно такая. Сильным огнем заставить нас залечь, потянуть время, пока мы вызовем подмогу, а потом исчезнуть.

Мы решили разделаться с пулеметом самостоятельно и, если удастся, взять «языка». Разделившись на две группы, осторожно обошли пулеметное гнездо с флангов. Пулеметчики заметили меня и развернули стволы. Что-то ударило по ноге. Боли вначале не по-

чувствовал, потом стало жечь в голени. Сильно текла кровь. Меня перевязали. Повезло, что не перебило кость. Я остался лежать, а ребята забросали пулеметчиков гранатами. Было уже не до «языка», так как ранили еще одного разведчика. Я доковылял до развороченного гранатами окопа. Помню, зажимая дырку во фляжке, мне дали выпить рома. Я сделал несколько глотков, невольно поглядывая на изрешеченные осколками тела немецких пулеметчиков. Хоть «языка» и не взяли, зато не подставили под удар передовую роту.

Около месяца лечился в медсанбате. Когда выпи-сали, нога еще толком не зажила, и меня прикомандировали к военной комендатуре. Это была как бы небольшая передышка от войны, но здесь мне пришлось захватить кусочек знаменитого Корсунь-Шевченковского сражения в феврале сорок четвертого года. Многие знают картину известного художника Кривоногова П. А. «Корсунь-Шевченковское побоище». Бескрайнее заснеженное поле, заваленное трупами немецких солдат и разбитой техники. Это было место прорыва, куда устремились из «котла» окруженные немцы.

Часть из них прорвалась, но потери немецких войск были огромны. Чтобы перекрыть все выходы из окружения, кроме регулярных частей, формировались отряды и группы из выздоравливающих раненых, тыловиков, работников штабов и комендантских подразделений. Я командовал в звании старшины отрядом в шестьдесят человек. Что-то вроде усиленного взвода. У нас имелся «максим», два ручных пулемета, мы поддерживали батарею 76-миллиметровок.

Лежали прямо в снегу, выкопав окопчики в колеях

от машин, укрывшись в воронках. Батарея вела непрерывный огонь. «Студебеккер», подвозивший боеприпасы, загорелся. Ящики со снарядами сбрасывали прямо в снег. Потом водитель, отчаянный парень, отогнал грузовик в сторону. Я видел, как он ехал на горящих шинах, а когда спрыгнул, огненным шаром взорвался топливный бак.

Я стрелял из автомата. Выпустил все три диска. Перезаряжать их не было времени. Я взял автомат погибшего бойца, потом винтовку. Стреляли все непрерывно, хотя многие не имели опыта. Немецкий танк пошел прямо на батарею, разбил одно орудие (второе было повреждено миной) и вспыхнул метрах в ста двадцати от наших позиций. Немцы прорывались отчаянно. Правее нас опрокинули и полностью уничтожили стрелковую роту. В прорыв устремились сотни немцев. Мы стреляли им во фланг, некоторые падали, остальные продолжали бежать.

Меня позвали к парторгу. Пожилой мужчина был ранен четырьмя пулями в руку и шею. Он считал, что умирает, пытался что-то сказать, передать документы. Я увидел, что крупные артерии на шее не задеты, помог его перевязать и заверил, что он будет жить. Натиск немцев к тому времени немного ослаб. Я подзвал крепкого рослого бойца, дал ему в помощь двух легкораненых, и мы отправили парторга в санбат. Воевал он, кстати, смело. Утопанный, пропитанный кровью снег возле него был засыпан стреляными гильзами.

Мы провели в дозоре всю долгую холодную ночь. Люди моего сборного взвода (многие в возрасте) мерзли. Чтобы согреться, прыгали, толкали друг друга, а в снежной полутьме мелькали вдалеке тени. Выходили из окружения остатки немцев. Мы давали оче-

редь-другую, иногда посылала снаряд батарея, в которой остались два орудия, оба поврежденные. Утром нас накормили, а к полудню дали приказ возвращаться в часть. Из шестидесяти человек у меня осталось менее тридцати. Хоронила погибших специальная команда.

Уцелевшие бойцы рассчитывали на награды, особенно тыловики. Для них такой бой был героическим событием. Дрались большинство неплохо, хотя несколько легкораненых улизнули без моего разрешения. Но немцев на своем участке не пропустили, хотя человек двенадцать погибли, а два десятка получили ранения. Отступать нам категорически запрещалось, и приказ мы выполнили. Никого из моего сводного отряда не наградили. Мы считались прикомандированным подразделением. Кому заполнять наградные листы, так и не решили.

Бой был ожесточенный, мы понесли большие потери. Я был бы рад, если бы хоть трое-четверо человек получили медали. Я считал, что ребята заслужили. Позже я видел, что многие штабные офицеры щеголяют с новенькими орденами за успех в Корсунь-Шевченковском сражении. Оставалось утешаться только солдатской присказкой: «Не за ордена воюем!» Ну, и ценить то, что мы остались в живых. Немцы всегда боялись плена, лагерей в Сибири, где якобы невозможно выжить из-за страшных морозов. Прорывались они отчаянно, и некоторые наши роты были выбиты почти полностью.

В марте сорок пятого года я был назначен помощником командира разведвзвода 120-го стрелкового полка, 69-й Севской стрелковой дивизии. Принимал

участие в боевых действиях на территории Германии, но особенно врезались в память бои на подступах к Праге. Шел май 1945 года. Покончил с собой Гитлер, был взят Берлин. Но немцы, особенно эсэсовские части, упорно тянули войну, пытаясь прорваться к нашим союзникам, где рассчитывали на снисхождение. Трагические события развернулись в Чехословакии, которая в основном была освобождена нашими войсками. Однако в стране и в Праге оставалась мощная немецкая группировка.

Пятого мая началось народное восстание в Праге. Я позволю себе привести некоторые цифры из исторических источников. В восстании прямо или косвенно участвовала почти вся взрослая часть населения чехословацкой столицы. В ночь с 5 на 6 мая на улицах были воздвигнуты 1600 баррикад, которые защищали 30 тысяч человек. Защитники Праги испытывали сильнейшую нехватку оружия и боеприпасов. Седьмого мая положение восставших стало критическим. Немецкие танки, разбивая баррикады, продвигались к центру города. Эсэсовцы словно не понимали, что война уже проиграна. Расстреливали всех подряд, в том числе заложников, которых выгоняли из домов и убивали под их собственными окнами. Чешское радио постоянно передавало сообщение, что Прага сражается, но требуется срочная помощь, иначе город и население будут уничтожены.

Четвертым Украинским фронтом, в который входили наш полк и дивизия, командовал генерал армии Еременко А. И., решительный и энергичный военачальник, воевавший в Сталинграде. Колонны советских войск по горным и лесным дорогам шли в сторону Праги. Без нужды старались не ввязываться в бои с

многочисленными немецкими частями, пробивавшимися по всем дорогам и через леса на запад. Прага! Вот была цель, которая стояла перед нами. Но по пути в период шестого-девятого мая приходилось часто вступать в бои, чтобы пробить путь.

Разведка, как всегда, двигалась впереди. Транспорта хватало, нам досталось много трофейных машин и мотоциклов. Вспоминается, как меня вызвал командир полка и приказал проверить один из городков, откуда не вернулась разведгруппа. Мы сразу же выехали на двух трофейных машинах. Уже при въезде в городок нам замахали местные жители, стали рассказывать, что наших разведчиков «побили немцы», и проводили к месту боя.

Шли последние дни войны, и гибель товарищей воспринималась особенно болезненно. Я увидел два мотоцикла (один сгоревший) и четыре трупа разведчиков. По ним открыли огонь, когда они въехали в городок. Стреляли из пулемета и нескольких автоматов. Находившийся в коляске сержант, командир отделения, так и остался сидеть в сгоревшем мотоцикле. Тело было сожжено до костей. Опознали его по часам и закопченным наградам. Как ни странно, в кармане несуществующей гимнастерки сохранились документы. Когда я взял их в руки, они рассыпались в пепел. Нападение оказалось внезапным. Лишь один из разведчиков успел выскочить, дать ответную очередь. Его тело, изрешеченное пулями, лежало на тротуаре у стены здания. Кобура для ракетницы была пуста, возможно, он пытался подать сигнал опасности, но не успел. Его ракетницу и автомат немцы унесли с собой.

У нас не было времени похоронить ребят. Я забрал документы и награды погибших. Попросил одно-

го из чехов с красной повязкой на руке и звездочкой на пилотке похоронить ребят неподалеку на площади. Он согласно закивал и попросил, чтобы я написал их имена и даты рождения. На листке бумаги я быстро набросал короткий текст, примерно такого содержания: «Здесь геройски погибли в бою за освобождение Чехословакии советские воины...» и перечислил фамилии.

Вернувшись, доложил командиру полка о случившемся. Немецкий отряд, численностью около батальона, ночевавший в городке, сразу покинул его и двинулся на запад. Продолжали быстрое движение и наши колонны. Темп марша на Прагу был стремительный. Командование торопило: «Ваша цель — Прага, не задерживайтесь ни на час». Машины шли без остановок, хотя в селах и городах путь преграждали сотни людей с цветами, бутылками вина. Кругом висели национальные флаги и флаги красного цвета с серпом и молотом. Встречали нас очень тепло. Так как мы не останавливались, на ходу передавали еду, вино.

Были и другие встречи. С отрядами немцев, которых мы нагоняли. Танки с ходу открывали огонь, мы стреляли прямо из машин, заставляя немцев убегать в лес. На обочине горели подожженные, взорванные немецкие автомашины, бронетранспортеры. У нас появлялись погибшие и раненые. Так как очень спешили, то несколько раз оставляли тяжелораненых на попечение местных жителей. Они сами просили об этом, показывали свои партийные билеты, партизанские удостоверения. Да мы и так видели, как радуется все население освобождению от восьмилетней немецкой оккупации. Мы верили им, и чехи заботились

о раненых, передавая их затем шедшим позади медицинским ротам и санбатам.

О том, каков был темп нашего марша на Прагу, говорит такой эпизод. Из леса нас обстреляли немцы. Получив отпор, отступили. Колонна, не задерживаясь, шла вперед. В одной из машин, рядом с нами, бойцы сидели очень плотно. Пуля попала одному из них в голову и убила наповал. Возможности остановиться не было, и погибшего бойца несколько часов везли стиснутого со всех сторон. Я видел, как выгружали на короткой остановке застывший в той же позе труп. Времени было в обрез. В несколько лопат быстро вырыли неглубокую могилу и сразу похоронили, обложив холмик сосновыми ветками. Таких могил по дороге на Прагу было много.

Уже перед Прагой произошел случай, в который могли и не поверить, не будь вокруг много свидетелей и полученный мною орден Славы 3-й степени. Мы ворвались на небольшую станцию. Она была сильно разрушена, горели вагоны, платформы с техникой. С одной из платформ сполз немецкий танк Т-4. По нему собрались открыть огонь, но так как немецкие танкисты не стреляли, я крикнул:

— Подождите! Я их живьем возьму.

Сейчас трудно сказать, что подтолкнуло меня на этот рискованный и, прямо скажем, безрассудный шаг. Конечно, захватить целый и невредимый немецкий танк вместе с экипажем всегда считалось подвигом. Однако такие вещи случались крайне редко. Немцы могли меня срезать пулеметной очередью и даже застрелить из пистолета. Помню, я обежал танк сзади, крикнул, чтобы немцы сдавались. Танкисты пы-

тались вырваться из лабиринта разорванных рельсов, глубоких воронок, опрокинутых платформ.

Они не открывали огонь, видимо, опасаясь, что наши ударят в ответ. Но я не питал иллюзий. Знал, если танк вырвется из узкого пространства разбитых железнодорожных путей, то вполне вероятно, сразу откроет огонь из своей длинноствольной 75-миллиметровой пушки и попытается прорваться. Тем более в передовой группе был всего один или два наших танка, а остальная техника — легкие бронетранспортеры, пулеметы — ему была не страшна. Немецкий танк перевалил через один, другой путь, сдвинул с места мешавшую проехать платформу. Я вскарабкался на трансмиссию. Сразу завертелась башня, меня едва не смахнуло пушкой.

Я мгновенно вскочил на башню. У меня имелись автомат, пистолет и две «лимонки». Гранаты в этой ситуации были бесполезны. Но перебить экипаж и зажечь танк очередями через смотровые щели мог вполне. Немцы это понимали не хуже меня. Я дал очередь вдоль брони, продырявил, смял торчавший пламегаситель пулемета и закричал, подбирая немецкие слова:

— Останавливайтесь и сдавайтесь. Иначе я открою огонь.

Танк проехал еще метров семь и остановился. Изнутри крикнули, чтобы я не стрелял, немецкий экипаж сдается. Открылся боковой люк, на землю полетели пистолеты, автомат, а затем вылез с поднятыми руками экипаж, пять танкистов. Их увели, а умельцы уже сели за рычаги, проверили пушку. Помню, что наспех замазали кресты и нарисовали несколько красных звезд, в том числе на крыше башни. Танк, с его силь-

ным орудием и запасом снарядов, оказался нелишним в нашей передовой колонне. Какое-то время он участвовал в бою, посылая немецкие снаряды в своих бывших хозяев. Я был награжден орденом Славы, которым горжусь больше, чем остальными орденами и медалями.

Наша так называемая подвижная группа фронта прошла за последние сутки 200 километров и к вечеру 9 мая вступила в Прагу. Война была уже закончена, подписан акт о капитуляции, а в Праге еще звучали выстрелы и гибли наши бойцы. Встречали нас, как и повсюду в Чехословакии, цветами и объятиями. Раздавались крики: «Наздар, дружба, русские братики!» Так было. Я ничего не преувеличиваю и не умиляюсь. Кругом накрывали столы, передавали бутылки с вином и чешской сливовицей.

Какой-то парень в пилотке с красной лентой крикнул: «Ловите!» и бросил нам что-то вроде огромной гранаты. Мы жили еще войной и едва не открыли огонь. К счастью, успели вовремя разглядеть и поймать двухлитровую оплетенную бутылку с чешской водкой. Обнимались, пили с чехами. Молодые девушки целовали нас. А после, когда напряжение спало, с этой двухлитровой бутылкой произошел небольшой конфуз. Мы сели перекусить и всем отделением незаметно прикончили ее. Дарили бутылку от души, поэтому и шла водка легко. Сказалось напряжение последних дней, бессонный марш. Мы заснули и проспали целую ночь. Нас охраняли жители Праги.

Тогда на это смотрели нормально. Все праздновали освобождение Праги и нашу Победу. За столы садились по сотне и больше человек. Поднимались тос-

ты за Победу, за Сталина, за советско-чехословацкую дружбу. Пройдет двадцать три года, и я увижу по телевизору совсем другую картину. Снова наши танки на улицах Праги, но уже совсем другие лица пражан. «Русские, убирайтесь домой!» И выстрелы в спину с чердаков и окон. Я не берусь судить о политике. Возможно, мы делали что-то не так. Мой рассказ о войне. Я думаю, что жители бывшей Чехословакии, даже те, кто был в сорок пятом детьми, не забудут, как русские «братики» спасали Прагу. Эту память не уничтожишь, даже если снять с постаментов советские танки, освобождавшие в сорок пятом страну, и убрать их в запасники музеев.

Ну, а мой рассказ подходит к концу. Я служил в Советской Армии до 1965 года. Ушел в отставку майором. До 1985 года работал директором кинотеатра. Женился в 1953 году. Жена, Нина Николаевна, тоже фронтовик, к сожалению, рано ушла из жизни. Живу с дочерью, внуками. Пока есть силы, встречаюсь с ветеранами, вспоминаем военные годы. Это часть моей жизни, которая не забудется никогда.

Я ВОЕВАЛ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Пуля попала мне в правый бок и вышла из левого. Считай, проткнула насквозь. Это случилось минут через двадцать после начала атаки на Карельском перешейке. До санбата я добирался на своих ногах четыре часа. После таких ранений редко выживают. Я выжил.

Устименко В.П.

Василий Пантелеевич Устименко ушел на фронт добровольцем в конце декабря 1943 года, когда ему только исполнилось семнадцать лет. Был в оккупации, нагляделся на «завоевателей». После учебы в запасном полку был снайпером, затем ручным пулеметчиком. Воевал на Карельском перешейке, в Прибалтике, участвовал в знаменитой Моонзундской операции. Два тяжелых ранения, орден Великой Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Василий Пантелеевич выглядит в свои преклонные годы бодро. До сих пор позволяет себе перед обедом стопку водки — 50 граммов. Половину наркомовской нормы. С женой, Клавдией Кирилловной,

прожил 63 года. Имеют сына, дочь, шесть внуков, правнуков. Многие эпизоды войны вспоминает до мелочей, хотя ушли из памяти фамилии боевых товарищей, названия населенных пунктов. В его воспоминаниях напрочь отсутствует патетика или намеки на что-то героическое. Выполнял приказы, ходил в атаки, стрелял по врагу, лежал в госпиталях. Все, как обычно бывает на войне.

Я родился 25 декабря 1926 года в небольшом хуторе Коротовка (домов пятьдесят) Кантемировского района Воронежской области. Мама, отец работали в колхозе. Детей в семье было четверо: старший брат Петр, две младших сестры и я. Жили до войны, как и все. В колхозе получали палочки — трудодни, а больше кормились своим подсобным хозяйством. Высаживали большой огород: соток двадцать картошки, кукуруза, капуста, огурцы, помидоры и так далее. Проблемой был полив — дождей в наших краях выпадает мало. В специально вырытой яме на огороде собирали талую воду. Ее хватало до середины лета, а затем огород поливали ведрами из колодца. Натаскаешься тяжелых ведер — к вечеру руки отваливаются.

Имели в хозяйстве корову и десятка два кур. С кормами было туго, на большее не замахивались. Кстати, до коллективизации хозяйство в семье держали большое, но не вступать в колхоз было нельзя. Окрестят врагом Советской власти или кулаком, неприятностей не оберешься.

Жили, конечно, бедновато. Одежку донашивали друг после друга. Основная еда — картошка, молоко и хлеб. Летом — овощи. Мясо по большим праздникам, да и то зимой. Но от голода не помирали, соседи

друг друга поддерживали. Учились в школе, ходили в лес за ягодами, купались в нашей крошечной речушке, которая летом пересыхала. Но все внезапно перевернулась война. Женщины с плачем провожали на фронт мужиков и восемнадцатилетних сыновей. Рыдали как по мертвым. И действительно, с призыва сорок первого года никто в хутор не вернулся.

И сама война казалась непонятной. Красная Армия всех сильнее — так считали мы. Но почему так быстро продвигаются на восток немецкие войска, занимая огромные пространства, город за городом? Разгром фашистов под Москвой ненадолго поднял настрой людей. Ну, сейчас гадов погонят! Однако весной сорок второго снова началось наступление немецких войск. Брата Петра забрали в армию, а наша семья перебралась в Краснодарский край. Помню, месяца полтора жили на вокзале на станции Белореченская. Пришли немцы. С территории вокзала всех выгнали. Мы успели захватить часть вещей, в том числе самое ценное — швейную машинку, и двинулись дальше. Больше года прожили в станице Самурская. Дальняя родня помогла нам купить небольшой заброшенный домишко. В нем и жили впятером: отец, мать, две сестры и я.

Что могу сказать про «завоевателей»? Немногое. Так как я шарахался и от немцев и от полицаев. Молодежь угоняли в Германию, мама достала справку, где я значился на год моложе. Гребли всех подряд. В декабре сорок второго мне исполнилось шестнадцать лет, рос я парнишкой крепким и вполне мог угодить под облаву. Я не был свидетелем массовых казней, фашисты вершили их где-то по-тихому. Но однажды

по станице прошел шум, я, как всегда, спрятался. Оказалось, что немцы вычислили семью партизана. Отвели за околицу двоих его детей, лет по 13—14 (мальчик и девочка), заставили выкопать яму и расстреляли. Жителей с ближайшей улицы согнали смотреть на казнь, произнесли какую-то речь о том, что партизанам и их семьям пощады не будет. Об этом событии в станице говорили долго.

Несколько раз к нам в дом заявлялись на ночлег группы немецких солдат по 5—7 человек. Говорили так: «Папа, мама — спать!» Не обращая на нас внимания, занимали кровати и топчаны, раскладывали на столе еду, что-то варили или подогревали на печке. В теплое время мы уходили из дома и ночевали в сарае, а зимой сбивались в чулан. Утром немцы исчезали, а мы, дети, нюхали, скребли пустые консервные банки, подбирали недоеденные корки. Жили очень бедно, брать у нас было нечего. Соседи жаловались, что фрицы хватали все подряд: молоко, яйца, ловили кур. Делалось это с сознанием своей правоты, будто они хозяева. Кажется, пустяк — поспи в чулане. А там темно, холодно, еду не подогреешь. Мама с младшей сестренкой Аней заберется в теплый угол комнаты, чтобы не простудить малую, да и то когда немцы заснут.

В общем, мы для фрицев были чем-то вроде насекомых. Шевелятся в углу, лишь бы не мешали. Наши постояльцы могли изрубить на дрова лавку или доски, приготовленные для ремонта, хотя под навесом у нас всегда имелись дрова. Но поленья крючковатые, мерзлые, зачем с ними возиться! И что в чулане температура, близкая к нулю, их не интересовало. Русская скотина выносливая, переночует. А угон молоде-

жи в Германию? Парни и девки прятались, где могли. Находили и гнали на станцию.

Отец постоянной работы не имел. Подрабатывал в разных местах. Иногда брал меня с собой. Расплачивались с нами зерном, картошкой, реже — яйцами, молоком. Ходили на поля, собирали кукурузу, выкапывали замерзшую свеклу, картошку. Однажды повезло. Среди развалин мельницы набрали мешок зерна. Я с мамой его перетирал, пекли лепешки, варили кашу.

Потом к нам приблизился фронт. Немцы строили укрепления, выгоняли жителей. Мы перебрались в поселок Черная Речка. Священник местной церкви взял отца звонарем, а семье выделил для жилья сторожку. Добрый человек был. Сам он не бедствовал, приходя не продукты несли. Кое-что попроще перепадало и нам: свекла, кукуруза, картошка. Однажды подарил литровую бутылку старого подсолнечного масла. Оно было мутным и горчило. Наша жидкая похлебка или каша с таким маслом казались вкусными.

Когда пришла Красная Армия, конечно, радовались. Солдаты, хоть и усталые, запыленные, но улыбались нам. Грузовики, пушки, техника под брезентом. Недолго гады-фашисты на Кубани хозяйничали! Но вскоре в семью пришло горе. После нескольких запросов матери прислали четвертушку серой бумаги. Похоронка на моего старшего брата Петра. Ему в сорок третьем исполнилось двадцать лет. Похоронка у нас в семье до сих пор хранится: «Уважаемая Ефросинья Антоновна! Сообщаем, что ваш сын Устименко Петр Пантелеевич погиб 13 сентября 1943 года в бою за социалистическую Родину. Похоронен возле села Ново-Викторовка Днепропольского района Донецкой области». Подписи командира части и кого-то еще из

командиров. Я после войны все собирался к брату на могилу съездить. Посылал запросы в Министерство обороны, мне ответили, что он похоронен в братской могиле № 47 под селом Ново-Викторовка. Никак не собрался. А сейчас тем более. Здоровье не позволяет. Да и страна там совсем другая. Украина. Где не очень-то наших погибших бойцов уважают.

В армию меня призвали 25 декабря 1943 года. Вернее, я сам напросился. Было мне шестнадцать лет, а через день исполнилось семнадцать. В этом возрасте я и прибыл в 76-й запасной стрелковый полк в город Бийск Алтайского края, где проходил подготовку до мая сорок четвертого года. Рота, в которую меня зачислили, готовила снайперов. Но в основном осваивали первоначальную воинскую подготовку.

В шесть утра — подъем, физзарядка на морозе, завтрак, занятия.

Учили многим дисциплинам: боевая и тактическая подготовка, химзащита, политзанятия, уставы. Винтовку Мосина, нашу знаменитую трехлинейку, я мог разобрать-собрать с закрытыми глазами. Изучали также автомат ППШ и самозарядную винтовку Токарева. Тренировались бросать гранаты, но только учебные. Занятия по теме «Взвод в обороне, взвод в наступлении» проходили в лесу или на пустыре, вооруженные деревянными винтовками. Обучали, как правильно целиться, но боевых стрельб проводилось мало. За четыре месяца я сделал выстрелов 12—15, в том числе несколько из винтовки с оптическим прицелом.

Уже позже, на фронте, понял, что большим недостатком учебы было малое количество боевых занятий.

Что такое для снайпера пятнадцать выстрелов? Ерунда. Или деревяшки вместо гранат бросали. Когда настоящие РГ и «лимонки» на фронте выдали, бойцы терялись. Навыка не было. На гранаты смотрели с опаской — вдруг в руках взорвется. Нередко бросали, как попало, забывая выдернуть кольцо.

Один из вопросов, которые мы часто задавали нашим командирам, — как выбирать позицию для снайперской стрельбы. Какое расстояние наиболее оптимальное? Нам отвечали, но общие фразы меня не удовлетворяли. Я и сам понимал, что надо изучать подходы к вражеским позициям, быть осторожным, хорошо целиться и т. д. Один из офицеров, видимо, не имея достаточного опыта, ответил нам, что на месте (то есть на передовой) будет видно. Каждого из нас закрепят за опытным наставником, он будет показывать все на практике. Конечно, такой ответ многих не удовлетворял. Но будущее показало, что в словах офицера имелся определенный смысл. Допустим, вести снайперский огонь где-то в степной местности, когда расстояние до немцев километр, — одно дело. А в северо-западных лесах позиции врага могут быть среди деревьев в ста метрах.

В общем, первоначальную подготовку получили. Мы научились владеть оружием, ползать по-пластунски, имели представление о вражеской технике и тактике боя. Окрепли после скудных тыловых пайков. Кормили нас хоть и однообразно, но еды хватало. На завтрак каша, увесистая пайка хлеба, сладкий чай, через день порция сливочного масла граммов десять. Масло давали иногда и вечером. За столами мы сидели по десять человек. В кашу (пшеничную, перловую,

реже — гречневую) наливали черпачок растопленного жира. Его же добавляли в щи, суп. Запах этого жира долго стоял во рту. Хоть и противный, зато лишние калории. Мясом не баловали, но в полку было подсобное хозяйство. Это помогало разнообразить пайки.

В начале мая сорок четвертого года выпускников погрузили на эшелон и повезли на запад. Ехали весело, с песнями. Молодежь рвалась в бой. На фронтах дела обстояли неплохо, наши везде наступали. Кое-кто уже загадывал, когда конец войны. Скажи нам тогда, что половина бойцов в эшелоне до Победы не доживет — никто бы не поверил. Не представляли мы, какие жестокие бои предстоят. Тем более пропаганда вещала, что немцы удирают без оглядки, авиация, танки и артиллерия у нас самые лучшие. Да еще партизаны в тылу фрицев бьют, эшелоны взрывают.

Бодрые, в хорошем настроении, дружно пели «По долинам и по взгорьям», «Катюшу», «Землянку». На полустанках нам махали руками, улыбались молодые железнодорожники. Кто побойчее, просил адреса. Если было время, успевали записать на клочке бумаги фамилию-имя девушки, ее адрес. Кричали: «Обязательно напишу!» И слышали в ответ: «Буду ждать».

Эшелон выгрузили ночью на какой-то станции под Ленинградом.

Сначала ехали на грузовиках, потом разделили на группы и пошли пешком. Нас было сорок человек, полный маршевый взвод. Шли по сосновому лесу: огромные деревья, валуны, небольшие ручейки с холодной чистой водой. Группу возглавлял лейтенант. Вре-

менными помощниками у него были наши сержанты. Им выдали винтовки, да еще имелся пистолет у лейтенанта. Вот и всё вооружение на сорок человек. По времени еще не наступил рассвет, но вокруг было светло — стояли белые ночи. Для многих и для меня это тоже было в диковинку.

Дошли наконец до своих. Свои — это 119-й стрелковый полк. Раскидали нас по ротам и взводам. Мое снайперское образование оставили без внимания. Выдали обычную винтовку, штук сто патронов, две гранаты. Какое-то время стояли в обороне. От Ленинграда до линии фронта было тогда километров сорок. На других фронтах уже продвинулись далеко на запад, а здесь наши части стояли пока на одном месте.

Среди бойцов насчитывалось довольно много ленинградцев. От них я услышал страшную правду о Ленинградской блокаде. В их рассказы верилось с трудом. Замерзший ледяной город, трупы на улицах и хлебные пайки по 100—200 граммов. На ленинградцев мы смотрели с уважением и сочувствием, некоторые из них целиком потеряли семьи. Они были настроены решительно. Мстить за погибших. Я часто вспоминал старшего брата Петра. Не мог представить его мертвым, ведь мы были с раннего детства всегда вместе. Старше на три года, он всегда защищал меня. И вот братишка ушел из жизни. Я тоже был настроен мстить за него.

До позиций финнов было метров двести, а местами меньше. Мощные укрепления, противотанковые надолбы. Полоса укреплений тянулась, по слухам, на сто километров до Выборга. Недели три стояли в обороне. Укрепляли позиции, рыли окопы, щели. Земля была каменистая. Порой выкопаешь яму по колено,

потом долбишь камень. Пытаешься его обойти, а под тобой целая каменная плита. Приспосабливались и оборудовали окопы возле валунов, которых кругом хватало. Низкие ходы сообщения тоже обкладывали камнями. Период до 10 июня можно было назвать затишьем. У нас шла подготовка к наступлению. Как бы скрытно она ни проводилась, но от солдат трудно что утаить. Наступления ждали со смешанным чувством напряжения, страха и одновременно с нетерпением.

Какие эпизоды вспоминаются из того периода? Финны вели себя тихо. Понимали, что война проиграна. Но боевые действия вспыхивали то на одном участке, то на другом. Светлыми ночами проползали во вражеский тыл разведчики. Почти всегда эти вылазки заканчивались стрельбой, взрывами мин. Проползут в сторону врага человек пять или шесть, возвращаются двое или трое. Иногда тащат «языка». С финнами было тяжело воевать. Это говорили и немногие уцелевшие к 1944 году бойцы, прошедшие финскую войну 1939—1940 годов. Народ лесной: охотники, лесорубы. Рослые крепкие парни, способные терпеливо сутками сидеть в засадах, хорошо стрелявшие. Порой проникали в наш тыл их мелкие разведгруппы. Но как бы умело они ни действовали, успеха финны добивались редко. Слишком много наших войск было сосредоточено. Кругом стояли посты, засады. Финны попадали под огонь и отходили. Иногда утаскивали с собой зазевавшегося бойца.

Я получил наконец снайперскую винтовку. Числился по-прежнему рядовым красноармейцем в роте, только именовался теперь снайпером. А что толку? Стрелять не разрешали. Я фамилий своих товарищей и командиров уже и вспомнить не могу. Слишком

много времени прошло с тех пор. Взводный лейтенант был у нас какой-то нерешительный. Он привык к тому, что мы не стреляем и в нас не стреляют. Его такое положение вполне устраивало.

Он часто ставил меня наблюдателем, а оптический прицел служил вроде как бинокль. Я финнов порой на мушке держал крепко — расстояние всего двести метров! Уложил бы наповал. Особенно злили меня артиллерийские наблюдатели и офицеры. Вот она, рожка, смотрит на нас в бинокль, с напарником разговаривает! Я как-то предложил:

— Товарищ лейтенант! Давайте я наблюдателя прихлопну. Сколько ребят погибло, финны блокаду Ленинграда держать помогали. Чего их жалеть?

— Ни в коем случае! — услышал в ответ.

Лейтенант долго и нудно объяснял, что нельзя выдавать наши позиции. Будто финны их не знали! Но пострелять все же пришлось. Во-первых, в соседнем батальоне за пару дней убили и тяжело ранили сразу несколько бойцов и офицеров. «Кукушка» работала. Во-вторых, возмутился кто-то из разведотдела дивизии или корпуса. Наши разведчики гибнут, а вы дрыхнете на солнышке. Словом, дали мне «добро». Только финны попрятались. Услыхали, что ли, про этот приказ. Но я все же цель поймал. За две сотни метров уложил неосторожного наблюдателя. Потом еще кого-то. На позицию роты обрушились финские минометы. Им ответили наши орудия и минометы.

Увидел я первых убитых. Боец в издырявленной гимнастерке, весь кровью залитый. Второго миной за бруствер выкинуло, а нога до колена в окопе осталась. Мы бедолагу обратно втащили, а у него живот разорван. Пытались перевязать, кровью истек. Ребята мне сказали:

— Всё, Василий. Двоих «шюциков» пришиб (шюцкор — была такая фашистская организация у финнов), и будя. А то нас всех из минометов перебьют.

Но спустя несколько дней мы поневоле в бой вступили. Финны ждали наступления и послали очередную группу разведчиков. Она прорывалась с боем из нашего тыла. Подумали, что финны пошли в атаку. Мы открыли огонь в сторону укреплений. Ротный сориентировался быстро, бой шел на стыке нашей и соседней роты. Захватил с собой расчет пулемета Дегтярева, отделение бойцов и меня как снайпера. Мне запомнился рослый финн в камуфляжной куртке. Он прикрывал группу. Смелый был парень, стрелял из автомата, перебегая от дерева к дереву или прячась за большими камнями.

Я его снял, когда он замешкался, меняя диск своего автомата. Попал в грудь, чуть ниже горла. Он свалился на месте. Часть группы ушла, но еще трое финнов и наш солдатик, которого пытались взять в плен, остались лежать на нейтральной полосе. Кого-то за ноги подтянули, кого веревкой зацепили. Взять финнов живьем всегда было сложно. Лесные жители каждый шорох слышат. Мы надеялись, что хоть один в живых останется. Но братья-славяне били по разведчикам, не жалея патронов. Все три финна и наш бедолага-боец были издырявлены пулями. В качестве трофеев нам достались два автомата «суоми», похожие на наши ППШ, только под немецкий патрон 9 миллиметров, пистолет и три ножа. Ножи у финнов были из хорошей стали, очень острые. Один нож полагался мне — все же это я автоматчика снял. Но финский нож понравился взводному, и он попросил меня подарить нож ему. Чтобы не портить отношений, я нож от-

дал. Хотя было жалко расставаться с хорошим трофеем.

Уничтожение вражеской разведгруппы обошлось нам немалыми потерями. Финские разведчики были хорошо подготовлены, у всех автоматы. Наряду с обычными пулями стреляли разрывными. Человек шесть наших бойцов погибли, сколько-то раненых отправили в санбат. Некоторые вряд ли выжили. Разрывная пуля в грудь, живот — верная смерть. Да и в руку или ногу если попадет, считай, инвалид, а то и кровью истечешь, пока до врачей донесут. За эти пули я на финнов разозлился. Оказывается, вы, суки, почище фашистов! Ну, думаю, теперь я вас щадить не буду. Не хуже вас стрелять умею. Но свое будущее на фронте не угадаешь.

Рано утром 10 июня 1944 года началось наступление наших войск на Карельском перешейке. Оно велось на северном участке, а 21 июня повели наступление 7-я и 32-я армии. Где-то здесь, в направлении городов Метрега, Обжа воевала наша дивизия и 119-й стрелковый полк. Советским частям противостояла сильная войсковая группа «Олонец», в которую входили пять пехотных дивизий, четыре отдельных бригады и ряд более мелких подразделений. В Финляндии размещалось довольно большое количество немецких войск. Гитлер пока не торопился бросать их на передний край. Зато немцы снабжали финнов артиллерией, в том числе тяжелой, стрелковым оружием. Самолеты, появляющиеся в небе, были также в основном немецкие.

Меня ранило часов в шесть утра 22 июня 1944 года. Мы шли в атаку на железобетонные противотанко-

вые надолбы. Под их защитой, среди деревьев и камней, располагались финские траншеи, пулеметные гнезда. Был приказ непрерывно стрелять на ходу, а возле линии укреплений бросать гранаты. Несмотря на сильный огонь мы преодолели нейтральную полосу, вышли к надолбам. Я стрелял на бегу из своей снайперской винтовки. Целиться возможности не было, разве когда приляжешь на минуту за камень. Нас подгоняли: «Быстрее, вперед!» Подбежав к вражеским траншеям, я успел бросить обе свои гранаты. Мелькнуло лицо финна, кто-то вскрикнул, а мне словно раскаленным прутом проткнуло бок.

Я упал, затем попытался шевельнуться, но пуля ударила рядом. Так повторялось раза три. Я лежал неподвижно, потом понял, что изойду кровью, и пополз за большой камень. Кое-как стащил гимнастерку и перевязался. Пуля попала в правый бок на уровне поясницы и вышла из левого бока. Я был семнадцатилетний мальчишка, мало что сведующий в анатомии, но пробитый насквозь живот не обещал ничего хорошего. Рана в брюшную полость почти всегда считалась смертельной. Тем не менее, у меня хватило сил зажать рану и остановить кровь. Сколько-то пролежал, мимо прополз санитар.

— Ну, что, живой? — спросил он.

— Живой, — стараясь казаться бодрым, ответил я. — Брюхо вот насквозь просадило через оба бока. Помру, наверное.

— Выживешь. Какие твои годы!

Санитар оказался опытным. Снял мои кое-как наложенные бинты. Кровь уже запеклась и не текла. Он промыл спиртом раны, наложил мазь и снова перевязал. Потом показал на огромный валун, шагах в пятидесяти.

— Двигай туда. Там пункт сбора раненых, а я поползу за другими. Вон их сколько лежит.

Бойцов лежало, действительно, много. Кто мертвый, кто шевелится, просит помощи. Кое-как опираясь на свою снайперскую винтовку, добрался до валуна размером с двухэтажный дом. Возле него лежали прямо на траве человек пятнадцать-двадцать раненых. В основном тяжелые. У кого грудь и живот перевязаны, у кого — голова. На перебитые ноги шины наложены. Стоны, кровь, мухи. Возьмется с ранеными санитар и медсестра, а их всех оперировать надо. Подносят новых. Кого в сторону оттаскивают и лица тряпками закрывают. Эти уже отмучились. Полежал там с часок. Идет стрельба, никто за нами не торопится. Я попробовал встать. Получилось. Медсестра говорит:

— Если можешь, шагай. Вон телефонный провод тянется, возьмишь за него и дойдешь до санбата.

Я еще раз оглядел бедалаг, которых никак не донесут до медсанбата, и двинулся по проводу. Прошел шагов двадцать, в воздухе зашелестела мина. Упал лицом вниз. Мина взорвалась в стороне. Переждал, пополз дальше. Ползти трудно, невольно привстал. Шелест и тишина. Через секунду взрыв. Какой-то опыт у меня имелся, знал, когда шелест замолкает, надо срочно падать. Упал, полежал, пошел дальше. Третья или четвертая мина едва не добила. Порвала провод, я успел плюхнуться на землю, каменными крошками обожгло лицо. А винтовку все же не бросаю. В нас крепко вдолбили, что оружие бросать ни в коем случае нельзя. Тем более, винтовка снайперская, дорогая. Их в полку всего-то штуки три-четыре было.

Путь до санбата в памяти не отложился. Помню, что шел через болото, к счастью, пересохшее. Кто-то показал мне медсанбат. Дальше — как в анекдоте. Попал в сарай, где повар готовил еду. Сел я возле него, немного очухался. Точно запомнил, что в сарае оказался в 10 часов утра, а ранило меня в шесть. То есть четыре часа прошло. О чем-то поговорили, повар наполнил котелок наваристой лапшой с говядиной.

— Ешь, парень, — и в кружку граммов сто водки налил.

— Мне нельзя, — возразил я. — Рана в живот. Может, кишки порваны.

А есть хочется. Ну, думаю, четыре часа прожил, значит, и дальше проживу. Выпил я водку, хотя до этого не употреблял и свои порции отдавал ребятам во взводе. Съел котелок лапши, поблагодарил повара и добрался наконец до врачей. Сдал винтовку, показали мне койку в большой палатке. Ложись и жди. Раненым раздавали завтрак: хлеб с консервированной американской колбасой и чай. Меня кормить не хотели — ранение в живот. С непривычки к водке во мне играл хмель. Я упорно требовал колбасу и сказал, что живот уже проверил, съел целый котелок лапши. Чтобы шум не поднимал, меня накормили.

Потом хирург долго возился со мной, обрабатывал раны, а затем отправил с группой раненых в госпиталь. Там снова осматривали и пришли к выводу, что мне крепко повезло. Пуля прошла через полость живота и не задела жизненно важных органов: позвоночника, мочевого пузыря, печени. Оперировать не стали, снова чистили раны и делали уколы против воспаления. В общем, как врачи сказали: «Повезло тебе, парень. Не иначе как в рубашке родился».

В эвакогоспитале мы лежали в палатках по 10—12 человек. Кормили хорошо. Имелась неплохая библиотека. Я с удовольствием прочитал томик рассказов Чехова, Джека Лондона. Газеты я не любил, статьи были похожи друг на друга. Наши войска везде героически наступали. Про то, как лейтенант запрещал мне во врага стрелять, конечно, нигде бы не написали. Как тяжелораненые полдня, а может, день, на жаре лежали и помирали, тоже не напишут.

В газетах и политинформациях — война другая. Мы наступаем, враг бежит. В те дни шло мощное наступление наших войск в Белоруссии. Третьего июля освободили Минск. Три года столица Белоруссии была в оккупации. Политрук читал нам о разгроме крупной немецкой группировки под Минском. Я запомнил, что взяли в плен 12 немецких генералов. В эти же дни по улицам Москвы провели 60 тысяч пленных немецких солдат и офицеров. Это была крепкая оплеуха по самолюбию арийцев. Огромную колонну возглавляли генералы, полковники. Поливальные машины струями воды очищали, как после заразы, улицы, по которым шли немцы.

Продолжалось наступление на Карельском перешейке. Шло оно тяжело. Преодолеть линию Маннергейна глубиной 100 километров, которую строили и до войны и заново укрепляли с 1941 по 1944 год, было нелегко. В свежих выпусках кинохроники показывали, как авиация и тяжелые орудия разбивают доты. Солдаты стоят на обломках железобетонного дота, высотой метров восемь, и салютуют в честь успешного прорыва.

Раненые, которые прибывали с Карельского перешейка, рассказывали, что драться приходится за каж-

дый километр. Густой лес, болота, огромные валуны затрудняют наступление. Толщина дотов достигает двух метров. Сержант-артиллерист говорил, что их тяжелое 152-миллиметровое орудие подкатили на расстояние трехсот метров. Только тогда смогли трехпудовыми снарядами разбить дот.

— Сначала пошли трещины, потом куски бетона отваливаться начали. Пехота гранатами финнов выбивала. Пленные с поднятыми руками выходят, как пьяные шатаются. Кровь из носа и ушей идет. Крепко дерутся, сволочи!

Финны были сыты этой войной, но ни за что не хотели пускать русских в страну. Боялись мести, репрессий, не хотели колхозов. Я сам хоть недолго воевал, но скажу, что финны — солдаты очень сильные. К дальнейшему сопротивлению их подталкивали и немцы. Для Финляндии и для нас это обернулось десятками тысяч погибших. В любом случае противостоять Красной Армии финны не могли. Карельский перешеек был взят. В сентябре сорок четвертого года правительство Финляндии подписало с Советским Союзом перемирие.

Я вышел из госпиталя 8 августа, пробыв на лечении полтора месяца. Попал в 188-й стрелковый полк, который находился в обороне на территории Латвии. Перед этим едва не погиб из-за глупой случайности. Какой короткой может быть жизнь на войне, я в очередной раз убедился, когда наша команда из госпиталей и призывников, закончивших курсы первоначальной подготовки, шла на передовую. Лейтенант, сопровождавший группу, долго водил нас по лесу. Чувствовалось, что дорогу он толком не знает. Мы яв-

но заблудились, но лейтенант признаваться в этом не хотел.

Он приказал нашему маршевому взводу (человек 45) тихо сидеть и ждать его возвращения. Думаю, что с его стороны это было правильное решение. Один, без лишнего шума и суеты, он бы нашел дорогу. Вести дальше неорганизованную, отвыкшую от передовой или вообще не нюхавшую войны группу было слишком рискованно. Тем более шли мы, переговариваясь, трещали ветки под ногами, кто-то курил, несмотря на строгий запрет. Лейтенант ушел, а мы остались одни. Дружно задымили, начались разговоры. Оружие всем раздать не успели, кое у кого имелись винтовки, в том числе у меня.

Через час или полтора ждать надоело. Как всегда, нашелся самый умный и знающий боец. Кажется, это был один из сержантов. Он уверенно показал направление, где взлетали ракеты и вроде бы слышались голоса. Хуже нет на войне таких умников! Сначала его не слушали, но еще через час не выдержали и самые дисциплинированные. Ночь сырая, комары. Сколько можно ждать? Сами найдем позиции полка. К сожалению, позиции полка в ту ночь сменились. Несколько рот продвинулись вперед. Сплошной линии обороны, которую найти легко, не было.

В общем, двинулись, сами не зная куда. Неожиданно влетели в канаву глубиной около метра. Кто-то упал, заматерился, брякнула упавшая винтовка. Дальше началось невообразимое. Темная августовская ночь мгновенно превратилась в день. Одна за другой взлетали ракеты. Некоторые опускались медленно на маленьких парашютах. Мы были залиты мертвенно-белым светом, а прямо по нам били пулеметы. Закри-

чали раненые, поднялась суматоха. Нас спасла канава. Как позже выяснилось, это была межа между земельными участками. Кто-то остался лежать мертвым, но основная часть взвода успела укрыться.

Те, кто имел винтовки, спустя несколько минут открыли огонь наугад, не высовываясь. Мы боялись, что немцы подползут и забросают нас гранатами. Команду взял в свои руки более опытный сержант. Когда ракеты стали взлетать реже, он приказал отползать назад. Боец рядом со мной слишком торопился. Он полез из канавы и подставил спину. Удары пуль о живую плоть невозможно спутать с другим звуком. Боец лишь успел вскрикнуть и свалился в канаву. При свете ракет я видел его лицо с открытыми глазами и сливающимися в одно черное пятно пулевые отметины на гимнастерке. Выждав минуту, я перевалился через край канавы и быстро пополз. Этой науке меня хорошо учили в запасном полку, да и на Карельском перешейке пришлось поползать.

Уже на рассвете мы натолкнулись на лейтенанта. Я ожидал, что он будет просить нас не говорить никому о его блужданиях. Но парень был с характером, приказал перевязать раненых, сверил свой список. Не хватало несколько человек. Нас привели в батальон, разделили по ротам и взводам. Жидкое, конечно, подкрепление. Но мой новый взвод насчитывал всего человек пятнадцать, там рады были любому пополнению. Взводом командовал белобрысый младший лейтенант лет двадцати. Спросил, знаю ли я ручной пулемет.

— Вообще-то, я снайпер, — ответил я.

— Вообще-то, в роте нет ни одной снайперской винтовки, — в тон ответил взводный и заулыбался. — Если снайпер, то пулемет осилишь.

Я получил повидавший виды «дегтярев», запасные диски, а вторым номером поставили пожилого мужчину. Впрочем, тогда и тридцатилетний казался мне пожилым, а моему помощнику было лет за сорок. Малоразговорчивый, он боялся фронта, обстрелов. Но добросовестно таскал запасные диски, и вскоре мы с ним подружились. Теряются из памяти имена и фамилии. Не запомнил я имени своего помощника, как и белобрысого командира взвода. Все называли взводного «Кострома». Может, он был оттуда родом или фамилия похожая. Командир он был решительный, повидавший войну и любивший пошутить. Меня он называл Василий Иванович (почти Чапаев!). Несмотря на то что я был самым молодым во взводе, присвоил мне «ефрейтора» и обещал медаль за меткую стрельбу.

Через два дня меня вызвал командир роты. В землянке у него сидел лейтенант из штаба полка, который той ночью вел нас к передовой. Оказывается, от лейтенанта потребовали отчет по каждому бойцу и послали искать погибших. Да и неизвестно, сколько там погибло, а сколько попало в плен. Лейтенант явно нервничал. Я знал, что за пропавших без вести, а особенно — угодивших в плен, спрашивают строго. Меня удивило, при чем тут я? Ротный приказал сопровождать лейтенанта. Поглядев на мой громоздкий ручной пулемет, добавил:

— Оставь его. Возьмешь с собой автомат.

Командир взвода Кострома выдал мне ППШ с запасным диском, посоветовал не лезть на рожон, и мы отправились искать канаву, возле которой обстреляли маршевый взвод. Взяли еще сержанта, который выводил группу из-под огня. Шататься по переднему

краю — дело невеселое. Здесь, в лесистых местах Прибалтики, фронт представлял из себя «слоеный пирог». Наши войска продвигались вперед. Некоторые места просто обходили, оставляя в окружении мелкие очаги обороны. Как правило, через день-два немцы, боясь плена, отступали. Но некоторые части держали позиции упорно, особенно в труднопроходимых местах. Мы шатались по лесу часа три. Печальное зрелище представляли места недавних боев. Разбитые орудия, повозки, грузовики. И тела убитых. Очень много. Особенно наших. С некоторых убитых сняли ботинки, сапоги, исчезли шинельные скатки, вещмешки, немецкие ранцы.

Запомнилась поляна, где буквально навалом лежали не меньше сотни красноармейцев. Оружие в основном забрали, а тела начали разлагаться. Вонь стояла жуткая. В другом месте в огромной воронке увидели обломки нашего бомбардировщика. Скрученные куски крыльев, дюралевой обшивки, наполовину сгоревшие, покрытые толстым слоем окалины. Один из двигателей, пропахав землю, валялся метрах в пятидесяти от воронки. Если экипаж не успел выпрыгнуть, от них ничего не осталось. Невольно вспомнилась фраза: «У летчиков не бывает могил».

Дважды мы натыкались на позиции передовых рот. На вопрос, где немцы, командиры неопределенно показывали рукой на запад. Одна из рот закрепилась на островке среди болота. В окопах на глубине полуметра стояла вода. Братья-славяне вырыли ячейки для стрельбы лежа, а в качестве укрытий использовали стволы поваленных сосен. Стояла липкая жара, постоянно хотелось пить. Я увидел нехитрое приспособление для очистки болотной воды. Ведро, напол-

ненное песком, с отверстием на дне. Затем мутную воду пропускали через фильтры от противогазов. Угодили и нас. Вода пахла гнильцой, но была холодная и, по уверениям бойцов, неплохо обеззаражена. Некоторые солдаты, больные малярией, сидели с желтыми лицами, кутались в шинели.

— Вы бы поменьше шатались, — посоветовал нам капитан, одетый, несмотря на жару, в телогрейку. — Подстрелят фрицы, пропадете не за грош.

То, что мы ищем погибших бойцов, лейтенант говорить не стал. Проводим разведку. Вскоре увидели межевую канаву. Осторожно двинулись вдоль нее. Немцы день или два назад отступили, а мы наткнулись на тела наших ребят. Их было восемь. Семь рядовых и один сержант лежали в канаве и возле нее, облепленные мухами. Тела, сплошь продырявленные пулями, уже вздулись, плотно растянув гимнастерки. Смерть сразу меняет людей. Порой через час трудно опознать погибшего, а здесь прошло трое суток. Огонь пулеметов в упор был настолько плотный, что некоторым бойцам досталось по десятку и больше пуль.

Кроме того, мы знали привычку немцев пристреливать пулеметы, ведя огонь по нашим погибшим ребятам. Наверное, это доставляло им удовольствие. Приятно убить врага два-три раза, превратить его голову в месиво костей и обломков черепа. Война не бывает мужественно-красивой. Мы молча глядели на погибших. Может, не надо вообще говорить, что я видел на войне? Чернуха. Не так давно появившееся слово. Разбрызганные мозги, выбитые и выклеванные воронами глаза, разорванные животы. И сладкий, тянучий запах тлена, от которого новичков иногда выворачивает наизнанку. Но сержант и я не были новичками.

— Паскуда! — не обращаясь к лейтенанту, сплюнул в его сторону сержант. — Восемь душ ни за хрен погубил.

Лейтенант сказал, что его послали сопровождать нас, толком не объяснив дороги. Достал из планшета список фамилий и приказал искать документы и смертные медальоны. Как мы рылись в разлагающейся плоти, один Бог знает. Смертные пеналы-карандаши с фамилиями и адресами обнаружили у двоих или троих. Часть красноармейских книжек была покрыта коркой крови. Сержант осторожно соскребал финкой кровь, мы угадывали отдельные буквы и восстанавливали по списку фамилии, имена. Пытаясь перевернуть одно из тел на спину, я слишком сильно дернул за руку. Кисть с легкостью отделилась, повиснув на сухожилиях. Не выдержав, я заматерился.

Лейтенант сделал отметки в своем списке, завернул в газету красноармейские книжки, комсомольские билеты и две медали. Мы истратили фляжку воды, отмывая руки. Потом сержант, оттянув затвор, дал длинную очередь наугад. Нам издалека ответил немецкий МГ-42. Мы хорошо знали рычащий звук этого скорострельного пулемета. Стреляли с расстояния метров восьмисот, если не больше.

Немцы нас толком не видели, пули шли в стороне, сбивая ветки. Мы, обрадовавшись невзвесте чему, открыли огонь из обоих автоматов. От наших очередей толку не было — один шум. Мы с сержантом, злые и раздраженные, могли хоть так сорвать злость на фрицах. Лейтенант не стал делать замечание насчет бесполезной стрельбы и тоже опробовал свой новый автомат. Мы выпустили по полному диску и, пригибаясь, пошли назад. Совместная стрельба, месть за погиб-

ших ребят, сблизила всех троих. На обратном пути мы курили папиросы лейтенанта и рассуждали, что вполне могли пришить кого-то из немцев. Всё же двести с лишним пуль выпустили. Взводный Кострома встретил меня, как всегда, весело. Стрельбу он слышал и одобрил:

— Молодцы! Дали фрицам просрать. Скоро война закончится. Иди, Василий Иванович, пообедай. Заслужил!

— Есть, — козырнул я, — и пошел есть остывшую ячневую кашу с тушенкой.

Скажу несколько слов о своем взводе и обстановке тех августовских дней, когда я прибыл из госпиталя на передовую. Взводный Кострома пользовался среди бойцов большим авторитетом. Воевал он года полтора, был ранен, имел орден. Должности старшины во взводе не полагалось. Хозяйственные обязанности исполнял небольшого роста, всегда вежливый сержант лет тридцати. Мне он не нравился. Постоянно терся возле взводного, мог с улыбкой всучить дырявые ботинки или штаны. Когда бойцы возмущались, сочувственно хлопал себя по бокам:

— Ах, Одесса-мама! Старшина роты гнилье подсунул.

Сержант изображал из себя бывалого рубаху-парня, но получалось у него плохо. И родом он был не из Одессы, а мелкого городка в верховьях Волги. Звучная кличка Одесса к нему не приклеилась. Он был трусоват, неискренний. Чаще его называли «завхоз» или по имени, которое я не запомнил.

Пользовался авторитетом помкомвзвода, рослый старший сержант из Донбасса. Украинские словечки

и поговорки в его разговоре звучали к месту. Шахтер — так уважительно называли старшего сержанта. Фамилия, к сожалению, давно исчезла из памяти. Во взводе имелись еще несколько бывалых бойцов, костяк подразделения. Наград у солдат и сержантов было мало. В пехоте всегда большая текучесть (или точнее назвать — смертность). Представят к медали, а боец уже убит по ранению или погиб. Тех, кто воевал с сорок первого, — не было ни одного. Может, имелись бойцы, призванные в сорок втором, но я сомневаюсь. Срок пребывания во взводе исчислялся неделями, реже месяцами.

Полк срочно укомплектовывали людьми и оружием. В нашем взводе уже через неделю насчитывалось более тридцати человек — почти полный состав. Станкового пулемета во взводе не было, зато имелись три ручных «дегтяря» и штук шесть автоматов. Нас хорошо обеспечили патронами и гранатами. Брали, сколько могли унести. Бывалые солдаты переговаривались между собой, что предстоит скорое наступление.

Кострома ходил озабоченный. Часть новичков прошли краткий курс подготовки. Знали немного лишь винтовку, всего боялись. Команды выполняли хоть и старательно, но неумело. Взводный организовал срочное обучение, отводя в ближайший тыл по 5—6 человек. Если автомат новички освоили быстро, то ползать толком не научились. Уже через десяток метров начинали хитрить, передвигаться на локтях, задирая зад. Сержанты пихали их сапогами и грозили:

— Отстрелят зад или хозяйство между ног, какой ты после этого мужик? Крепче к земле прижимайся. Как к бабе.

Многие из этих безусых ребят к женщинам никогда не прижимались. Не успели. Но настроены были, особенно те, кто побывал в оккупации, воинственно. От наших позиций до немецких расстояние составляло метров двести пятьдесят. Редкий лесок, в котором уцелели лишь отдельные деревья, трава, воронки от снарядов. Колючей проволоки не было. Снайперы нас не допекали. Зато у фрицев имелась привычка перед завтраком обстреливать наши окопы из ротных 50-миллиметровых минометов. Их уже снимали с вооружения из-за слабой эффективности. Но, видимо, у немцев скопилось столько мин, что их некуда было девать. Каждое утро мы получали десятка три, а то и полсотни килограммовых «огурцов». Большого урона они не приносили, мы заранее прятались в «лисьи норы», ямы, выкопанные в стенках окопов.

В один из дней мина попала в окоп, где располагался пулеметный расчет нашего взвода. Пулеметчик был убит наповал, а его помощник, получив несколько осколков в спину, закричал так, что мы вылезли из своих нор. Со злости ударили по фрицам в ответ. Я выпустил два диска. Открыли огонь наши 82-миллиметровые минометы. Жрите, гады, это вам не сорок первый! Потом стрельба помалу затихла. Я сходил глянуть, что с ребятами. Вынести тело днем не было возможности. Погибшего оттащили в угол окопа, накрыли шинелью. Я видел сапоги, изорванные осколками, земля сплошь пропиталась кровью. Возле «дегтярева» стоял уже другой боец. Развязавшуюся обмотку он втапывал в бурую от крови грязь. Обычно спокойный, младший лейтенант Кострома прикрикнул:

— Возьми лопату, почисть окоп. И обмотку приведи в порядок.

С минуту наблюдал за суетившимся солдатом:

— Успокойся. Ты же хороший пулеметчик. Сколько патронов в наличии?

Кострома прекрасно знал, у кого сколько патронов и гранат. Спросил парня, чтобы отвлечь. Тот, приставив лопату к ноге, доложил, что патронов достаточно. Штук восемьсот. Два диска осколками попортило. Остались три.

— Василий Иванович с тобой поделится, — кивнул взводный в мою сторону. — Он запасливый парень.

— Поделюсь, — согласился я.

Вернулся к себе. Напарник сидел мрачный. Он работал в тылу на мельнице, имел броню, но летом сорок четвертого его забрали на фронт. Передовую он боялся. «Лисья нора», которую вырыл, была такая глубокая, что мне пришлось наполовину ее уменьшить, набросав земли. От сильного взрыва она могла обвалиться и похоронить обоих живьем.

— Сегодня его, а завтра нас, — завел обычный тоскливый разговор второй номер. — Немцы каждое утро из минометов бьют, а мы молчим. И завтрак не принесли...

— Кашеваров минами накрыло, — брякнул я, поддразнивая помощника.

Дурачок, семнадцать лет. Смерти я не очень боялся. Точнее, не верил в нее, как большинство молодых. Как это меня могут убить? Уже пытались. Насквозь пробил пулей, а я выжил. Чтобы поднять мрачное настроение второго номера, начал рассказывать анекдот. Внезапно накатил рев самолетов. Мы упали на дно окопа. Это были наши штурмовики, летевшие в

сторону немецких позиций на высоте метров сто. «Илы» всегда поднимали настроение. Я знал, что через пару минут на фрицев обрушатся бомбы и ракеты. Принесли в термосах кашу, хлеб и сахар. Оказывается, полевая кухня застряла, и еду поднесли с опозданием, под шум самолетов.

Потом я отобрал, как обещал, два диска для нового пулеметчика. У нас их имелось штук восемь. Масивные круглые диски к «дегтяреву» не были достаточно надежными. Если долго не стрелять, то в набитом патронами диске слабела пружина. Таких ненадежных дисков у нас было штуки три. Мы держали их на всякий случай, зная, что стрелять из них длинными очередями нежелательно, может перекосить патрон. Но для нового пулеметчика я отобрал два надежных диска и отнес их. Пулеметчик чистил окоп. Обрадовался мне. Покурили, обсудили события на фронте, поговорили о семьях. Скорее бы эта долбаная война кончалась!

Шло наступление наших войск в Прибалтике. 26 августа был освобожден город Нарва. Мы продвигались в глубь Эстонии. Сильные бои развернулись в конце августа. Немцы оказывали отчаянное сопротивление. Помню, как на одном из участков батальон за день три или четыре раза поднимали в атаку. Хотя нас поддерживала артиллерия и минометы, продвигались вперед тяжело. Дня два топтались на месте.

Сам не знаю, как уцелел во время атак. Отчасти сыграла свою роль команда взводного не лезть пулеметчикам вперед, а поддерживать пехоту огнем. Хоть и не лезли вперед, а находились в рядах атакующих. Люди падали под пулями десятками. По ложбине ми-

мо меня цепочкой ползли раненые. Санитаров не хватало, тянули друг друга. Жутко было видеть, как полз солдат с оторванной ступней, замотанной бурой от крови нательной рубашкой.

Я расстрелял пять или шесть дисков подряд. Пулемет раскалился. В этот момент немцы пошли в контратаку. Я хотел помочиться на ствол, но что-то внутри перехватило, не мог выдавить ни капли. Помощник вылил на кожух остаток воды из фляжки. Ствол шипел и парил. Редкий лес представлял невообразимую картину. Многие деревья были перебиты снарядами и крупными осколками. Одинокая сосна горела, как свечка, дымила влажная хвоя, кое-где прорывались языки пламени. Дым висел слоями, а из него возникали все новые фигуры людей. Бежали наши бойцы. Падали, стреляли, а метрах в ста приближалась цепь в характерных массивных касках. Немцы редко снимали каски. Они были у них толстые и более надежные, чем наши. Но пули брали и немецкие каски, пробивая насквозь вместе с головой. Оставалось только попасть.

Я вставил в пазы очередной диск, передернул затвор. Впереди возникли сразу пятеро немцев. Их фигуры плыли в белесом хвойном дыму. Нажал на спуск и повел стволом слева направо. Сейчас я их смахну одной длинной очередью! Пулемет бился в руках, все пять немцев упали. Потом «дегтярев» замолк. Я держал заклинивший затвор. Сорвал диск. Из казенника торчала лопнувшая гильза. Трое немцев поднялись, исчезли в низине, затем отползли и двое других. Я промахнулся или в лучшем случае легко ранил двоих. А длинной очередью раскалил казенник, в котором застряла гильза.

Я растерялся. Пожилой помощник протягивал нож.

Я пытался поддеть застрявшую гильзу, но безрезультатно. Над головой засвистели пули. Верхушка бруствера разлетелась от попаданий нескольких разрывных пуль. Опасность отрезвила меня. В горячке боя я понаделал ошибок, не такой уж опытный был из меня пулеметчик. Нельзя стрелять длинными очередями и надо менять позицию. Как только немцы засекают пулемет, по нему открывают огонь. Мы отползли по траншее в сторону. Бойцы, сумевшие уцелеть после неудачной атаки, стреляли из винтовок и автоматов. Я взял себя в руки и сумел выбить гильзу. Вставил диск. Хотя цель не видел, выпустил наугад несколько коротких очередей. Ко мне подбежал взводный:

— Почему прекратил огонь?

— Пулемет перегрелся.

— Помочиться не можешь?

— Не могу, — признался я. — Мы его водой охладили. Дайте еще одного бойца, диски набивать.

Взводный поймал за рукав легко раненного в ногу солдата и приказал помогать моему расчету.

— Я же ранен, — пожаловался тот. — Надо быстрее в санбат.

— Какой к черту санбат! Не видишь, как фрицы лупят. Из траншеи не высунешься, сразу убьют. Помогай пулеметчикам, если жить хочешь.

Вскоре открыли огонь наши орудия и появились три танка с десантом на броне. При поддержке танков мы продвинулись на километр. В то время немцы уже активно использовали «фаустпатроны». Один танк подожгли, второй подбили. Его тянула на тросе единственная уцелевшая «тридцатьчетверка». Экипаж поврежденного танка, развернув пушку, посылал снаряд за снарядом в сторону немецких укреплений.

К вечеру немцы снова пошли в контратаку. Вначале вели сильный огонь из минометов. Стреляли уже не мелкие «пятидесятки», а батарея батальонных минометов. Одна из мин взорвалась в пяти шагах перед нами. Помощников и меня засыпало землей. Легкораненый, который мне помогал, попросился в тыл. Сказал, что немеет нога и кружится голова.

— Переждал бы обстрел, — предложил я.

— Нет, я пойду. Иначе сознание потеряю.

У каждого своя судьба. Паренек был молодец, полдня оставался с нами, раненный. Пополз, потом встал, наверное, собирался бежать. Мина шарахнула рядом с ним. Его подбросило, как тряпичную куклу. Убило наповал. А в нашу сторону перебежками приближались фигуры в касках, во френчах, камуфляжных куртках. Били наши минометы, стреляли по всей цепи винтовки, автоматы. Мы заняли немецкие глубокие траншеи, обложенные жердями с удобными гнездами для стрельбы. Нас пытались из них выбить. Я стрелял более спокойно. Сумел заставить залечь группу, бежавшую к нам. Двое фрицев после моих очередей остались лежать и уже не встали.

Рослый боец выволок из ниши ящик немецких гранат-колотушек. Отвинчивал колпачок на рукоятке, дергал за шнурок и с матюками швырял гранату в сторону залегших немцев. Когда он бросил их штук пятнадцать, я не выдержал:

— До фрицев почти сто метров, а ты от силы на шестьдесят кидаешь. Какой толк?

— Толк? — переспросил здоровяк и засмеялся. — Пусть лежат и трясутся.

Его смех показался мне каким-то ненормальным, истеричным. Впрочем, мы почти все были контужены

или с трудом соображали, находясь целый день под обстрелом. Трупы лежали на каждом шагу. На них уже не обращали внимания, просто переступали. Мой пожилой помощник смирился с мыслью о смерти. Без конца шевелил губами, возможно, молился. Но диски набивал и подавал мне вовремя. Когда подошли к концу патроны, стал собирать их в патронташах и вещмешках. Свои обязанности в опасной ситуации выполнял хорошо.

Немцы уже в сумерках попытались снова атаковать. Наши подтянули дополнительные орудия и минометы. Огонь из всех стволов был такой мощный, что атака быстро захлебнулась. Рота снова собралась вместе, осталось в строю меньше половины бойцов. Уже в темноте привезли ужин, но мы, пошарив по блиндажам, нашли консервы, сало-шпиг, маленькие буханочки хлеба в целлофане. Разжились и спиртным. Несмотря на ругань офицеров («заснете, перебыют всех!») многие крепко выпили. Я тогда не пил, но воды не хватало, и я с жадностью опрокинул две кружки кисло-сладкого вина. Может быть, и опьянел, но хорошо набил брюхо. Попробовал первый раз в жизни сардины, консервированные сосиски, прибрал кусок копченой колбасы. Затем старшина и наши повара принесли гречневой каши с мясом, хлеба, водки. От каши я не отказался, а водку пить не стал.

Кострома вместе с помкомвзвода Шахтером обходили позиции взвода. Полтора десятка человек занимали участок обороны метров сто двадцать. Один человек на семь-восемь метров. Даже соседа не видно. К тому же половина уцелевших уже спали, крепко выпившие после напряжения тяжелого дня. Этот участок всю ночь охраняли мы со вторым номером и еще од-

ним из непьющих бойцов. Кроме оружия, нам достались две ракетницы с запасом разноцветных ракет. Мы выпускали их на любой шорох. На брустверах были разложены винтовки, автоматы. Мы ходили и стреляли, создавая видимость, что взвод не спит.

Немцы отвечали нам пулеметными очередями. Вряд ли мы их обманули. Просто фрицы понесли слишком большие потери, чтобы предпринять серьезную ночную атаку. Не спали минометчики, посылая в сторону немцев 82-миллиметровые мины. Никогда в жизни я столько не стрелял. Плечо превратилось в синак. Я бил в темноту из пулемета, немецких автоматов, винтовок, не прижимая приклады к плечу. Кострома, хоть и крепко выпивший, держался до двух ночи. Опытный командир, он по характеру стрельбы угадывал, что происходит на вражеских позициях.

— Знаешь, Вася, ведь немцы отходят, — сказал он. — Оставили саперов и дежурных пулеметчиков. Мин понатыкают, постреляют, а утром смоятся.

Командир взвода оказался прав. Утром немцы отошли, и мы осторожно двинулись вперед. Но приподнятое настроение от победы было испорчено нелепой смертью одного из бойцов. Он полез рыться в вещах убитого фрица и нарвался на мину. Ему оторвало стопу и, как нередко бывает в таких случаях, искромсало осколками промежность и низ живота. Саперы осторожно вытаскивали его, а боец кричал, вырывался из рук, просил пистолет, чтобы застрелиться. Я понимал, что с таким ранением лучше не жить. Смерть оказалась милосердной к искалеченному парню. Когда саперы положили его на хвою, он был без сознания, а спустя короткое время умер.

Мне трудно объяснить свое состояние, но после того ожесточенного боя во мне что-то изменилось. Я видел себя со стороны. Суевившегося, бестолкового мальчишку, забывшего все, чему меня учили. От растерянности и страха заклинило пулемет. Потом взял себя в руки. Понял, что если так будет продолжаться, проживу недолго. Искушая свои грехи, я не спал всю ночь, охраняя остатки взвода и, прикорнув утром на пару часов, пошел вместе со всеми вперед.

События сентября сорок четвертого года слились для меня в цепь похожих друг на друга дней. Снова стояли на пополнении. Во взводе в очередной раз появилось много новых лиц. Бойцы разного возраста от 18 до 40 лет. Вели себя по-разному. Некоторые, пришедшие из госпиталей, уверенно занимали свои места, чистили и подгоняли полученное оружие. Другие, помоложе, жались друг к другу. Они боялись всего: авианалетов, мин, начальства. Изредка попадались откровенные хвастуны. Ко мне подошел солдат с винтовкой за плечом, поздоровался и сообщил, что он тоже пулеметчик. Имеет на счету тридцать или сорок уничтоженных фрицев.

— Как у тебя машинка? — потянулся он к «дегтяреву».

— Не лезь, — обрезал я его.

Мне не понравилось слово «машинка» и байки насчет сорока уничтоженных немцев. Он наверняка обманывал. Настоящий пулеметчик не станет хвалиться первому встречному.

— Молодой, а ранний, — снисходительно заметил боец.

Хотел добавить что-то еще, но его наладил прочь мой пожилой второй номер.

— Чего шатаешься? Шагай на свое место.

Все это были, конечно, мелочи. Люди, попадая на передний край, часто терялись, не знали, как себя вести. Через несколько дней привыкали. Когда закончилась переформировка, двинулись вперед. Зарядили дожди, на дорогах роты вязли в грязи. Порой легче было шагать через лес, по пружинистой хвое. Но немцы понатыкали мин и приходилось шагать по колее, заполненной водой. Сильных боев в те дни не было. Зато на острове Даго в первых числах октября сорок четвертого года развернулось ожесточенное сражение. Позже я узнал, что 27 сентября началась Моонзундская операция. Немцев в течение двух месяцев выбивали с побережья, многочисленных островов Балтики и Рижского залива.

Любой остров сам по себе уже крепость. Прямым ходом к нему не доберешься. Пролив Муху, шириной километров двадцать, форсировали десятки больших и малых кораблей. Нас крепко поддерживала авиация. Шли двухмоторные бомбардировщики в сопровождении истребителей, штурмовики «Ил-2». Вела огонь корабельная артиллерия. Наш батальон и некоторые подразделения полка переправлялись на тихоходном пароходе с огромными бряцающими колесами по бокам. Пароход мотало крепкой боковой волной, у многих ребят началась морская болезнь. Каша с мясом, которой нас накормили перед погрузкой, впрок не пошла. Бойцов выворачивало наизнанку. Потом болезнь быстро сняли немецкие истребители. Их было шесть или восемь. Они пронеслись на большой скорости низко над водой и сразу начали рваться бомбы.

Один из кораблей загорелся. Наш пароход, дере-

вянный, шел с черепашьей скоростью и представлял хорошую мишень. Но немецкие пилоты промахнулись. Возможно, сбили прицел зенитчики. Одна из бомб рванула в полусотне метрах по борту. Вышибло крупным осколком кусок доски, продырявило трубу. Мы лежали на палубе, осколки никого не задели. Потом появились наши истребители, и далеко за кормой завязался воздушный бой. Кто кого сбивал, мы не видели, потому что по нам открыли огонь с берега. Били тяжелые орудия, укрытые в дотах и укреплениях среди скал. Один из бойцов прошептал:

— Если утопят, даже могилы не останется.

— Я и плавать не умею, — сказал кто-то еще.

Его «успокоили», что это не имеет значения. Вода в Балтике такая холодная, что больше десяти минут не продержишься. Сердце остановится. Я невольно уставился на волны. Серая тяжелая вода. В такой, действительно, не будет спасения.

Довольно большой остров Даго, примерно 40 на 50 километров, был взят в течение двух суток. Здесь я впервые увидел всю силу наших войск. Постоянно, волна за волной, шли бомбардировщики, штурмовики «Ил-2» в сопровождении истребителей. Авиабомбы и тяжелые корабельные снаряды взламывали укрепления. На берегу высаживались все новые десантные части. Обратными рейсами вывозили большое число раненых. Цепи наступающих захлестнули остров. Пехота и моряки шли вперед, занимая одну высоту за другой.

Запомнилось, как на руках катили легкие «сорокапятки» и уничтожали пулеметные гнезда. Конечно, мощные укрепления были этим небольшим пушкам не под силу, но помощь они оказывали крепкую. Артилл-

леристы, как и мы, несли большие потери. С утра нас сопровождала батарея из четырех пушек, к полудню остались две. В одном месте не давал продвинуться сильный пулеметный огонь. Бил крупнокалиберный и по меньшей мере два-три обычных пулемета.

Лейтенант-артиллерист приказал выкатить орудие на пригорок. Сделали один-второй выстрел. Вдруг пушка исчезла в столбе дыма и обломков. Из каменной амбразуры стреляла 105-миллиметровая гаубица. Прямое попадание разнесло «сорокапятку». По-моему, из расчета никто не уцелел. Гаубица, молчавшая до нужного момента, вела огонь метров с трехсот. Обойти и уничтожить орудие гранатами не давали немецкие пулеметчики. Попытались выкатить последнюю «сорокапятку». Снаряд опрокинул ее. В этом месте был ранен мой помощник. Осколок пробил ему плечо, он не скрывал радости, что наконец вырвется с передовой.

Попрощались мы тепло. Все же полтора месяца в одном расчете. Но провожал я его с облегчением. Трусоватый помощник мне часто мешал, мог схватить за руки и стащить в окоп в тот момент, когда я вел огонь. Кто знает, может, он, как старший по возрасту, не однажды спас мне жизнь. А гаубицу и пулеметные гнезда разбили минометным огнем. Минометный взвод выпустил сотни полторы мин. Под их прикрытием мы продвинулись вперед, а потом бросились в рукопашную.

С меня в рукопашной схватке толку было мало. Я пристроил пулемет среди россыпи камней и стрелял, выбирая одиночные цели. В клубке сцепившихся, орудующих прикладами и саперными лопатками людей трудно было разобрать, где наши, а где немцы.

Когда я подошел, ни одного живого немца поблизости не было. Они не просили пощады, а те, кто в последний момент пытался поднять руки, умирали от выстрелов в упор и штыковых ударов. Тогда же погиб старший сержант Шахтер. Для взводного, да и для остальных ребят, это была горькая потеря.

Опытный, самый сильный во взводе сержант внушал чувство уверенности, вел за собой. Никто не верил, что его могут убить. Он и в последней схватке застрелил двоих или троих фрицев, об одного разбил автомат. Пока наносил второй удар, получил несколько пуль в упор.

Когда после боя собирались остатки взвода, младший лейтенант Кострома качал головой и повторял:

— С кем воевать буду? Не с кем!

Во взводе оставались опытные, бывалые бойцы, мало чем уступавшие Шахтеру. Они не обижались на слова младшего лейтенанта. Взводный и его помощник были не просто командир и подчиненный, а друзья. Хотя нас торопили, мы все же выдолбили в каменистой земле неглубокую могилу, завернули тело в шинель и насыпали холмик. Сверху положили каменную плиту. С Балтики дул холодный ветер и сыпал мелкий дождь. На камне торопливо выцарапали штыком фамилию, имя Шахтера и дату смерти.

Дня четыре провели на берегу в ожидании переброски на большой остров Сарема. Во взводах насчитывалось по десятку человек. Подвезли очередное пополнение. Вторым номером в моем расчете стал парнишка из-под города Лодейное Поле. Он пришел из запасного полка, где четыре месяца учился. Фами-

лию не помню, звали Алексей, или, проще, Лёха. Парень был шустрый, рвался воевать и допытывался, сколько немцев я уничтожил. Не знаю почему, на эту тему бойцы, имевшие на счету достаточно фрицев, говорить не любили. Считалось нехорошей приметой. Те, кто побывал на острие войны, не спешили хвалиться своим личным счетом. Разве что когда по пьянке. Но я не пил, да и на вопрос Лехи точно ответить не мог. Стрелял вместе с другими, а там разбери, кого чья пуля свалила.

— Может, десяток, — пожал я плечами, — а может, чуток побольше.

— Обманывает он, — засмеялся кто-то из старых солдат. — Василий Пантелеевич целую немецкую роту из своего «дегтяря» положил.

— Сто человек? — вытаращил глаза мой помощник. — Тебе уже давно орден положен.

— Шутки, — сказал я. — Дурацкие шутки. Так тебе немцы и будут ротами подставляться.

Ночью при сильной качке переправлялись на остров Сарема. Но корабль не спешил причаливать, мы двигались вдоль юго-восточного побережья. Впереди раздавалась оружейная канонада. В воздухе висело слово «Сырве». Полуостров, за который намертво вцепились немцы.

Полуостров Сырве был южной оконечностью острова Сарема, имел ширину три километра и около тридцати в длину. Мы знали, что в сорок первом году здесь в окружении сражался два месяца гарнизон краснофлотцев. Место для обороны было удобное:

крутые берега, скалы, ущелья. Теперь на Сырве укрепились немцы. Если почти весь остров наши войска взяли в течение пяти дней, то этот узкий перешеек стал как кость в горле.

Мы продвигались с большими потерями, несмотря на мощную артиллерийскую поддержку. Гибли бойцы из нашего взвода. Лейтенант Кострома (он получил вторую звездочку на погоны после взятия Даго) был ранен, но оставался в строю. Мы сбросили шинели и воевали в телогрейках, в которых было легче передвигаться среди скал и камней полуострова. Из амбразур дотов вели огонь многочисленные пулеметы. Простреливался каждый метр.

Командир роты приказал мне глушить один из дотов непрерывным огнем и послал четверых бойцов в обход, взорвать укрепление с тыла. Ребята ползли осторожно, но когда поднялись для броска, по ним ударил второй пулемет. Трое так и остались на месте, а четвертый вернулся с простреленной щекой. Кострома материл фрицев и нашу артиллерию. Потом сунул за пазуху несколько гранат, взял с собой двоих бойцов, в том числе завхоза, который шел с явной неохотой. Мне Кострома сказал:

— Стреляй и целься лучше. Ты наше прикрытие, на тебя вся надежда.

Какая к черту надежда на мой «ручник», когда из амбразуры лупит мощный МГ-42 с оптическим прицелом! Лейтенант подмигнул. Я понял его и обещал не подкачать. Ротный выделил еще один пулемет и противотанковое ружье. Мы вели непрерывный огонь, не давая немцам высунуться. Лейтенант взорвал дот, а второе пулеметное гнездо забросали гранатами ребята из другой группы. Я расстрелял шесть дисков.

Ствол раскалился, мы охлаждали его дождевой водой, которую приносил Леха в немецкой каске. Своим новым помощником я был доволен. Он быстро набивал диски и успевал вести огонь из автомата, поддерживая меня.

— Далековато для твоего ППШ, — говорил я. — До немцев полкилометра.

— Ничего, — ответил Леха, меняя очередной диск. — Одна пуля из сотни цель найдет, и то дело.

В принципе он поступал правильно. Боеприпасов хватало, от нас требовали вести активный огонь и в наступлении, и в обороне. Немцы зачастую били наугад, но даже шальной неприцельный огонь заставлял бойцов прятаться. Теперь и мы имели возможность не давать фрицам высунуться. Патроны и гранаты подвозили постоянно. Леха загружался, как ишак, тащил боеприпасы в мешке, иногда брал сразу целый цинковый ящик для меня и несколько коробок патронов для своего автомата.

Наступление продолжалось без передышек. Мы снова попали под сильный огонь и нырнули в подземный артиллерийский дот. Длинноствольная дальнобойная пушка была прикрыта толстыми раздвижными плитами. Одну из плит проломила авиационная бомба и смяла орудие. Укрытие было глубоким, внизу колыбалась вода и плавали несколько трупов, пахло мертвечиной. Мы пересидели в полутьме обстрел и, когда стрельба утихла, с облегчением выбрались из мрачного каземата, ставшего могилой для немецкого оружейного расчета.

Снова наступали. Плотность войск была высокой. Бок о бок с нашим батальоном шли вперед морские пехотинцы. Сквозь расстегнутые гимнастерки видне-

лись тельняшки. Немецких укреплений было понатыкано очень много: железобетонные доты, обычные пещеры с замурованным входом, оборудованные среди камней орудийные и пулеметные окопы. Задания получали пройти сто-двести метров, очистить от фрицев скалу, уничтожить дот.

В одном месте нам очень мешала узкая щель с пулеметом. Мины ее не брали, артиллерии поблизости не оказалось. Наши ребята попытались обойти с флангов, но попали на мины. Саперы принесли четыре тела. Двое бойцов были уже мертвые, истекли кровью. Старшина-сапер сказал, что фланг заминирован очень густо, многие мины соединены между собой и поставлены на неизвлекаемость. Один из саперов погиб. В мешанине мин не смогли вынести даже его тело.

Я не знал, что это мой последний бой. Не раз слышал о том, что люди предчувствуют тяжелое ранение или смерть. Сам видел, как тоскливо смотрят перед атакой некоторые бойцы и прощаются с друзьями. Иногда такие предчувствия сбывались, иногда — нет. Впрочем, в пехоте не надо быть провидцем, чтобы угадать свою судьбу. Одна-вторая атака — половина выходит из строя. Меня предчувствия не мучили, может, потому, что в октябре сорок четвертого мне было всего семнадцать лет.

Ранило моего помощника Лешу. Осколками ему пробило руку и отсекло два пальца. Я вел огонь по каменной расщелине. Отложил пулемет, хотел перевязать товарища, но лейтенант Кострома махал мне:

— Продолжай огонь! Без тебя обойдутся.

С Лешей уже возился санитар, а я со злостью загнал в узкую, брызгающую огнем щель целый диск

бронебойно-зажигательных пуль. Потом меня попытался достать немец из автомата, вскарабкавшийся на скалу. Я сбил его. Он упал с высоты и больше не шевелился. Рядом свистели пули, высекали крошки из камня, я понял, что надо менять позицию. Захватил мешок с дисками и патронами, повесил на плечо пулемет и успел сделать семь-восемь шагов.

По правой руке ударило с такой силой, что я упал. Боли вначале не чувствовал и вообще не понимал, что со мной. Хотел снять с плеча пулемет, но рука не слушалась. Кое-как встал на колени, видимо, задел руку и вскрикнул от боли. По ладони и пальцам стекала кровь. Ее было много. Я смотрел, как замороженный, не в силах сообразить, что делать. Подбежал взводный, кто-то из бойцов. Разрезали рукав телогрейки, гимнастерки, перевязали рану, наложили дощечки. Меня довели до медсанбата, обработали рану и отправили в госпиталь.

На этот раз досталось крепко. В справке эвакогоспиталя № 3834 было написано: «Сквозное пулевое ранение правого предплечья с повреждением кости». Если проще, то немецкая пуля прошла насквозь руку и раздробила кость. Мне сделали несколько операций, хотели ампутировать руку, но обошлось. Ранило меня 10 октября 1944 года, я сменил несколько госпиталей. Последний период лечился в городе Шуя Ивановской области, откуда выписался 16 марта 1945 года. В общем, лечили меня пять с лишним месяцев. К строевой службе я был признан негодным, рука слушалась плохо.

В марте сорок пятого меня определили в рабочий батальон здесь же, в Ивановской области. Вместе с гражданскими мы трудились на торфоразработках.

Я работал слесарем и трактористом, словом, занимался тем, что поручат. Рабочий день длился 12—13 часов, еще шла война, да и после победы нормы не снижали. Тем более, на Дальнем Востоке началась война с японцами. Демобилизовали меня в октябре сорок пятого. На торфоразработках я встретил свою будущую жену Клавдию Кирилловну. Поженились мы 9 ноября 1945 года и с тех пор всегда вместе. У нас родились сын и дочь, ну, а сейчас уже имеем шесть внуков, правнуков. Считаю, что жизнь прожили не зря. Семья дружная. Молодые нас, стариков, без внимания не оставляют.

Мы общались с Василием Пантелеевичем несколько раз. Порой он уставал рассказывать и лишь коротко отвечал на мои вопросы. Его ответы и суждения были интересными, я записал некоторые из них.

Автор: Василий Пантелеевич, вы пробыли несколько месяцев в оккупации. Про полицаев, предателей пишут разное. Что вы скажете про тех, кто пошел на службу к немцам?

Устименко В. П.: Среди них разные люди были. Местные ребята и мужики нередко попадали в полицаи по стечению обстоятельств. Как правило, они не зверствовали, нередко помогали землякам. Зато «отличались» отряды из приезжих, от тех пощады не жди. От них я всегда прятался. Не знаю, как их снабжали, но грабежом приезжие полицаи занимались открыто, вели себя нагло. Кстати, «нашим» полицаям немцы не слишком доверяли. Я немного разобрался в оружии, видел, что даже трехлинейки им не доверяли. Вооружали старыми польскими, французскими винтовками, к которым патронов не достанешь. В сорок третьем

многие полицаи активно помогали партизанам. Кого-то это спасло от смертного приговора, но большинство получили большие сроки, по двадцать — двадцать пять лет. Еще скажу, что с первых месяцев оккупации полицаям не давали разгуляться партизаны. Мы жили в предгорьях Кавказа, места для партизан удобные, и действовали они довольно активно.

Автор: Приходилось сталкиваться в армии со случаями самострелов?

Устименко В. П.: В сорок четвертом году таких случаев было мало. Я лично «самострелов» не видел. Помню, однажды выстроили батальон и зачитали приказ, в котором несколько «самострелов» приговорили к смертной казни и штрафной роте. Виновных мы не видели. Что это были за люди, из какого полка, не знаю. Просто нам напомнили о жесткой ответственности и законах военного времени.

Автор: Многие ветераны рассказывают, что немецкая авиация активно действовала едва не до конца войны.

Устименко В. П.: Я очень не люблю фразы вроде «превосходство в воздухе» и прочие хвастливые выражения. Скажу прямо, немецкая авиация, когда позволяла погода, налеты совершала часто. Доставка нам крепко. Другое дело, что безнаказанными фрицы не оставались. Отбомбятся, обстреляют нас, глядишь, в воздухе уже советские истребители. Начинается бой, и, как правило, немцы несли потери. Только нам от этого не легче. Тройка-пятерка «Хейнкелей» или «Юнкерсов» порой десятки трупов оставляли. Потери от немецкой авиации мы несли до осени сорок четвертого. Когда началась Моонзундская операция, положение изменилось. Наши самолеты дави-

ли немцев постоянно. Видел я, как фашистские корабли ко дну шли после удачных попаданий авиабомб. «Илы» в упор немецкие суда топили. Если первый промахнется, то второй обязательно в цель бомбу всадит.

Автор: Вы были пулеметчиком. Что скажете о боевых качествах пулемета Дегтярева?

Устименко В. П.: Меня он практически не подводил. Пулемет хороший. А насчет недостатков? Как к оружию относишься, так оно тебе и служит. Может, и затерто звучит, но сказано верно. Как бы мы ни уставали, а после боя обязательно чистишь пулемет. Ведь порой по 700—800 выстрелов в бою делали. Нагар, копоть. Хочешь, чтобы автоматика работала, — чисть, смазывай. На расстоянии метров пятьсот прицельность у «дегтярева» отличная. Бронебойными пулями мы однажды немецкий броневик подожгли. Во взводе было три ручных пулемета Дегтярева. Когда все три огонь открывали, любую немецкую цепь заставляли ложиться.

Автор: Вы не раз упоминали о прибалтийских болотах. Как укрывались в тех местах от обстрелов, где ночевали?

Устименко В. П.: Старались выбирать места повыше и посуше, но часто это не удавалось. Окоп не выроешь, уже на глубине полметра выступала вода, а бывало, раз копнешь и уже в воде. Шли на всякие хитрости. Искали места, где больше торфяных кочек. Укрытие, конечно, слабенькое, пуля эти кочки насквозь пробивает. Приходилось быть все время настороже, лишний раз не шевельнешься. Утешало, что и фрицы в таком же положении находились. Укрывались за сваленными деревьями. Пусть толщиной сантиметров

двадцать, но все же какая-то защита. Ходили все время мокрые, хорошо, хоть лето было. Сушим то обмотки, то брюки. Когда начинался обстрел, плюхались, не глядя, в воду, порой полдня в воде сидели. Болели, конечно, хотя я не помню, чтобы из-за этого в санбат ложились. Лечились, как могли, а лучше всего, когда на сухое место выползешь. Вообще, противные это штуки — болота. Ночью туман, сыро, трясешься от холода. Но терпели, куда денешься!

Автор: Каков был настрой у бойцов? Ведь гибли многие, да и не всегда газетный «ура-патриотизм» соответствует истине.

Устименко В. П.: Люди по своей натуре разные. Мой второй номер в пулеметном расчете, мужик в возрасте, боялся передовой, вперед никогда не лез. Больше всего на свете он хотел выжить ради своей семьи. Но так или иначе, воинский долг выполнял. Лейтенант, который мне запрещал стрелять во врагов и мечтал отсидеться в тишине, — это совсем плохо. Трусливый, нерешительный командир — что может быть хуже. Такие случаи были исключением. У большинства бойцов и командиров настрой был боевой, решительный. Это я скажу точно. За примерами ходить далеко не надо: взводный Кострома, помкомвзвода Шахтер, мой помощник Леха и другие ребята. Я не помню случаев, чтобы кто-то уклонялся от задания. Действовали инициативно. А в условиях лесной Прибалтики, Карельского перешейка, Моонзундских островов это значило много. Там не батальонами или полками воевали, а взводами, отделениями. Такая специфика. От личной инициативы многое зависело. Взрывали доты и вышибали немцев из укреплений мелкими группами. Каждый на виду. Героем себя не

считаю, но обязанности свои выполнял как положено. Вступил в комсомол, командовал одно время отделением, новичков обучал. И не забудь, что шел сорок четвертый год. Редкая семья не потеряла брата или отца. Люди хотели мстить (сразу вспоминаю ленинградцев), приблизить конец войны. Атаки были активные, беспощадные. В бою в плен немцев редко брали. Вот такой был настрой в сорок четвертом году.

Автор: Как насчет смертных медальонов? Правда, что многие бойцы из суеверия не заполняли данные о себе и оставляли медальоны пустыми?

Устименко В. П.: Это тоже от характера зависело. Кто-то действительно считал, что бумажка в медальоне смерть накличет. Но пойми одну вещь. В армии все по приказу делаешь. Раздали бумагу, химические карандаши, и всем взводом сидим, пишем. Приказ, никуда не денешься. Многие, кто постарше, понимали, что вероятность погибнуть в бою высокая. Для семьи лучше, если на тебя похоронку пришлют, чем будешь числиться без вести пропавшим. Пенсия, льготы положены. Старшие об этом думали. Ну, а насчет меня? В смерть я не верил. Раз пять заполнял медальон и столько же выкидывал. Таких ребят много было. Кстати, большинство медальонов были металлические, они быстро ржавели, уже через неделю-две с трудом откручивались. К чему бумажки заполнять, если их ржавчина съедала?

РЕЙС В ОДИН КОНЕЦ

Я числился заряжающим оружейного расчета. И стрелял, и снаряды подносил, а большую часть службы крутил баранку, подвозил боеприпасы, эвакуировал раненых. Потери несли страшные. Когда в путь собирались, некоторые так и говорили: «Ну, вот, рейс в один конец!»

Красюков П.К.

Я познакомился с Петром Константиновичем Красюковым с год назад. Несмотря на преклонный возраст, держится он крепко. Высокий, с сохранившейся спортивной выправкой, аккуратно одетый даже в домашней обстановке, он не подходит под слово «старик». Ветеран. Так будет точнее. Что главное — не потерял интерес к жизни. Читает газеты, книги, общается с людьми. Два часа обязательной прогулки в любую погоду. Он имеет свое собственное мнение на многие вещи. Мне было с ним интересно. Так родился этот документальный рассказ. Он говорит о войне просто и правдиво, не приписывая себе особых заслуг.

Я родился 28 апреля 1926 года в хуторе Красюково Подгоренского района Воронежской области, в 80 километрах от Воронежа. Хутор совсем небольшой, дворов пятьдесят, и почти половина семей носили фамилию Красюковы. В семье было четверо детей: трое сестер и я. В начальную школу ходил за полтора километра, а семилетка располагалась в центральной усадьбе колхоза «Красная Долина», за девять километров. Почти двадцать верст в оба конца, а пробегали, не замечая. Из хутора набиралось пять-семь школьников, двадцать верст в оба конца пробегали. Конечно, на первый урок часто опаздывали, но учителя нас не ругали. Учились в основном хорошо. Зимой иногда колхоз выделял сани. Погрузимся, и с ветерком до школы. Но это было не часто. Больше на своих двоих. В сильные морозы оставались ночевать при школе, а когда за тридцать зашкаливало, родители нас никуда не отпускали. Померзнете!

Эти три года, когда мы ходили в семилетку, мне хорошо запомнились. Местность у нас лесостепная, рощицы, холмы, поля. Кое-где вклинивается большой лес. Часто шли не по дороге, а через поле, лес. То куропатки вспорхнут, то зайца или лису увидим. Интересно. А весной, когда речки разливались, смотрели, как бьет икру щука. Однажды не выдержали, остались с дружкой. Девчонки в школу пошли, а мы охоту на щук устроили. Заострили две палки, как копья, и тихо пошли вдоль ручья. Прицелишься, хлоп! Чаще мимо, потому что вода расстояние переламывает. Прошатавшись полдня, вымокнув по пояс, добыли штук двенадцать щук граммов по 300—400. Крупные нам были не по силам. Развели костер, посушили одежду, пожарили двух щучек на прутьях, а остальных отнесли

домой. Родители нас отругали, но все обошлось. В следующий раз выпросили у кого-то старую острогу. Думаем, сейчас набьем щук! А ручки пустые. Щуки икру уже отметали.

Как жили? Как везде в России. В колхозе начисляли жиденькие трудодни. Осенью родители получали какое-то количество зерна, фуража, сена, но кормились в основном своим хозяйством. Земля в наших местах хорошая. Без полива собирали с огородов богатые урожаи картошки, капусты, помидоров и прочих овощей. Много было фруктов: яблоки, груши, сливы, орех. Кругом сады, фруктами мы объедались. Хозяйство в семье держали небольшое (налоги высокие): корова, штук пять овец, 15—20 кур. В конце лета отец покупал поросенка, его легко было выкармливать осенью, а в зиму резали, так как кормить было нечем.

Мясо ели редко, в основном зимой. А летом, если у кого корова захромает, хозяин срочно забивает и раздает желающим в долг. Помногу не брали. Кто — пару килограммов, кто — три или четыре. Что интересно, денег я до войны почти не видел. Если мясо брали, то и отдавали позже такое же количество.

Может, кому интересно, а кому нет, но скажу несколько слов, как питались. На утро (слово «завтрак» мы не знали) — кружка молока с ломтем хлеба, картошка или пшенная каша. На обед — борщ без мяса, но с овощной поджаркой, вкусный. Мама его хорошо готовила. Вечером — полкружки молока, каша или суп с клецками, который мы любили. В старом сундуке в погребе хранилось соленое сало. Лакомство. Его мама давала летом отцу в поле. Работа тяжелая, одними овощами не обойдешься. Нам иногда тоже давали в школу по кусочку. Праздник наступал, когда осенью

отвозили километров за 70 подсолнечные семечки и давили на масло. Назад привозили бидоны золотистого, пахнущего жареными семечками, вкусного масла. Пекли блины, лепешки, делали салат из помидоров, огурцов, красного перца, лука, щедро сдобренный маслом.

Были и очень тяжелые времена. На всю жизнь запомнился голод тридцать третьего года. Как все получилось? Весна поначалу хорошая была, дожди, все зеленеет. А в конце мая начался суховей! Горячий ветер дул две или три недели. Такой сильный, что верхний, плодородный, слой чернозема начисто снес. Вот тогда мы голодали. Был полный неурожай. И муку с травой смешивали, и щи из крапивы варили — одна зеленая вода. Ослабленные люди, чаще маленькие дети и старики, умирали. Редкий дом обошла смерть.

И в тридцать седьмом был неурожай. Огромные тучи саранчи все всходы сожрали. Идешь по полю, а она под ногами хрустит. Как с саранчой бороться, толком не знали. Делали все, что могли. Помню, дали команду выпустить на поле домашних кур. Пометили их краской, сажей, чтобы не перепутать, и потащили в клетках на поле. Куры, конечно, за саранчу с аппетитом взялись. Но вскоре наелись, ходят сытые. Да разве могла сотня-другая кур огромное поле очистить? Но с голоду в тот год люди не умирали. Колхоз окреп, давали муку, крупу, другие продукты. Пережили мы нашествие крылатой твари.

Еще запомнилось, что люди на наших хуторах дружно жили. Всегда друг другу помогали. Если кто женился, то молодым новый дом коллективно возводили. Леса было мало. Строительные материалы: саман, солома,

дранка. Крыши у всех соломенные. Буквально за неделю новый дом, пусть и небольшой, для молодой семьи был готов. Живите, любите, детей рожайте.

И вдруг война!

Как и по всей стране, женщины плакали. Мужчин и парней призывного возраста забрали на фронт, а мы, мальчишки, заменили их. Я в восьмой класс только пошел, пятнадцать лет было. Походил неделю-другую, учебу отменили, надо в колхозе работать. Получилось так, что у нас было три трактора СТЗ (Сталинградского тракторного завода). Трактористов на фронт забрали, а механика освободили по болезни. Он взял несколько парней на обучение, в том числе меня. Я быстро освоил трактор. Уже осенью сорок первого пахал землю, зимой занимались ремонтом. Имелась еще старая полуторка, разобранная на запчасти. Мы ее за зиму снова собрали. Чуть не по всему району недостающие железяки искали. Я на ней полгода ездил, а потом ее военкомат забрал. Работали без выходных, с продуктами было туго. Выручала картошка. Помню, выдали мешка три кукурузы. Мы ее между камнями перетирали. Мама эту грубую крупу с чем-то смешивала, пекла лепешки, варила кашу.

Особенно тяжело пришлось летом и осенью сорок второго года. Линия фронта находилась километрах в семидесяти от нас. Видел, как отступают наши части. Бойцы все в пыли, в ботинках и серых обмотках, усталые. Мы носили им яблоки, огурцы. Грызут на ходу, погладят по голове: «Спасибо, ребята!» Обидно было, что так далеко Красная Армия отступила.

Видели немецкие самолеты. В нашем колхозе им бомбить нечего. Летели куда-то в сторону Тамбова,

Борисоглебска, Саратова. Ну, а вдоль дорог «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты» шныряли. Я уже тогда хорошо научился различать модели немецких самолетов. Нашей авиации было мало. Где-то вдалеке шли воздушные бои. Кто кого сбивал, не поймешь. Однажды осенью, совсем низко над полем, которое мы распахивали на зиму, прошел огромный двухмоторный бомбардировщик со свастикой на хвосте. Он дымился, а моторы ревели так, что мы кинулись кто куда. Но подбитому фрицу было не до нас. Он тянул к своим. Мы ждали, вот-вот появятся наши «ястребки», но самолет с завыванием продолжал свой полет. Отойдя от страха, мы долго обсуждали это событие. Пришли к выводу, что над линией фронта его все равно собьют. Огромные размеры бомбардировщика, размах крыльев метров двадцать, внушали невольный страх. Такой весь хутор сметет, если бомбить станет!

Летом и осенью через наши места двигалось много эвакуированных.

Шли всякие разговоры. С нами, мальчишками, никто, конечно, не делился, настроение у людей было подавленное. Наступают немцы, и никто их остановить не может. Что для них рывок километров сто? Вот и окажемся в оккупации. Но фронт на Дону застыл намертво, а зимой фрицев разгромили под Сталинградом и отогнали километров на сто пятьдесят — двести. После Сталинградской победы настроение другое стало. Крепко немцам тогда вломили, если Гитлер трехдневный траур по всей Германии объявил.

Второго февраля 1944 года меня забрали в армию. Целый эшелон новобранцев двигался куда-то на северо-запад. С каким настроением ехали? Сложно

сказать. Мы, молодые, большей частью охотно. Мне в феврале 17 лет было, считай, пошел добровольцем. Молодежь патриотично была настроена. Немцев уже на запад гнали, и многие считали, мы едем добивать врага. Кто постарше, и сумели отсидеться в тылу, на войну, конечно, не рвались. Они-то лучше представляли, что нас ждет. «Старики» держались отдельно, пили самогон и перешептывались. Никому не хотелось в пехоту. Кому уже за тридцать и кто имел хорошую специальность, надеялись пристроиться в тыловых и ремонтных частях. Но были и крепко обозленные. К началу сорок четвертого практически ни одной семьи не осталось, кто родных или близких не потерял. Такие призывники открыто говорили, что немцу пощады не будет. Правильно товарищ Эренбург пишет в своих статьях: «Убей немца!» Вот такое настроение царило в нашем вагоне.

Через двое суток приехали в Москву. Направили всех в учебный полк противовоздушной обороны, где пробыли недели полторы. Только начали изучать 37-миллиметровые зенитные автоматы, часть людей послали на переформировку в Чернышковские казармы возле Даниловского рынка. Там тоже немножко подучили и вскоре мы уже заняли свои места на боевых позициях на юго-западе Московской области. Если глянуть на карту боевых действий весны сорок четвертого года, то ясно видно, что на юге наши войска продвинулись далеко вперед. К середине апреля линия фронта уже была западнее Одессы, Тарнополя, Луцка, Мозыря. Бои шли на Западной Украине, на Черном море, в Румынии.

Но от Москвы немцы даже в апреле стояли сравнительно близко, примерно километрах в пятистах.

Не знаю, что уж писали военные историки, но немецкая ночная авиация продолжала налеты на Московскую область. Днем не рисковали, а ночью без конца объявлялась тревога, включались мощные прожекторы, и мы вели огонь по немецким самолетам. Здесь мы стояли примерно до конца июня, то есть месяца три с половиной.

Я был в расчете 37-миллиметровой автоматической пушки. Пушка хорошая, ничего не скажу. До шести километров вверх посылали снаряды. Хоть и небольшие, но брали количеством. Когда начинал бить дивизион, все небо покрывалось вспышками разрывов. Мелкие осколки вниз градом сыпались. Подбили мы кого или нет, не знаю. Стреляли сразу и четыре, и двенадцать пушек, и целый полк. Снарядов не жалели — Москва за нами! Гордо думали, что сквозь такую огненную завесу ни один фашист к столице не пробьется.

Мало зная о войне, мы считали, что это и есть настоящий фронт. Раза два нас бомбили. Если наш дивизион Бог миловал, то в соседнем разнесло вдребезги одну пушку, погибло пять или шесть человек. Но немцы бомбы на нас не тратили, старались донести их до Москвы. Мы считали себя уже бывалыми солдатами, прижились в землянках, привыкли к ночным тревогам. Но в двадцатых числах июня нас перебросили в распоряжение 3-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Черняховского И. Д.

Мы попали под Витебск. Позже я прочитал, что мы действовали в составе Северной группы войск, на которую возлагался прорыв немецкой обороны на 20-километровом участке к юго-востоку от Витебска.

Меня перевели заряжающим расчета 45-миллиметровой противотанковой пушки. Не сказать, что я слишком обрадовался переводу. «Истребители танков» — так гордо именовались артиллеристы противотанковых батарей. Но не зря говорили про них: «Ствол длинный, а жизнь короткая».

В этом я быстро убедился. У нас были новые «сокопьятки» с удлинённым стволом и улучшенным прицелом. Наш дивизион поддерживал пехотный полк. Пехота шла в наступление, а следом, буквально на хвосте, следовали мы. Если расстояние побольше, орудия и передки перевозились полуторками, но часто перекачивали пушки вручную. Наступление было мощное. Двигалось много танков, непрерывные удары наносила гаубичная артиллерия. Но гаубицы вели огонь с закрытых позиций, а мы находились на линии пехоты.

Залег батальон под пулеметным огнем, открываем огонь по дзотам, пулеметным гнездам. Пушка для меня была новая, но я к ней быстро привык. На 400—500 метров била точно. Хороший наводчик со второго-третьего снаряда пулемет накрывал. Молодцы, да? Только эти пятьсот метров простреливались немецкими пулеметами насквозь. Разворачиваем пушку, по щиту уже пули щелкают. Кто-то отползает раненый, кого-то наповал срезали.

Разобьем дзот. Вернее, не разобьем, а загоним после десятка выстрелов снаряд в амбразуру. Пехота поднимается, а на нас сыпятся мины. Чего-чего, а минометов у немцев хватало. Спасение от них было единственное — ложись в воронку или щель (если успели выкопать) и лежи. Лежишь, голову ладонями прикрыв, и думаешь: «Сейчас точно в тебя шархнет!»

Метаться и бегать во время обстрела было смертельно опасно. Сам видел, как парнишка-казашонок заметался. От одной, другой мины увернулся, третья под ногами взорвалась. Голова, руки целые, а ниже пояса лучше не смотреть — месиво.

Мы своих погибших редко когда успевали хоронить. Это в кино показывают, как товарищи пилотки или каски снимают и скорбно над могилой стоят. Нам от пушек запрещали отлучаться. Всегда наготове. Дали команду — вперед! Покатили орудия дальше или на другой фланг. Назад не оглядывайся. Твое дело — цель подавить. Темп наступления был жесткий, двигаться, не останавливаясь. Хорошо, помогали танки, с ними всегда веселее. Промчатся мимо, командир шлемом махнет из люка: «Не пыли, пехота!» Через полчаса глядим, горят некоторые танки или подбитые стоят. Остальные вперед прорвались.

Чаще всего действовали в составе батареи: четыре пушки и, конечно, пехота. Впервые увидел бронеколпаки. С одним пришлось повозиться. Наше третье орудие приказали подкатить поближе. Пока катили, двоих ребят ранили. Встали метров за четыреста. Торчал из земли колпак, как закругленная бочка, а из него пулемет бьет. Когда нас увидели, заслонку прикрыли, но пулемет стрелять продолжал.

У немцев станковые МГ-42, часто с оптическими прицелами были. Били точно. Мы тоже стрелять умели. Но колпак был закругленный, наши снаряды рикошетом уходили. Комбат приказал ближе пушку подкатить. Наводчика прямо в пилотку ударило, из затылка серые комки брызнули. Меня чуть не вырвало. Все рядом происходило. Осталось нас в расчете трое. Командир орудия мне приказал к пехотинцам ползти.

— Пусть стреляют непрерывно. Надо оглушить гадов, они же к прицелу сесть не дают.

Пополз, передал младшему лейтенанту. Тот обругал меня, но приказ дал. Усилили огонь из пулеметов и винтовок. Назад приполз. Пули по щиту все так же щелкают, земля с травой кусками взлетает. Сержант, командир расчета, вздохнул:

— Давайте стрелять. Иначе нас прибьют.

Снарядов оставалось штук тридцать. Почти все в этот колпак послали. Вмяли заслонку. Амбразура — вдвое меньше форточки, а пулемет продолжает стрелять. Дисциплинированные, сволочи! Все же какой-то по счету снаряд закатили внутрь. Тяжелый колпак даже не дернулся, только дым из амбразуры пошел. Позже мы глянули на него. Весь во вмятинах и бороздах, заднюю дверь вышибло. Внутри — месиво, ядовитый дым от сгоревшего пороха, тряпки тлеют. Кто-то из пехотинцев заглянул, понял, что трофеев там не найдешь. Вынул гранату и внутрь забросил:

— На всякий случай! — и нам подмигнул.

Хотя мы считались противотанковым дивизионом, с танками пришлось столкнуться один раз. У нас расчет наполовину обновился. Наводчик хоть и молодой, но опытный. Выкопали ровики для орудий, ждали контратаки. Наше продвижение последние дни замедлилось, ждали подкрепления. Появились немецкие танки. Местность лесистая, мы их вначале услышали, а потом и сами панцеры появились. Шесть штук. Нам приказали открывать огонь строго по команде. Ударили мы с расстояния трехсот метров. Наверное, это были Т-3 и Т-4. Но не «Тигры». Те бы нас смяли. Однако «Тигров» у немцев, к счастью, не так много имелось.

Первые выстрелы сделали подкалиберными снарядами. В сорок четвертом их в каждом боезапасе штук по десять хранилось. Один танк сразу загорелся, второй — подбили. Немцы в ответ сразу огонь открыли. Соседняя пушка от нас метрах в пятнадцати стояла. Ее прямым попаданием накрыло. Сам видел, как обломки на высоту двухэтажного дома взлетели. Добили беглым огнем бронебойными снарядами второй танк. Он тоже загорелся.

А четыре оставшихся, огрызаясь выстрелами, пятились зигзагами назад. Пушки у них мощнее наших. Стреляли осколочными снарядами. Осколки жужжали над головой. Один в щит лязгнул с такой силой, что мы невольно на землю бросились. Вмятина на краю. От остальных осколков окоп спас. Не думаю, что немцы нас сильно испугались. Вчетвером они бы наши три пушконки раздавили. Скорее всего, разведка была. А к нам уже машины подгоняют. Быстрее, вперед! Мельком глянули на остатки орудия. Кто-то один шевелится, санитары его тащат. Окоп разворочен: взрыхленная земля, останки тел, тряпье, разбитые снарядные ящики. Наверное, весь расчет накрыло. Вот тебе: «Ствол длинный, а жизнь короткая!»

К вечеру немцев из дереvушки выбивали. Домов там не осталось, одни подвалы и печи. Наше орудие удачно крупнокалиберный пулемет разбило. А нам в ответ, как обычно, мины. Потери в тот день большие понесли. Снаряды кончились, сидели наготове с карабинами и гранатами. Но немцы ночью исчезли. Подвезли нам снаряды, харчи. Зацепили пушки и поехали дальше. Пехота, которая вчера цепями шла, так цепями на поле и осталась. Много народу за ту дереvушку полегло. Потери никого тогда не удивляли. Горько

смотреть было. Едешь, лежит парень, а лицо вроде знакомое. Может, дружок, может — земляк. Не остановишься, не посмотришь. Наступление идет.

Проезжали через сгоревшие села. Обугленные бревна, кое-где уцелевший угол избы торчит, трубы глиняные. Выйдут с десятков старух да несколько детишек, смотрят молча. До того люди настрадались, что не знают, радоваться или нет. Порой не понимают, то ли немцы вернулись, то ли, действительно, Красная Армия пришла.

Заряжающим я пробыл недели три. Потом неожиданно обострилась язва желудка у одного из шоферов. Комбат приказал срочно искать водителя. Получилось, что, кроме меня, никого не нашлось.

— Ну-ка, глянем, на что ты способен!

Я завел полуторку, сделал круг, другой. Решили, что в качестве водителя подойду. Так начался новый период в моей службе. Помню, погрузили в кузов расчет, запасные ящики со снарядами. Рядом со мной сел старший сержант, командир расчета. Двенадцать грузовиков — двенадцать пушек. Двинулись к позициям. Дороги разбиты танками, колеи по полметра, целые озера воды, грязь. Одна полуторка через час подшипники поплавила. Пушку подцепили к грузовичку поновее, расчет посадили в другую машину. Поехали дальше. На обочинах громоздились завалы разбитой техники. А трупов! Первый раз я столько убитых видел. Жарко, воздух парит, от трупов вонь такая, хоть стекло закрывай. Лежали вперемешку и наши, и немцы. Некоторые с оружием. Я разглядел автомат, хотел притормозить, подобрать его. Сержант дернул меня за руку:

— А ну, вперед. Нельзя останавливаться.

Командир расчета — из бывалых. Три ленточки за ранения и медаль «За отвагу». Разговорились. Он на фронте с начала сорок третьего. Может, на год-два меня постарше, а лицо как у взрослого. Морщинистое, сосредоточенное. Я перед ним сопляк. Из окна часто высовывался, за небом следил. Я — тоже. До позиции доехали благополучно, а когда стали разгружаться, налетели штук двенадцать «Юнкерсов-87» в сопровождении истребителей.

Если бы вся свора обрушилась на нас, от грузовиков и дивизиона мало бы что осталось. Но бомбы сыпали и на траншеи пехоты, и на минометные батареи, на укрепления, блиндажи. Это была первая бомбежка, под которую я угодил. Стоял непрерывный грохот, взлетали фонтаны мокрой земли, вырванные с корнем кусты, кричали люди. Я прыгнул в промоину, рядом с толстым пнем. Неподалеку ударило так, что у меня заложило уши. Метрах в трех упал дымившийся обломок доски с клепками. Разбило одну из полуторок. Может, мою? Только приподнял голову, меня отшвырнуло взрывной волной метра на два. С треском рвались снаряды небольшого калибра, наверное, сдетонировали боеприпасы. Жутко завывали самолетные сирены. «Юнкерсы» делали заход за заходом. Били из пулеметов. Здесь я чуть не попал под раздачу. Не выдержали нервы, и я вскочил. Куда бежал, зачем? Наверное, себя не помнил. Кто-то дернул меня за обмотку, волочившуюся следом, я брякнулся лицом вниз. Фонтанчики пулевых ударов прошли сдвоенной полосой совсем рядом.

Когда самолеты улетели, я думал, вокруг ничего живого не останется. Ошибался. У страха глаза велики. Немцы разбили три полуторки и две пушки. Тран-

шея, метрах в ста пятидесяти впереди в некоторых местах обвалилась. Пошел я к своей полуторке. Рядом лежало тело паренька-артиллериста с оторванной ногой. Он был уже мертв. Машина моя сильно не пострадала, если не считать пробитого осколками кузова. Один осколок прошел деревянную дверцу и вспорол сиденье.

С опозданием появились наши «Яки». Пронеслись штук шесть вслед за немцами. Лови ветра в поле! Разве их теперь догонишь? Мы собрались в обратный путь, но командир дивизиона отпустил только четыре машины. В них загрузили человек сорок раненых. А пять полуторок приказал отогнать в лесок и быть наготове. Приказ есть приказ. Лесок сосновый, да и не лес, а так, грива, ободранная снарядами и осколками. Машины, как на параде.

Главным у нас был старшина Мороз Николай Егорович. Мне было суждено воевать с ним до самой Победы, поэтому опишу его подробнее. Он у меня перед глазами и сейчас стоит. Ему было за пятьдесят, видимо, взяли как специалиста по автомашинам. Старше его в роте никого не было. В любых марках автомашин разбирался. Я мало что знал о его семье. Наверное, у Николая Егоровича имелись и дети, и внуки. Непонятно, как его взяли в армию в таком возрасте. Может, пошел добровольно, желая мстить за кого-то из погибших сыновей? Не знаю. К нам он относился очень хорошо и обычно называл «сынки» или по имени. Мы его, конечно, уважали. Любое слово Мороза было для нас законом. А бывалая шоферня — народ непростой, это я точно скажу. Старшина умел ладить со всеми. Мало кто решался показывать свой характер, глядя на его мощные плечи и здоровенные руки.

Кстати, рукоприкладством он никогда не занимался, чем грешили некоторые командиры.

Итак, дали нам приказ остаться возле орудий. Мороз сразу прикинул, что за три сотни метров от передовой мы недолго простоим. Машина — не пушка, ее в землю так просто не закопаешь. Самовольно отвел все пять полуторок в другой лесок. Там землянка, штабель ящиков, мешков. В общем, тыловики стояли. На нас кричать начали, что мы их демаскируем. Мороз только сплюнул, приказал ломать сосновые ветки, маскировать грузовики. Подошел лейтенант-тыловик и приказал нам убираться. Мороз черту ногой провел и поставил возле нее часового. Приказал четко, по уставному:

— Вот граница военного объекта. Кто перешагнет — стреляй!

— В человека, что ль?

— В нарушителя. И попробуй устав нарушить! Под трибунал пойдешь.

Расхожее слово — «трибунал». На передовой его, где надо и где не надо, употребляли. Водитель передернул затвор карабина и сказал: «Есть!» Лейтенант снова начал было кричать, но старшина веско объяснил:

— Я не картошку с кренделями привез, а боевые орудия, которые с танками будут сражаться. Может, ты, лейтенант, сам повоювать хочешь? Харчи сторожить кого постарше возрастом найдут.

Я уже немного повоювал и знал, что здесь, на передовой, мелкие должности, звезды, лычки мало чего стоят. На фронте действовали свои законы. Многие решали опыт и решительность человека, независимо от должности. Поэтому лейтенант-тыловик спорить

дальше не стал и в наши дела не вмешивался. По приказу старшины мы вырыли две узкие глубокие щели. Они нам вскоре понадобились. Немцы стали обстреливать ближний тыл, и несколько снарядов взорвались неподалеку. Мы прыгнули в щели и терпеливо выжидали, когда прекратится стрельба.

Но стрельба не прекращалась. Передовая гремела и ухала, раздавались резкие хлопки «сорокапяток». Что там творилось, не знаю. Или контратаковали немцы, или пошла в атаку наша пехота, а орудия ее поддерживали. Нас было в щели человек пять. Я сидел рядом со своим дружкой Ваней Крикуновым, земляком-воронежцем, и еще одним водителем из города Ломоносов. Я сам высокого роста, а тот, из Ломоносова, выше, чем я, крепкий здоровый парень. Фамилии, имени не запомнил, мы его звали «Ломоносов». Он тоже попал на передовую недавно и молился, когда снаряды пролетали низко. К войне парень еще не привык.

— Эй, Ломоносов, Бога-то нет, — поддел я его, желая показать свою храбрость.

Другой водитель, постарше, обругал меня:

— Помолчи лучше. Есть или нет, а закатит фугас в окоп — по частям не соберут.

Потом к нам нырнул старшина Мороз. Своей машины у Николая Егоровича не было. Он являлся командиром нашей группы, взвода или роты — не знаю. В общем, главный среди шоферов. Сказал, что кому-то надо подогнать машину поближе и забрать тяжело раненых. Он назвал фамилию одного из ребят, кажется того, постарше:

— Ты опытнее. Заводи и гони к сосновой гриве, где нас раньше хотели оставить. Погрузишь, сколько

сможешь, и дуй в санбат. Потом на склады за снарядами.

Шофер в замасленном комбинезоне пошел к машине. Мороз вместе с ним, показал направление. До сосновой гривы было метров триста. Мы вылезли из окопа и наблюдали, как машина, сделав полукруг, миновала низину, кустарник и остановилась в том месте, где деревья были гуще. Раненых погрузили быстро. Полторка тем же путем пошла назад и исчезла в лесу. Я забрался в развилку дерева и следил за передовой. Было любопытно, что там происходит. Немцев я не видел, а вдалеке горел танк. Наш или фрицевский — непонятно. Потом послали Ломоносова. Мы стояли кружком, и Мороз объяснял:

— Езжай тем же путем. Если начнут стрелять, делай повороты, крутись и ни в коем случае не останавливайся.

— Понял, — кивал головой мой сосед по окопу.

Но оказывается — ничего не понял. Разогнав полторку, пошел по прямой, рассчитывая за минуту достичь сосновую гриву. Взрыв ударил с перелетом, еще один чуть ближе.

— Вилка! — ахнул кто-то.

Ломоносову надо было сворачивать, он ехал по открытому и наверняка пристрелянному месту. Но, видимо, ничего не соображая, прибавил газ. Фрицы в него не попали. Снаряд рванул снова с недолетом, однако осколки сделали свое дело. Машина вильнула, замедлила ход, а водитель, спрыгнув, побежал к нам.

— Ложись! Ложись, дурак!

Ломоносова подкинуло взрывом и шмякнуло о землю. Мороз и я кинулись вытаскивать товарища. Он лежал весь какой-то сплюснутый, нога неестествен-

но вывернута, правая рука что-то нашаривала в воздухе.

— Мама! — вытолкнул он из горла запоздалый крик.

Мы потащили тяжелое, как куль с зерном, тело. Первый раз на глазах у меня умирал человек. У парня была раздавлена и пробита грудь, сломана рука, изо рта шла розовая пена. Я невольно отшатнулся. На поляне добивали полуторку. Снаряд ударил под задние колеса, машина осела и вспыхнула, залитая бензином из лопнувшего бака. Я был как не свой. Старшина Мороз встряхнул меня. Ваня Крикунов, земляк, маленький, похожий на подростка, испуганно смотрел на умирающего парня.

— Петро, твоя очередь, — сказал старшина.

— Убьют... — то ли прошептал, то ли подумал я.

— Боишься?

— Боюсь, — признался я, втайне рассчитывая, что пошлют кого поопытнее.

Но Мороз приказ не отменил. Подтолкнул к машине и повторил:

— Не гони напрямую. Езжай по низине, в обход.

Я, как автомат, сел за руль. Вздохнул.

— Давай быстрее! — торопили меня.

Но я приходил в себя. Потом не раз замечал, что в опасных ситуациях страх отступает. Тело, мозг, сосредоточенно ищут выход, и становится уже не до страха. Я водил трактор и полуторку еще в тылу, опыт имелся. Руки, ноги действовали сами, переключая рычаги и нажимая на нужные педали. Я подлетел к лесистой гриве, и санитары, откинув задний борт, загрузили в кузов двенадцать раненых. Еще одного посадили в кабину. Санитар встал на подножку, и я, развернувшись, двинул назад.

Самым опасным был участок при выезде из низины. Предстояло ехать метров сто по открытой поляне, которая была на виду у немцев. Здесь я понял, какую роль играет на войне случайность. На подъеме непроизвольно сбавил газ, и полуторка замедлила ход. Снаряд среднего калибра взорвался метрах в пятнадцати впереди. Если бы я шел с обычной скоростью, наверняка угодил бы под разрыв. Задержка в несколько секунд спасла и меня и раненых. Я вдавил педаль до пола, перегруженная машина, взревев, миновала поляну и влетела в лес. Дорога была отвратительная. В болотистых местах выстлана бревнами. Поперечный настил вытряхивал внутренности, а в кузове отчаянно кричали и матерились раненые.

— Добить нас хочешь?

— Да он руль в руках не держал!

После пережитого у меня не выдержали нервы. Остановился и, встав на подножку, закричал по-петушиному срывающимся голосом:

— Не орите! Не видите, дорога какая! А машину вести меня учить не надо.

Вмешался санитар и предложил тем, кому неважно, шагать пешком. Мне посоветовал:

— Потише езжай.

Но и скорость в десять километров мало что меняла. Бензин был некачественный, разбавленный лигроином, тряска продолжалась, а вскоре закипела вода в радиаторе. Теперь из кузова кричали, чтобы я ехал быстрее. Старший лейтенант, раненный в шею и плечо, сидевший со мной в кабине, устало проговорил:

— Не обращай внимания. Езжай, как можешь.

Но мне пришлось дожидаться, пока остынет мотор, потом буксовать в грязи, а на последнем участке

двигаться по бревнам, уложенным вдоль. Здесь приходилось быть особенно внимательным. Соскользнешь, сам уже не выберешься. Довез я наконец раненых до санбата. Один, пока ехали, умер. В санбате скопилось огромное количество раненых. Человек пятьсот, а может, тысяча. Некоторые лежали в палатках, часть — прямо на траве, под деревьями. Стоны, выкрики, ругань.

Затем я поехал на склады и загрузился под завязку ящиками с боеприпасами. Хотелось есть. Повар, добрый дядька, набухал полный котелок перловки с кусками жесткого темного мяса. Может, с кониной, но мне было все равно. Я смолотил весь котелок за пять минут. Повар только головой покачал и подсыпал добавки. Возвращаться уже было веселее.

Противотанковые пушки я возил еще недели две. Часто мотался за боеприпасами, отвозил раненых. Много в шоферской жизни было для меня в новинку. Застрял тяжело груженный ЗИС-5. Собралось штук двадцать грузовиков. Подогнали тягач и спихнули машину на обочину. Она сразу по кузов затонула. Так и осталась в болоте, только ящики со снарядами перегрузили. Но это уже позже. Бомбили нас крепко. Видал, как на глазах взорвалась полуторка с боеприпасами. Шарахнуло с такой силой, что машину, следовавшую за ней, перевернуло, а от полуторки кусок металлической рамы остался.

Первое время часто забывал вверх поглядывать, больше на дорогу смотрел. Однажды нос к носу с «Мессершмиттом» встретились. Он шел на высоте метров двести, я даже выскочить не успел. Впереди двигалась автоцистерна на базе ЗИС-5. «Мессер» ударил по ней из пушек и пулеметов. Я ожидал, что

цистерна рванет, но она лишь загорелась. Огонь все усиливался, я попятился назад. Водитель с автоцистерны сообщил, что сопровождающий убит. Посоветовал:

— Двигай задним ходом, пока совсем не припекло. И подальше отъезжай.

Когда отъехали метров на сто, цистерна полыхала огромным костром. Привлеченные дымом, прилетели три «Юнкерса», добились цистерну и разнесли бревенчатый настил дороги. Хорошо, что мы успели укрыться под соснами, выбрав клочок обочины посуше.

— Когда бочка полная, еще ничего, — объяснял мне шофер, — обычно просто загорается. Если наполовину пустая, может и рвануть. Заживо ребята сгорают, ничего не остается.

Покурили, а я обнаружил, что пробито колесо и лопнула передняя рессора. По совету водителя сгоревшей автоцистерны пошел вдоль дороги, нашел несколько подбитых машин, снял два колеса, нашел в кузове запасные камеры и даже снял рессору. Ночевать пришлось в лесу. Июльские ночи в северо-западных краях светлые. Но торчать одному было все равно неуютно. Вскоре подъехали еще несколько машин. Саперы принялись восстанавливать дорогу. Рессору с помощью друзей-шоферов заменил, поставил шины поновее и, наконец, доставил груз на передовую. Когда разгружали, увидел, что один из деревянных ящиков разворочен малокалиберным снарядом «Мессершмитта». Сняли крышку, в ящике две цинковых коробки с патронами. С полсотни штук в труху искрошило. Но это мелочь. Хуже, если бы в ящик со снарядами или минами попало. Хоронить нечего было бы.

Полторку многие только по фильмам помнят. Там

они почти прилично выглядят. А я на упрощенной «военной» модели ездил. Кабина — фанерная, подножки — деревянные. Эти подножки много хлопот доставляли. Кто-нибудь грузный прыгнет, она трескается. Крупнокалиберная пуля подножку пробила, половинка отвалилась. В кабину карабкался, как акробат, — хорошо, что машина невысокая. Конечно, по сравнению со «студебеккерами» и «джипами» моя старушка убого гляделась. Но плохого про нее не скажу. Простая по конструкции. Большинство неисправностей мы устраняли на месте, а запчасти брали с разбитых машин.

Одним из самых тяжелых периодов стали для меня август и осень сорок четвертого года. Шли ожесточенные бои в Прибалтике. Получилось так, что, числясь заряжающим одной из батарей 1865-го зенитно-артиллерийского полка, я в течение нескольких месяцев водил машины. Водителей не хватало, особенно имеющих опыт ремонтных работ. В августе из нас сформировали отдельный автомобильный батальон. Мы стали совершать челночные рейсы от Каунаса до Шяуляя. Расстояние между этими городами составляло по прямой около 130 километров. Но дороги, а особенно военные, никогда прямыми не бывают, так что путь в один конец составлял километров сто пятьдесят и более.

Про тот период я могу сказать так. Когда съездили раз-другой, появилась в автобате невеселая шутка: «Ну, что, завтра рейс в один конец!» Некоторые плевались, мол, не каркай раньше времени, но потери мы несли большие. Возили орудийные расчеты, пушки, боеприпасы, продовольствие. В общем, все, что требовалось на войне.

Путь от Каунаса до Шяуляя шел вдоль линии фронта. Если первую половину пути мы миновали, считай, по тыловым дорогам, то вторую половину — впритирку к передовой. Город Шяуляй считался важным стратегическим узлом обороны, и немцы предпринимали постоянные контратаки, стремясь предотвратить выход наших войск к Балтике. Там до побережья оставалось 100—120 километров. Официально Шяуляй был взят нашими войсками 27 июля 1944 года, но во второй половине августа немцы снова прорвались к городу, и бои там продолжались еще долго.

Не считая хозяйственных подразделений, в автобате были три автомобильные роты. Количество автомашин в ротах постоянно менялось и обычно составляло 15—20 единиц. Наша вторая рота состояла из двух взводов. Первым назначили командовать старшину Николая Егоровича Мороза. Я его уже хорошо знал и напросился к нему. Он меня взял, хотя имелись водители старше и опытнее. Мне в августе сорок четвертого всего восемнадцать лет было. Но технику я знал неплохо, и, кроме того (вот уж не думал!), пригодилось знание артиллерийского дела.

Ротным командиром был капитан Сулейкин Иван Прохорович. По виду совсем гражданский дядька, лет тридцати пяти. Полноватый, с залысинами, на командира совсем не похож. Он был призван весной и никак не мог привыкнуть к военной жизни. Человек был добродушный, нас, шоферов, всегда защищал. Он болел геморроем, в рейсах сильно страдал. Его порой оставляли заниматься ремонтом и хозяйственными делами, тогда нами командовал старшина Мороз. Оба хорошо знали все наши машины, быстро осваивали трофейные. Командир второго взвода, младший

лейтенант Кущенко, окончил автомобильное училище, технику знал плоховато. Не стеснялся учиться у нас. Молодой, лет девятнадцати, но уже женатый.

Нас сразу предупредили: ребята, здесь русских не жалуют. У литовцев была сильная националистическая организация «Омакайтсе». Назвать ее фашистской? Прибалты обидятся. Для литовцев они сейчас герои. Но против нашей власти боролись и в нас стреляли. Это была одна опасность. И вторая — когда двигались вблизи линии фронта, приходилось держаться особенно настороженно. Кроме обязательных авианалетов немцы предпринимали большие и мелкие контрудары. Особенно на подступах к Шяуляю. Со стороны своих укрепленных узлов Юрбаркас, Кельме, Куршенай. Если бы я по этому маршруту, а позже, от Вильнюса до Кенигсберга, не помотался, то, пожалуй, не рискнул бы себя фронтовиком называть. Вот где лиха хватили!

Избитую вдрызг полуторку мне заменили на американский грузовик «шевроле». Не в обиду нашей технике скажу: машина была хорошая. Сильный мотор, просторная теплая кабина, металлический кузов. Бра-ла она тонны три груза. Мне достался «шевроле» только с задним ведущим мостом, а были и вездеходы с обоими ведущими мостами. Зато имелась лебедка самовытаскивания. Если в грязи засядешь, отмотаешь, сколько надо, троса, забьешь металлический костыль и сам себя вытаскиваешь. Можно было за дерево трос цеплять. В общем, удобная штука.

Обычно роту сопровождали два-три охранника. Да и сами водители имели карабины, гранаты, у некоторых — автоматы. На трассе примерно через каждые 50—70 километров стояли ремонтные точки. Обычный

грузовик со сваркой, краном-стрелой, бригадой ремонтников. Они нам крепко помогли.

В первый рейс отправилось четырнадцать машин во главе с капитаном Сулейкиным. Кроме двух «студебеккеров» и двух «шевроле», шли ЗИС-5 и полуторки. Больше всего полуторок. Кроме груза, везли артиллеристов и четыре «сорокапятки» на прицепах. Получили паек на трое суток. Из расчета сутки туда — обратно и день на месте. Паек состоял из пары банок тушенки, буханки хлеба и нескольких сухих брикетов пшенной и гороховой каши. Со мной вместе сидел молодой младший лейтенант — артиллерист.

— Сергей, — так он представился. Ну, а я ответил, что меня зовут Петр.

Младший лейтенант, только что из училища, недавно принял огневой взвод. В кобуре новенький пистолет, планшет, вещмешок с пайком. У меня — карабин и две гранаты РГ-42. Маршрут складывался так, что нам предстояло пересекать довольно широкую реку Невежис. Она текла с севера на юг и недалеко от Каунаса сливалась в одно русло двумя широкими рукавами. Можно было пересечь ее через понтонный мост в городе Кедайняй (60 километров от Каунаса), но, по слухам, переправу там сильно бомбили, и всегда скапливалась огромная очередь техники.

Мы схитрили и благополучно переправились здесь же под Каунасом. Все же места знакомые, мы знали, когда бывает меньше машин. Правда, дальнейшая дорога пролегла ближе к линии фронта, но зато мы избежали толкучки на переправе. А для нашего браташофера нет ничего рискованнее переправ. Скатились по бревенчатому настилу, и ходу! Торопились быстрее от моста съехать. На берегу воронка на воронке,

разбитые машины, сгоревшие танки, раздутые трупы лошадей. Мой пассажир глянул на исковерканную трехдюймовую зенитку и только вздохнул. Ствол, как прут, согнут, платформа в землю вмята, колес вообще не видно. Судя по всему, накрылся расчет.

Километров пять отъехали, «Юнкерсы-87» идут на высоте километра в сопровождении истребителей. Наверняка, бомбить переправу. Нас они не тронули. А Сулейкин, проехав с километр, заспорили с Морозом: или дальше гнать, или срочно искать укрытие. «Гнать» — слишком громко сказано. При всем старании колонна могла выжать километров тридцать в час. «Студебеккерам» все нипочем, ЗИС-5, как брюхатые коровы, тащатся. Да и полуторки изношенные, тоже не разгонишь. Все машины загружены под завязку. Решили нырнуть в лес.

Позади, возле переправы, ухали взрывы. Вовремя проскочили! Вскоре «Юнкерсы», штук девять, снова появились над нами. Шли на свой аэродром в сопровождении «Мессершмиттов». Два «мессера» нас разглядели, ударили из пушек и пулеметов. Но в лесу попасть в цель не просто. Мы торопливо отбежали от машин, попрятались за деревьями, в промоинах. Грузовикам немного досталось: где кузов пробило, где шину. Первый день вроде благополучно закончился, без потерь. Но двигались все равно медленно. После короткого совещания Сулейкин настоял ехать ночью.

Это было не лучшее решение. Небо заволкло тучами, пошел дождь, грузовики начали буксовать. Вылезали, вытаскивали машины, а тех, кто засел капитально, вытягивали на буксире «студебеккеры». Водители, усталые (почти сутки за рулем), промокшие, реакция не та. «Студебеккер» рванул засевшую полу-

торку с такой силой, что у нее вылетел задний мост. Никогда не слышал, чтобы люди так ругались. Это старшина Мороз поливал в три этажа дождь, плохие дороги и начальство, которое гонит старые машины в темноте невесть куда.

В общем, неплохо начавшийся день закончился аварией. Часа три поспали кто где мог. Потом убедились, что полуторку быстро не отремонтируешь, и раскидали груз на другие машины. Водителя оставили ждать ремонтников, а на колеса полуторок и ЗИС-5 Сулейкин приказал надеть цепи противоскольжения. Штука капризная и не слишком эффективная. К тому же большинство цепей были старые, ржавые. Уже через час, когда мы вытаскивали одну из машин, цепь оборвалась и с маху хлестнула по руке моего младшего лейтенанта. Кости не перебило, но буквально за полчаса рука опухла, а лейтенант хоть и терпел, но покрылся от боли холодным потом. Лечили его, как обычно, спиртом.

Мы, кажется, совершили ошибку, переправившись через Невежис под Каунасом. Дело в том, что дальнейший маршрут пролегал слишком близко к линии фронта. Какое-то время двигались вдоль реки Дубисса. Дороги были забиты войсками, и хотя в небе появлялись наши истребители, немецкая авиация в покое нас не оставляла. Каждый час приходилось сворачивать в лес, пережидать налеты. Иногда не успевали и бежали, оставив машины на дороге.

Бомбардировщики нас не трогали. Зато часто налетали «Мессершмитты» и «Фокке-Вульфы» (их называли «фоккеры»). Гадостный для нас самолет! Темно-серый, похожий окраской на гадюку, с огромным крестом в белой окантовке через весь фюзеляж. Такие

же кресты на крыльях, а на хвосте — свастика. Несла эта гадюка четыре 20-миллиметровые пушки и два пулемета. Сыпали на нас мелкие бомбы, но в основном стреляли по машинам из своих многочисленных стволов. Наши самолеты в воздухе постоянно не дежурили. Пролетит пара, а иногда одиночный «Як» или «Лавочкин». Немцы обычно дожидались, когда небо чистое, и тогда проносились над колонной. Из-за плохой дороги, бывало, по сотне машин друг за другом шли.

Но вернусь к первому рейсу. Уже через несколько часов разворотило мотор нового «студебеккера» и тяжело ранило шофера. Потеря мощного трехосного вездехода («студебеккеров» было всего два) стала для нас ощутимой потерей, не говоря уже о раненом водителе. Снова перегружали ящики. Мой «шевроле» был загружен, как верблюд. Кроме меня, в кабине сидели два человека, а один стоял на крыле, наблюдая за воздухом. Новый налет сразу четырех «Фоке-Вульф-190» оказался трагичным. Самолеты вымахнули двумя парами, выстилая перед собой полосу трассирующих пуль и снарядов. Кто нырнул под машину, кто бросился под обочину. ЗИС-5 загорелся, а через несколько минут взорвался, накрыв своими обломками и осколками боеприпасов второй «студебеккер». Шофер, Ваня Крикунов, мой дружок, отчаянный парень, нырнул в кабину и отогнал дымившийся «студебеккер» под деревья. Кроме этого, пулями и снарядами были повреждены еще два грузовика. Едва закончился налет, мы обнаружили, что четыре человека убиты и около десятка ранены. Спешно перевязывали раненых, отвозили их в лес, туда же перегоняли уцелевшие машины.

Иван Прохорович Сулейкин сильно нервничал. Для него груз и машины — святое дело. Он очень переживал за их потерю. А тут одна машина сгорела, одна сломанная в лесу торчит, а четыре повреждены. Про убитых и раненых, как всегда, говорили в последнюю очередь. С ранеными вопрос решили быстро. Уговорили водителей, идущих порожняком, довезти их до медсанбата и переслали записку с просьбой выслать ремонтников.

Впрочем, на быструю помощь рассчитывать не приходилось. Срочно взялись за ремонт сами. Два грузовика кое-как залатали, сменили шины, а один ЗИС-5 и полуторка были разворочены слишком сильно. Снова перегружали и распределяли ящики по оставшимся десяти машинам. Похоронили погибших и, перекусив всухомятку, завалились спать. Когда стемнело, Сулейкин нас растолкал, и мы двинулись дальше. Под утро уткнулись в правый приток Невежиса. Он был узкий, но болотистые берега заставили саперов навести широкий понтонный мост и выложить подъезды бревнами. До Шяуляя оставалось километров тридцать, линия фронта совсем под носом, а машин и повозок с обеих сторон скопилось несколько сотен. Пропускали без очереди только санитарные машины, танки и машины с орудиями на прицепе.

Несмотря на зенитное прикрытие, мы отчетливо представляли, что здесь будет, когда станет светло. Кое-как протолкнули четыре наших грузовика с «сорокапятками», а оставшиеся шесть машин загнали в лес. Лесом это месиво воронок, сломанных или голых, без ветвей деревьев, было назвать трудно. О том, что укрытие ненадежное, свидетельствовало несколько сгоревших машин. Забросали ветками грузовики.

Пока бродил вокруг, обнаружил пять или шесть полуразложившихся трупов. Глядя на объединенные хищниками тела, стало не по себе. Неужели нельзя было похоронить?

До переправы расстояние километра полтора. С утра понтонный мост принялись бомбить пикировщики «Ю-87». Батарея зениток и крупнокалиберные пулеметы открыли огонь. Я впервые увидел, как кувыркается с отбитым крылом немецкий самолет. Но переправу они разбили. Машины падали в воду с продырявленных понтонов, горели на подъезде. Их спешно растаскивали, а в воздухе появились наши истребители. Кружили парами и четверками, давая возможность саперам подогнать новые понтоны. Когда заканчивали настил, появились немецкие истребители, и началась свалка. По мосту успели проскочить несколько десятков машин, но немцы снова пустили в ход «Юнкерсы», и переправу разбомбили во второй раз.

Возле реки творилось что-то невообразимое. Столбы земли и обломков, водяные фонтаны пополам с грязью поднимались на десятки метров, а пелена дыма от горящих машин застилала все вокруг. Подбитый «Юнкерс-87» тянул над нами, его догнал «Як» и добил. Самолет с крестами рухнул метрах в трехстах. Самолеты разлетелись по аэродромам. Саперы снова наводили понтоны, которые тащили из заводов плоскодонные буксиры.

Сходили глянуть на «Юнкерс». Он лежал, переломившись на две части, с оторванным крылом. Пилота выбросило через разбитое стекло, а стрелок так и остался в горящей кабине, уткнувшись лицом в спарен-

ный пулемет. Пилот был совсем молодой, лет двадцати, с сеточкой на голове, покрывающей светло-рыжие волосы. Как трофей нам достался пистолет и часы, которые продолжали ходить. Кто-то из водителей расшнуровал и забрал легкие кожаные ботинки.

— Тебе они, парень, не нужны, — словно оправдываясь, проговорил он. — А мне пригодятся.

Что запомнилось в тот день. Переправу разбивали раза четыре. Горели, падали и наши, и немецкие самолеты. Бомбы немцы бросали тяжелые, килограммов по пятьсот. Часто мазали, но даже близкое попадание «пятисотки» рвало и раскидывало понтоны вместе с машинами. Переброска войск и грузов не прекращалась ни на час. Сулейкин нервничал и рвался к мосту. Николай Мороз его удерживал. Остальные угрюмо ждали, чем закончится спор. Лезть под бомбы никому не хотелось. Но командиры понимали, что, если посидим в лесу еще полдня, нами обязательно заинтересуются комендантские патрули или особисты. А там и до трибунала за трусость недалеко.

Выбрав момент, когда в небе кружили наши «ястребки», мы проскочили эту проклятую переправу. Долго блудили в темноте, но все же нашли свою дивизию и лишь к утру сдали груз. Машины с «сорокапятками» пришли раньше нас, но их оказалось лишь две. Две других вместе с частью расчетов и пушками были разбиты артиллерийским огнем. На подступах к Шяуляю немцы обстреливали дорогу из гаубиц — фронт был совсем рядом.

Таким образом, из четырнадцати грузовиков к месту назначения дошли всего восемь. Погибли одиннадцать человек, не говоря о раненых и контуженных. Некоторые цифры я, возможно, назвал не-

точно, но скажу, что из четырнадцати водителей трое погибли, а трое получили тяжелые ранения. Мы ходили мрачные. Это не перевозка, а мясорубка! Еще пара рейсов, и от роты ничего не останется.

За людские потери с капитана Сулейкина спросили вскользь, сделали замечание, что пропало слишком много груза, но больше всего досталось за опоздание на сутки. Нас всех предупредили, что несвоевременная доставка грузов будет расцениваться как трусость. Сулейкина отчитывали без нас. Якобы обещали снять в следующий раз с должности, грозили еще какими-то карами. Говорят, капитан, много чего повидавший в жизни, в ответ выложил всё, что думает о рейсах под сплошными бомбежками.

— Сажайте за руль рядовым водителем, — громко возмутился он. — Испугали!

В конце нас все же похвалили и отправили назад. На этот раз мы возвращались по другой дороге, через Кедайняй. До армейского госпиталя в городе Кедайняй везли больше сотни раненых. Сухой паек мы уже смолотили, в Шяуляе нас не покормили. Мы и сами видели, что там творится, и спешили поскорее убраться. Долго искали госпиталь, а когда сгрузили раненых, ахнули! За несколько часов пути умерли человек двенадцать. Медсестра, сопровождавшая раненых, устало объяснила: увозили в первую очередь самых тяжелых.

— Их и там оставлять нельзя, и на машинах трясти опасно. Ладно, спасибо.

И пошла, покачиваясь от усталости, в своих кирзовых сапогах. А нам пришлось отстоять часа три в очереди на переправу. По дороге вышла из строя еще одна полупроходка, и последние километры я тащил ее на буксире. Так закончился наш первый рейс.

Потом рейсы пошли один за другим. Пополняли роту машинами, нас кормили, наливали спирта, давали часов пятнадцать выспаться. Специального помещения для отдыха водителей не было. Спали в основном в кабинах. Приводили в порядок вместе с ремонтниками машины и снова отправлялись в путь. Как сплошное колесо. Одна рота где-то в пути, другая только что прибыла и зализывает раны, гудит электросварка, а мы выезжаем в путь. Бои шли такие сильные, что прерывать снабжение нельзя было даже на полдня. Конечно, кроме нас, действовали и другие транспортные части. Очень много было конных обозов. Они двигались медленно, но у них имелось существенное преимущество перед нами: часть пути они могли двигаться через лес.

Взамен разбитых машин давали другие. Как правило, старье. Если получим на роту «студебеккер», считай, праздник. В основном шли старые ГАЗ-АА (полуторки) и ЗИС-5. Изредка трофейные машины: немецкие, французские, итальянские. С ними тоже хватало хлопот. Мы порой не знали, что в них заливать. Нальешь нашего обычного бензина, они не тянут. Хорошо разбавишь авиационным, идут неплохо, но греются. Поломка «иномарки» требовала особого ремонта. Если позволяла обстановка, то поврежденные машины тянули на прицепе и 20 и 30 километров до пункта ремонтников. Но если отечественные машины чаще всего восстанавливали, то «фиаты», «опель-блитцы», «рено» так и оставались на обочине. Не было запасных частей. Их быстро раскулачивали. Кто-то аккумулятор снял, шину открутил, инструменты выгреб. Но все это были мелочи. Обычная жизнь на войне. Перегруженные машины, налеты немецкой

авиации, от которой мы наловчились удирать уже с меньшими потерями. Однако люди продолжали гибнуть, горели или выходили из строя грузовики.

Как я уже говорил, основные потери мы несли от немецких истребителей, а на подъезде к Шяуляю — от артиллерийского и минометного огня. Поначалу потери были примерно такие. Допустим, выйдет 15 автомашин. До места назначения добирались 7—8. Две-три машины сгорали от вражеского огня, штук пять получали повреждения различной степени. Двух-трех человек за рейс теряли убитыми, пять-шесть получали ранения. Но это — поначалу. Потом мы приловчились и успевали выскакивать. Людские потери стали меньше. Из-за болотистых мест машины часто оставляли на дороге. Им, бедолагам, доставалось. Мы старались выбирать для поездок пасмурные дни, когда немцы не летали.

И еще скажу доброе слово о наших летчиках. Смелые ребята! Даже если один истребитель в воздухе появлялся, мы чувствовали себя уверенно. Я видел, как одиночка, не колеблясь, шел на пару немецких «мессеров» или два наших самолета вступали в бой с четырьмя «фоккерами». Каков был результат, мы, как правило, не видели. Самолеты взвивались вверх и сражались на высоте, удаляясь от нас. Гибли и наши летчики, но и фрицев сбивали.

Слова «боевое братство» звучат несколько возвышенно. Но это понятие я хорошо усвоил во время наших рейсов от Каунаса до Шяуляя. Дежурство возле зениток в Подмоскowie было детской игрой по сравнению с рейсами, которые мы наматывали по территории Литвы. Зенитной защиты у нас не было. «Яки» и «Лавочкины» прилетали и улетали. Мы снова остава-

лись один на один с немецкими самолетами. Единственная надежда — на собственное умение и друзей.

С моим земляком Ваней Крикуновым мы проехали не одну сотню километров. Третьим в нашей компании стал Вася Бессонов. Наш ровесник, тоже из села, только из Свердловской области. Вася уже потерял за годы войны старшего брата, дядьку и двух двоюродных братьев. Недавно забрали в армию младшего брата. Вася переживал за него и без конца повторял:

— Лишь бы не в пехоту... лишь бы не в пехоту.

На подступах к Шяуляю мы видели целые поля погибших и незахороненных бойцов. Все мы ругались, обвиняя начальство в равнодушии. Но шли такие сильные бои, что я подспудно понимал — до погибших не всегда доходили руки. Читая книги о войне, я не раз обращал внимание на то, что многие авторы изображали сорок четвертый год годом нашего победоносного наступления. Мол, шли бои, фашисты сопротивлялись, но мы их ломали и, громя деморализованные части, двигались вперед. Ура! Победа не за горами.

К сожалению, я видел другое. Жестокие бои, контратаки немцев, артобстрелы, а чертовы «мессеры» и «фоккеры» не оставляли нас в покое. Во время очередного рейса мы зевнули, понадеявшись на низкую облачность, и на колонну налетели «Мессершмитты». Две машины сгорели, а три других, в том числе мой «шевроле» и полуторка Вани Крикунова, получили сильные повреждения. Иван вез продукты и теплую одежду. Осколки бомб, 20-миллиметровые снаряды и пули изрешетили кузов, превратив груз в месиво крупы, муки, подсолнечного масла, лохмотьев одежды и брезента.

Наши три поврежденных грузовика оставили в лесу до прибытия ремонтников, поручив нам похоронить погибших товарищей. Мы везли артиллерийские расчеты, погибли четыре человека. Один сгорел, превратившись в обугленный чурбак, размером с десятилетнего ребенка. Другого собирали по кускам. Завернули руки-ноги в шинель, связали веревкой и положили тяжелый, пропитанный кровью сверток в могилу. Молодому водителю сделалось плохо, начало тошнить. Мы управились вдвоем. Парень извинялся и объяснял:

— Я мальчишкой видел, как корову резали. Два дня наизнанку выворачивало. А тут люди... жуть какая!

Конечно, мы несли потери. Я считаю, большие. Но их нельзя было сравнить с тысячами погибших пехотинцев. На войне все относительно. Вез раненого офицера из тяжелого гаубичного дивизиона. Он вспоминал, какой сильный был обстрел. Пятнадцать или двадцать человек из дивизиона похоронили. А спустя несколько дней пехотинцы рассказывали, как после нескольких атак в роте из восьмидесяти бойцов осталось не больше десятка.

Ну, ладно. Вернусь к той ночи, когда мы, трое водителей, остались возле побитых машин и свежего могильного бугорка, обложенного лапником и с рулевым колесом. Вооружены мы были неплохо. Кроме штатных карабинов, у Вани Крикунова имелся трофейный автомат, у меня была ракетница. Возили с собой штук по пять гранат. Нарушив запрет, нацедили из пробитого бидона спирта, выпили раз, другой. Потом показалось, кто-то подкрадывается. Начали пускать ракеты. А когда ракеты вниз падают, тени от деревьев словно люди бегут. Открыли огонь из карабинов и автомата. По нам в ответ начали стрелять с

дороги, там ночью проходила колонна. Одну нашу машину изрешетили основательно, хорошо, хоть в нас не попали. Пока разбирались да ругались, ночь прошла. Не дожидаясь ремонтников, сами перебрали двигатель полуторки, починили мой американский «шевроле» и довели груз до места.

А вот следующий рейс мне дважды за сутки чуть жизни не стоил. Капитана Сулейкина с нами в тот раз не было. Без него ротой всегда командовал старшина Мороз. Опытный, решительный мужик, но порой слишком напористый. Сулейкин, тот осторожнее, три раза оглядится и лишь затем вперед двинется. А Мороз — лихой старшина, хоть и в возрасте. Ехали быстро, вдруг впереди стрельба. Мы остановились. До Шяуляя оставалось недалеко, но и до передовой — с десяток километров. Уйти восточнее, глубже в тыл, нам мешала река Невежис. Шли по первому маршруту. Так мы называли переправу в Каунасе, а затем прямой путь до Шяуляя.

Остановились, увидели впереди танки, еще какую-то технику. Мы везли на прицепах четыре 37-миллиметровые зенитки с расчетами. Не для нашей защиты, а пополнять зенитные дивизионы на передовой. Николай Егорович все же молодец, приказал все четыре зенитки развернуть. Расчеты были неполные, меня тоже к одному орудию приставили. Вступили в бой противотанковые пушки. Танки и бронетранспортеры повернули в обход, считай, прямо на нас.

За деревьями мы друг друга плохо видели, но огонь открыли дружный. В основном лупили в белый свет, как в копейку. Немцы — в ответ. Одну пушку у нас вскоре заклинило, гильза в казеннике лопнула. Думаю, что немцы смяли бы колонну вместе с тремя

оставшимися 37-миллиметровками, но в бой вступили другие части, и немцы отошли. А нам закатили снаряд под колеса зенитки, шагах в двадцати от меня. Оторвало оба колеса, опорную штангу и сплющило ствол. Снаряд оказался фугасный, поэтому расчету, можно сказать, повезло. Трех ранило, остальных помяло взрывной волной. До нас осколки не долетели. А временный командир батареи, из молодых лейтенантов, бегает, за голову хватается:

— Меня же под суд отдадут! Из четырех зениток всего две осталось.

Мороз пообещал объяснить ситуацию артиллерийскому начальству, а гильзу я помог из казенника выбить. У нас такие вещи иногда случались под Москвой, и я наловчился вышибать лопнувшие гильзы. Пошли глянуть на результаты нашей пальбы. Все же не меньше сотни снарядов выпустили. Возле подбитого немецкого танка уже толкались бойцы, еще один танк дымил в стороне. Подбили явно не мы. Тяжелые Т-4 были не под силу нашим малокалиберным пушкам. Но кто знает, может, мы отчаянной стрельбой отогнали другие танки, спасли себя и машины.

Командиру батареи за разбитую зенитку ничего не было. Даже похвалили за решительность, а я в тот день снова в переплет попал. Куда более опасный. Когда переправлялись через Невежис, началась бомбежка. Взорвавшаяся бомба перебила понтонный мост. Одну машину разнесло, другие успели отъехать, а мой «шевроле», вместе с вклинившейся лошадиной повозкой, остались болтаться на половинке понтонного моста. Если бы течение было посильней, нас бы сбросило в воду. Но мутная вода текла медленно, и

мы торчали с пожилым ездovým на нескольких понтонах и куске дощатого настила.

Ездовой, недолго думая, распряг лошадь, снял сапоги, штаны и посоветовал мне не мешкать. Столкнул в воду лошадь, прыгнул сам, и через пять минут оба выбирались на берег. Последовать его примеру я не мог. Одно дело — подвода с фуражом и мукой, и другое — трехтонка, загруженная снарядами и патронами. Я смотрел то на небо, то на берег. Неизвестно, чего ожидал. То ли чуда, то ли нового налета. Саперы копошились, натягивая тросы, работы им было на час, не меньше. А я каждую минуту считал.

Помогли ребята. Мороз с Бессоновым подогнали на край настила «студебеккер», саперы подали трос, и машина с ревом потянула на полной мощности кусок моста. Саперы подталкивали баграми понтоны, а я продолжал считать минуты. Наконец подтянули мой плавучий гроб к настилу. Метра два не хватает, начали таскать бревна, доски. Выбрался я из ловушки. Понеслись догонять колонну, а на переправу уже снова пикируют «Юнкерсы». Это приключение мне так просто не прошло. Тело покрылось пятнами, глаза сделались красными, как у вурдалака. Врач в санбате объяснил, что в глазных яблоках из-за сильного напряжения и взрывной волны полопались мелкие сосуды. Я испугался не на шутку, что ослепну. Мне сделали сильные уколы, чтобы снизить давление. Вася Бессонов принес фляжку водки, но ее успела перехватить медсестра:

— Ты, что, дурак? Давление поднимется, вообще твой дружок ослепнет.

Сестра была так себе, рябая, не слишком видная, да и постарше нас. Но Вася к ней подклеился, догово-

рился вечером встретиться и выпить водку вместе. В общем, мне досталась банка тушенки, а Вася вечером сходил на свидание. Вроде удачно. Я попробовал тоже подкатиться к сестре, но та оказалась слишком разборчивой.

— Худой ты сильно. Да и глаза могут не выдержать.

— Чего не выдержать? — напирал я, обнимая медсестру за талию.

— Того самого! — засмеялась она и пошла по своим делам.

А вечером я видел ее уже с лейтенантом-танкистом. Война войной, а жизнь не останавливалась. Молодые мы были. И ребята, и девушки друг к другу тянулись. Кровь играла.

В санбате я провел недели полторы. Спали на нарах в больших палатках. Стоял август, по ночам было уже холодно. Даже не так холодно, как сыро. Утром, кто первый просыпался, хлопнет по брезенту кулаком, а с наружной стороны стенок — вода ручьями. Капала и на лица спящих. Кто начинал ругаться, кто еще плотнее заворачивался в одеяло. Торопились отоспаться.

Потом приходили медсестры. Кому температуру мерить, кому — укол или таблетки. Считалось, что в санбате лежат легкораненые. Но выпрашивали разрешение и те, кто получал довольно тяжелое ранение, но хотел остаться в своем подразделении. Из госпиталя неизвестно куда пошлют. Кормили хорошо. В округе хватало молочных ферм. Утром вместе с кашей и маслом давали горячее какао, которое я до войны даже не пробовал. Кашу молочную часто готовили. На обед всегда кусок мяса или котлету. Так что не бедствовали.

Правда, залеживаться не давали. Поджили немного раны — и в строй. Здесь познакомился с хорошими ребятами. Рядом со мной лежал Гриша Холмогорцев. Он был из пехоты, воевал больше года. Был два или три раза ранен. Гриша, наоборот, в госпиталь рвался. Но его очень долго доставляли в медсанбат. Пока лечился в санроте да ждал транспорта, привезли, а у него рана на ноге уже затягиваться стала.

Он старательно хромал, каждое утро жаловался врачу, но делал это со смехом, прибаутками, и его жалобы воспринимали не серьезно, обещали скоро выписать. Рассказал про свою жизнь. Гриша был родом из-под Рязани. С лета сорок второго у него числился пропавшим без вести отец. Сам Гриша был пулеметчиком, имел на погонах две нашивки — младший сержант. Рассказывал, что положил из «дегтярева» десятка три немцев. Новички недоверчиво спрашивали:

— А чего ж тебя не наградили? Врешь, наверное?

— Мне до медали шесть штук фрицев не хватило, — рассудительно отвечал Гриша. — Медаль за тридцать пять фашистов дают.

— Ну и соврал бы!

— За вранье под суд можно попасть, — не менее серьезно замечал Холмогорцев.

— Хе! Бреешь, Григорий. Сколько ж тогда на орден фрицев наколотить надо?

— Семьдесят семь.

— А на Героя? — веселились новички.

— Триста штук ровно. А вообще, награждают кого в первую очередь, знаете?

— Танкистов, истребителей танков... — начинала перечислять молодежь.

— Правильно. Затем писарей в штабе, ППЖ, телефонисток, которые команды четко понимают. Ей командуют «Ложись!», а она тут как тут — на спину. Пожалуйста, медаль «За половые заслуги».

— Язык у тебя без костей, Гришка, — бурчали кто постарше.

Но с Холмогорцевым соглашались. Медали, а особенно ордена, солдатам давали редко. У нас в палатке лежало больше двадцати человек. И артиллеристы, и минометчики, про пехоту уже не говорю. А орден Красной Звезды имел лишь один разведчик. По-моему, у двоих имелись медали. Вот и все. Зато я своими глазами видел парня с пятью ленточками за ранения. Я его сразу зауважал, угощал махоркой. Звали его Леня, а фамилию забыл. Воевал он два с лишним года. Говорил так:

— Если бы не великое везение, лежал бы я давно в земле. Госпиталя от смерти спасали.

Пробивали Леонида из пулемета, осколками мин и снарядов. Лечился, снова шел на передовую, и снова попадал в санбаты и госпитали. К медалям представляли раза три, но так как после госпиталя его направляли в другие части, наградные листы терялись или где-то блуждали. Про награды я упомянул потому, что разговор зашел. А так обсуждали другие темы. На войне взрослеют быстро. Я на фронт, прямо скажем, пентюхом уходил. Хотя два с половиной года с техникой работал.

Читал мало, дальше райцентра нигде не был, слушал, что по радио долбили да в газетах пишут. Нет, свое время я не ругаю. Много хорошего было. Но здесь, на войне, я за считанные месяцы повзрослел. Слушал вполголоса разговоры про аккуратные литов-

ские хутора, коровники, чище многих русских дворов. Про нашу нищету говорили, про палочки-трудодни вместо зарплаты. Электричество в редких деревнях тогда было. Из нас, бойцов, на фронте две трети — бывшие колхозники. Шли непонятные разговоры, что после войны жизнь другая будет. Какая именно, никто объяснить не мог. Просто лучше. Я честно скажу, что работали до войны в колхозе абы как. Через пень-колоду. Подневольный труд никогда продуктивным не бывает. Ну, а сейчас, когда колхозов нет, лучше, что ли, в селе стало? Смотрю и сравниваю. Было плохо, а стало еще хуже. Но так или иначе, послевоенную жизнь многие представляли по-другому. Фашиста доламываем, такую силу гнем, неужели опять в грязь и навоз по колено вернемся? Ну, ладно, это всё рассуждения.

Видел в санбате двух самострелов. Они вместе с нами лежали. Один, боец лет тридцати, второй раз руку себе простреливал. Как ни хитрили эти ребята, врачи по каким-то признакам их быстро вычисляли. И скажу еще. Самострелов больше было. Но некоторые врачи скрывали сомнительные случаи. Может, жалели нас, дураков, кому — восемнадцать, кому — двадцать лет.

Тот, который два раза стрелялся, был настроен почти весело. Уже покаялся перед следователем и рассчитывал на штрафную роту. Второй мужичок, тоже лет двадцать пять — двадцать шесть, очень трибунала боялся. Видать по всему, хитрый по жизни. До сорок четвертого умудрился в тылу пробыть, двух детей имел. А руку себе прострелил так. Подобрал трофейный пистолет, набил котелок тряпками и шарханул во время бомбежки в правую руку. Хотел навзлет

мякоть пробить, а пуля в кости застряла. Врачи достали пулю. Сразу вопрос? Что, немцы сверху из пистолетов или автоматов стреляют? Пуля-то системы «парабеллум» — 9 миллиметров.

Отношение к самострелам было злое и презрительное. Значит, мы воюем, гибнем, а вы в кусты? В санбате под дурака косить! Иногда нормально разговаривали, а когда подопьют ребята, начинают материться.

— Ах, вы такие-сякие! Дохитрились, теперь от своих пулю получите.

— Могилы-то сами себе копать будете, — говорил кто-нибудь из наиболее обозленных

Проскальзывало и сочувствие. Харчи самострелы получали, как и остальные. Ко мне ребята из роты пару раз заезжали. У водителей, не то что у пехоты, была возможность «подзаработать» при перевозке. Интенданты к нам неплохо относились, чтобы груз не «растрясли». Помню, спирта, хлеба, селедки мне привезли. Поделил человек на пять, с кем поближе общался. Налил граммов пятьдесят самострелу с немецкой пулей. Выпил, поблагодарил меня. Уже после я узнал, что того, который второй раз попался, — расстреляли, а другого в штрафную роту отправили.

Когда к себе вернулся, ребята мне статью в газете показывают. Смысл такой. При бомбежке водитель Красюков Петр Константинович оказался на разбитом мосту. Не бросил машину с военным грузом, а когда появился вражеский самолет, обстрелял его из винтовки. Брехни там много было. Но главное в том, что, описывая «нелегкий и опасный труд шоферов», упомянули целую кучу фамилий: капитана Сулейкина, лейтенанта Кущенко, рядового Бессонова, Крикунова,

еще кого-то, а Николая Егоровича Мороза, нашего ветерана, забыли. Корреспондент намекал про награды, еще раз обозвал меня «смелым бойцом», а старшина Мороз разозлился. Я оправдывался, что в глаза корреспондента не видел, но Мороз обозвал меня хвастливым сопляком и два дня со мной не разговаривал. Потом отношения наладились. Понял старшина — я ни при чем. Долго обещанную награду ждал, но так и не дождался. Позже медаль «За боевые заслуги» получил, но уже за другие дела.

Снова начались рейсы. Вспоминаю разные эпизоды. Однажды нас обстреляли из винтовок и автоматов. Мы уже возвращались. Ехали по лесной дороге к городу Кедайняй. Вдруг треск очередей, выстрелы, крики. Наши ребята, опытные, мгновенно выскочили, и давай в ответ из карабинов и автоматов садить. Я тридцать пять патронов выпустил: пять штук в обойме и тридцать в подсумке. Затем по команде старшины Мороза стали бросать гранаты и побежали, стреляя на ходу. Мороз ругался на чем свет стоит:

— Щас я вас, блядей...

Добежали, нашли стреляные гильзы, пятна крови — значит, кого-то зацепили. Постреляли еще в сторону зарослей. Вернулись на дорогу, а лейтенант Гена Кущенко сидит в кабине и улыбается. Водитель на корточках присел, лицо руками обхватил, стонет, кровью плюется. Пуля обе щеки пробил.

К лейтенанту подошли, он не улыбается, а скалится. Мертвый сидит. В висок попало, фуражка сдвинулась, раны не видно, только тонкая нитка крови к шее тянется. Хороший парень был. Спокойный, незаметный. Никогда голос не повышал. Училище окончил, но

в машинах лишь на фронте стал разбираться. Лет в восемнадцать женился, уже во время войны, письма от жены ждал. Она ему часто писала. Планы строили, как жить после войны будут, а тут эта пуля.

Видимо, стреляли в нас юнцы из «Онакайтсе». Больше ни в кого не попали, только машины слегка издырявили. Немцы, те бы нас из засады крепко пощипали, они оружием хорошо владели. Завернули лейтенанта в плащ-палатку и погрузили в кузов, где еще двое умерших в пути раненых лежали. Решили похоронить по-людски, в гробу, памятник поставить. Похоронили на окраине Каунаса. Давно уже нет той могилы. Если и сохранилась до девяностых годов, то литовцы с землей сровняли. Мы же для них оккупанты были, так они сейчас говорят.

Вскоре накрылся мой американский «шевроле». Месяца два мне верой и правдой служил, хорошая машина была. Под Шяуляем попали под минометный обстрел. Я успел, выпрыгнул, отбежал, и тут — взрыв. За ним другой, третий. Отлежался я в канаве, а когда обстрел кончился, увидел, что грузовик набок перекосило. Колесо выбило, капот, радиатор — в дырках. Временно поездил на полуторке, а потом дали мне «студебеккер». Три ведущих оси, военная машина! «Король дорог» — так их называли.

Вскоре закончились бои под Шяуляем, и нас отправили на переформировку. Недели две под Каунасом отдыхали. Единственная радость — что выспались досыта, других удовольствий не было. Кормили по тыловым нормам: капуста с морской соленой рыбой или рыба с капустой. Ходили на огороды, рыли картошку. Отлучаться из части строжайше запрещалось. Ходили слухи, то в одном, то в другом месте боец пропал. Мы однажды тоже чуть не вляпались.

Копали картошку. Двое — копают, один на стремя стоит. Увлечлись, не заметили, как подошли трое гражданских парней. В длинных куртках, полупальто, а под одеждой — явно оружие. У нас карабины в сторонке лежат. Неизвестно, чем бы кончилось, но Ваня Крикунов тут как тут, с карабином наготове. Посмотрели друг на друга, прикинули. Если начнется драка, мало кто в живых останется.

— Идите, — махнул я им рукой.

— Чего вы чужую картошку воруете? — с акцентом спросил один из них.

— Можем и расплатиться.

Деньги у меня имелись. Только в карман полез, те трое напряглись, того и гляди, за оружие схватятся.

— Не надо. Потом заплатите...

Сказал с намеком. Мол, не только за картошку расплатитесь. Попятились и, не поворачиваясь к нам спинами, ушли. Мы собрали картошку и бегом в часть. По дороге обсудили, правильно ли поступили. Может, надо было стрелять? А вдруг у парней оружия не было? Угодили бы за убийство под трибунал. Больше на поля не ходили. Ели, что дают. Тем более формирование вскоре закончилась, и мы двинулись к новому месту назначения.

Войска 3-го Белорусского фронта наносили мощные удары по направлению к Балтике. Наш автобат базировался под Вильнюсом. Это юго-восточнее Каунаса. Начиная с ноября мы перебрасывали новое вооружение, боеприпасы, людей к линии фронта, которая все ближе придвигалась к Балтике. Немцы сопротивлялись отчаянно. В ряде мест наши войска уже вышли

к побережью в первой половине октября, но это было севернее.

Первые рейсы были протяженностью также около 150 километров в один конец. Что изменилось за это время? В автобате стало больше «студебеккеров» и трофейных машин. Мы чаще возили технику: противотанковые и легкие зенитные пушки, загружались снарядами для танков. В небе стало больше наших самолетов. Потери людей и техники стали меньше. Я видел поединки наших и немецких истребителей. Шли они на большой высоте, трудно было понять, где чей самолет, но вот когда сбитые истребители падали, тут уже становилось ясно, кто победил. С горечью смотрели, как взрываются наши самолеты, и радовались, когда кувыркался вниз «Мессершмитт».

Меня потом часто спрашивали, кого больше сбивали: наших или немцев? Точно сказать не могу. Потери несли обе стороны. Но я бы не стал повторять газетные штампы, что «сталинские соколы везде громят фашистских стервятников». Летчиков мы уважали и любили. И дрались наши ребята храбро. Я видел, как не захотел выходить из боя подбитый «Як». Молодец, не бросил своих, а потом потянул на восток.

Никакого «рыцарства» в воздухе не было и в помине. Если наш летчик выпрыгнул и раскрыл парашют слишком рано, его старались расстрелять немецкие самолеты. Мы с земли пару раз били из карабинов и автоматов по немецким пилотам. Конечно, предпочли бы взять какого-нибудь аса в плен, но места вокруг лесистые, да еще ветер тащит фашиста. Вот мы и торопились добить их, чтобы снова не вернулись к своим. Тем более — Прибалтика. Они могли рассчитывать на помощь со стороны латышей.

Стало опаснее подвозить грузы непосредственно к линии фронта. От нас требовали сгружать всё едва не в траншеи. От этого несли потери. Помню, новенький «студебеккер» разбили из пушки в двухстах метрах от траншеи. Попробуй, поспорь, когда к тебе подбегает ошалевший от грохота боя офицер в ватнике, с пистолетом в руке, и начинает командовать! Многие выпивши, тех вообще не убедишь. Николай Мороз, которому присвоили «младшего лейтенанта», как-то уперся и не захотел подгонять машины на открытое место. Капитан в него из «вальтера» чуть не в упор шарахнул, только жёсть на крыше зазвенела. Хорошо, что промазал, а может, просто решил пугнуть. Мороз, мужик с характером, в секунду вышиб пистолет, завязалась свара, но прибежало начальство и навело порядок.

В другой раз вступили в бой с немецкой разведкой или передовым отрядом. Дрались не на шутку. У немцев было два легких бронетранспортера и два вездехода-амфибии. Бронетранспортер хоть и считается легким, но пулемет у него тяжелый. Штук пять головных машин изрешетили, сожгли. Нам повезло, что рота двигалась в усиленном составе. Саперы перегоняли американские бронетранспортеры с пулеметами «браунинг», калибра 12,7 миллиметра. Открыли ответный огонь, минометные расчеты выскочили. Быстро собрали пару минометов. Мы им ящики кидаем, они тут же ведут огонь.

Николай Мороз собрал группу человек двенадцать и побежали во фланг. Некоторые ребята боялись. Ложись, ничем не поднимешь. Кого-то подняли, а один как влез в яму и, не обращая внимания на грязь, лед, так и остался там до конца боя. Страх полностью

сковал. Эта возня нам дорого обошлась. Двоих ребят из пулемета срезало, как косой. Только клочья из телогреек летели. В нескольких шагах от меня свалились. Считай, уже мертвые, изрешечены, а пытались подняться, бежать.

В этом бою я точно одного немца уложил. Бросил две гранаты. Фриц прямо на них выскочил. Одна граната взорвалась, а вторая почему-то нет. Но ему хватило. Отбросило, как тряпичную куклу, а я автоматом разжился. Прежнее трофейное оружие у нас на переформировке отобрали. Забежали во фланг. Я немного припоздал, пока запасные магазины собирал. Когда подбегал к своим, мина почти под ногами взорвалась. Я так понял, что наша. Минометчики лупили не глядя. Такое в войну случалось. Второй, третий взрыв. Мы проскочили зону огня, оставив позади труп нашего шофера.

Немецкий вездеход-амфибия через грязь мимо нас ехал. Мы по нему все стреляли, в кого-то попали, но водитель попался опытный. Прорвался сквозь огонь. Бой понемногу затих. Когда возвращались, увидели убитого водителя с оторванной ногой. Карабин в щепки, и телогрейка разорвана в клочья. Принесли брезент, завернули труп и понесли к машинам. По дороге попался немец. Подраненный, хотел руки поднять. Не успел. Вася Бессонов его из автомата застрелил. И еще кто-то для верности в мертвеца пальнул. Обозленные все были. Сопли размазывать про милосердие и гуманность в такой ситуации бесполезно.

Похоронили своих погибших и дальше ходу. Поврежденные машины частично на буксир взяли, а две оставили, потому что неясно: или наступление немецкое, или разведка. Надо быстрее груз везти. За этот

бой несколько человек представили к наградам: капитана Сулейкина, старшину Мороза, Ваню Крикунова, еще кого-то и меня. Мы получили медали, а капитан Сулейкин орден Красной Звезды. Иван Прохорович Сулейкин очень гордился орденом. Он его давно заслужил. Больной, простуженный. Отлежит в санбате дня три-четыре и снова в строй. Я командира автобата только издалека видел. Гордый был, на уровне командира полка себя считал. Пару орденов и медали имел, хотя в рейсах к передовой я его не видел. Впрочем, может, это и не его обязанность.

Зима в Прибалтике сырая и слякотная. Погода менялась едва не каждый день. Туман, дождь со снегом, то вдруг задует холодный ветер, и начинает подмораживать. Однажды понадеялись на толстый лед и врюхались по пояс в грязь. Сразу несколько машин на мосты сели. Меня тоже другой «студебеккер» вытаскивал. Потом я ЗИСы и полуторки тащил. Подкладывали стволы деревьев, охапки веток. Ветер, мелкая пурга, лед разбивали ломами, кирками. Впрягли два «студебеккера», вытащили тяжеленную машину. Сулейкин скомандовал:

— А ну, разгружай!

Разгрузили часть ящиков, выдернули одну машину, потом вторую и третью. Где бы согреться? Стали просить спирт. А капитан сумел вскипятить чаю и поставил нас горячий чай со сгущенкой пить.

— После спирта заснете! Когда приедем, тогда получите по стакану.

Капитан был прав. Мы и без спирта засыпали за рулем. Одну машину сожгли, когда в подмерзшем радиаторе пытались лед растопить. Карбюратор пере-

полненный, мотор, как пыхнул, водителю лицо опалило, огонь столбом. Успели сбросить сколько-то ящиков сверху, а остальные сгорели. Патроны трещали так, словно бой идет.

13 января началось наступление войск 3-го Белорусского фронта в направлении на Кенигсберг, мощный оборонительный узел. Немецкие войска, авиация, сосредоточенные там, контролировали Данцигскую бухту, залив Куриш-Гай с морскими базами. Наши части двигались вперед, а следом — мы. К концу января передовые полки нашего фронта вышли к побережью. Дорога в один конец уже достигала двести километров. Нашлись грамотные люди, организовали пункты питания. Кормили хорошо, пшенка или гречка с мясом, горячий чай. Правда, посидеть в тепле долго не давали. Уже ждали своей очереди следующие ребята.

Намерзся и намок я за последнюю военную зиму, как никогда в жизни. В марте заболел воспалением легких, температура под сорок. Месяц пролежал в госпитале. Выписали с затемнением в легких. Но все же войну закончил. Где-то под Гамбургом победу праздновали.

А для меня вскоре тяжелые времена настали. В октябре сорок пятого года почувствовал себя плохо. Положили в госпиталь в Вильнюсе. Туберкулез! Подлечили, демобилизовали как инвалида второй группы и отправили в санаторий под Ялту. Вроде ничего стал себя чувствовать, поехал в город Шахты к старшей сестре Шуре. Тут меня так прижало, что 13 месяцев пролежал в Ростовском тубдиспансере. Вышел худой, как скелет, вес — 52 килограмма. Умные люди под-

сказали съездить в Москву, обратиться в Управление инвалидов войны. Может, оно по-другому называлось, но не в этом дело. Там меня спасли, хотя я дошел уже до точки. Сразу направили в госпиталь в Подольск. Вот где я последствия войны увидел! Очень много молодых ребят-фронтовиков с туберкулезом лежали. Лечили и кормили хорошо. Шесть месяцев в госпитале, затем два месяца в санатории на море. Месяца четыре у сестры покантуюсь (я получал пенсию по инвалидности, все деньги ей отдавал) — и снова в Москву.

Тут еще менингит привязался, и лечился я пять лет подряд. Считался уже безнадежным. Если бы такое отношение, как в современных больницах, давно бы умер. Но тогда все было по-другому. Заботились о нас, даже меню по заказу составляли. Медсестры с ложечек кормили.

— Ну, съешь еще один пельмешек!

Сейчас кое-кому смешным покажется, но я говорю правду. Помню, лежал в разных госпиталях: в Калининне, Новозыбкове, еще где-то. Очень хотел выжить. Рано утром ходил пешком: сто, триста, пятьсот шагов. Половинками кирпича как гантелями занимался. Врачам, медсестрам, санитаркам благодарен на всю жизнь. Понемногу оклемался и к 1953 году стал на человека похож. До 1960 года был на инвалидности, затем тридцать лет работал на Волгоградском керамическом заводе.

Жена, Валентина Григорьевна, рядом со мной. Дети, внуки. Будем жить!

ОТ ВОЛЖСКИХ ПЕРЕПРАВ ДО ВИСЛЫ

Волга возле поселка Светлый Яр шириной больше двух километров. Жутковато, когда посреди реки сваливается в пике с воем сирены «Юнкерс-87». Бьешь из пулемета, трассы в брюхо ему упираются, а немец открывает огонь, и кажется, все пули в тебя летят. Сбить бронированный «Ю-87» было трудно.

Гордеев А.П.

С Александром Прокофьевичем Гордеевым мы познакомились еще в семидесятых годах в Котельниковском районе, куда часто выезжали на охоту. Осенью на уток, а зимой на кабана и зайцев.

Небольшого роста, худощавый, быстрый в движениях, он работал водителем. В нашу охотничью компанию вписался быстро и легко, несмотря на разницу в возрасте. Иногда мы ночевали в его доме, познакомились с женой и уже взрослыми детьми. Зная, что он фронтовик, я часто беседовал с ним, расспрашивая о войне. Из этих бесед и родился его немудреный рассказ, в котором я постарался сохранить все мелочи, показав войну глазами простого сталинградского паренька с нелегкой и интересной судьбой.

Родился я 27 ноября 1924 года в Сталинграде. Жили мы, можно сказать, в центре. Если считать центром огромный, поросший деревьями и кустарником овраг, по дну которого текла речка Царица. Этот овраг упирался одним склоном в Дар-Гору, а другой — в центральную часть города. Расстояние до железнодорожного вокзала составляло примерно километр, а до Волги полтора.

Место было такое: большие бугры, обрывы, овражные отроги. Ничего серьезного там не строили. Лепились многочисленные домишки. Несколько штук из них, подновленные, сохранились до настоящего времени, а тогда домов было много, в основном саманные, низкие. Власти сильно к нам не лезли. В овраг ни одна машина не пройдет, а начальство, как известно, всегда предпочитает ездить на машинах. Короткие улочки, домов по десять-пятнадцать, громоздились на глиняных гребнях, на откосах оврагов. Некоторые дома торчали, как отдельные хуторки, рядом ничего невозможно было построить.

Кому как, а мне место нравилось. Хотя маме и отцу приходилось добираться до работы довольно далеко. Конечно, пешком, общественного транспорта поблизости не было. Отец работал на автобазе, мама — в швейной мастерской. Большая наша семья (отец, мать, бабка и четверо детей) имела свой саманный домик, который года через три после постройки умудрился осесть одним углом на полметра в почву. Отчего пол был с наклоном, как на корабле. Но мы к этому быстро привыкли. Что сделаешь? Оползневая зона — так это называется по-научному.

Перед войной целая улочка сползла в овраг. Понаехало пожарных машин, много милиции. Из-под об-

ломков извлекали раненых и задавленных людей. Этот случай вспоминали долго. Люди, лишившиеся жилья, лепили новые дома, здесь же неподалеку. Ходили по оврагу, собирали старые доски (большой дефицит), спиливали сухие деревья. Ничего, построились.

Для нас, пацанов, огромный овраг, речка Царица, протекавшая среди кустарника, и небольшой лесок, были своим миром. Кусочек природы посреди большого города. Здесь мы ловили рыбу (в основном мелочовку), путешествовали вниз до Волги и считали, что лучшего места в Сталинграде нет. Семья наша жила, в общем, неплохо. Две зарплаты — большое дело! Плюс огород на склоне. Каждую весну и осень его приходилось укреплять кольями, чтобы после дождей не ползла земля. Зато собирали хорошие урожаи картошки, помидоров, огурцов, баклажанов. Росли яблоны, груши, вишня и кусты смородины.

В огороде в основном копалась бабка, привлекая для тяжелых работ и прополки старших детей, то бишь меня с братом. Мы работали неохотно. Бабке больше помогали наши сестренки-соплюшки, Даша и Таня. В школе я учился так-сяк. Когда можно, пропускал занятия. Но семь классов благополучно закончил. В пятнадцать лет поступил работать в небольшую мастерскую по ремонту бытовой техники, где освоил до войны специальность слесаря.

Описывать начало войны не буду. Все происходило, как и по всей стране. Женщины с плачем провожали мужей. Молодежь стояла в очередях в военкоматы. Торопились попасть на войну, которая, по нашим понятиям, должна была закончиться скорой победой. Невнятные сообщения с фронта в первые недели со-

рок первого года было трудно понять. То ли Красная Армия бьет немцев, то ли немцы теснят (конечно, не гонят!) наши войска. Захват Минска 28 июня дал понять многим, что война идет не так, как показывали в фильмах «Если завтра война», «Первый удар» и так далее.

В сентябре фашисты заняли Киев. Мы не могли знать в полной мере трагедию полков и дивизий, попавших в окружение, погибших, взятых в плен красноармейцев и командиров. Скажи тогда, что количество наших пленных исчисляется сотнями тысяч, никто бы не поверил. Да и сказать такое никто бы не посмел. Просто мы окончательно поняли, что война — это серьезно и надолго. Я тоже повадился ходить в военкомат, откуда меня выпроваживали — не подошел еще возраст. Потом в нашей семье произошли события, после которых отец и мать поговорили со мной как со взрослым и запретили даже приближаться к военкомату.

Мой брат Леонид, на два года старше меня, был призван в июле и вскоре погиб под Смоленском. Мать неделю не могла прийти в себя, сразу постарела лет на десять. Вот тогда и состоялся разговор насчет военкомата. В начале октября сорок первого года забрали в армию отца. Мы получили от него короткое письмо, из которого поняли, что он служит по специальности, шофером. Успокаивал нас, что находится в тылу. Мама, никогда не ходившая в церковь, пошла с младшими сестренками молиться за отца.

Но, видимо, Бог не слишком расслышал ее слезы, что погиб сын и пусть он сохранит отца. Профессия шофера оказалась совсем не тыловой. Писем больше не было. Вплоть до нашего отъезда из Сталинграда

мама посылала запросы во все инстанции и лишь в апреле мы получили ответ, что отец пропал без вести. Забегая вперед, скажу, что больше мы ничего о судьбе отца не узнали. Он исчез, растворился без следа в страшной мясорубке сорок первого года.

Известие об отце мама восприняла уже более спокойно. В апреле сильно простудилась младшая из сестренок, Таня. У нее началось воспаление легких. Мама, обычно терпеливая и совсем не пробивная, изменилась. Чудом сумела выбить больничный лист у себя на фабрике. Это было очень нелегко, учитывая, что швейники выполняли военные заказы и работали по 12—14 часов. Мама приносила сестренке мед, сливочное масло, молоко. На что все это покупалось или менялось, не знаю. К нам ходил знакомый врач, с которым мама тоже как-то расплачивалась. В общем, сестренка, пролежавшая в горячке две недели, выжила только благодаря маме. Ну и, конечно, бабке, которая готовила еду для всей семьи.

Разгром немецких войск под Москвой поднял настроение людей. Но немцы быстро оправались, нанесли ответные удары, снова вели наступление. В конце апреля сорок второго года сильно бомбили район Тракторного завода, километрах в пятнадцати от нас. Взрывы были хорошо слышны, а над северной частью города стояло зарево. Бомбежки продолжались в мае, июне, хотя не скажу, что город сильно пострадал. Немцы бомбили военные предприятия и сбрасывали мины в Волгу. Кроме того, тяжкое впечатление оставило поражение наших войск под Харьковом. По слухам, там попали в окружение и погибли сотни ты-

сяч наших бойцов. Именно в это время мама и бабка приняли решение покинуть город.

Первый секретарь обкома Чуянов призывал население быть мужественным и продолжать трудиться для фронта. Мама думала лишь об одном: как спасти нас, троих детей. Мне было уже семнадцать, но для нее я тоже оставался ребенком. У нас имелась родня в маленькой деревеньке в Астраханской области, километрах в ста от Сталинграда. Мама и бабка решили переехать туда.

В то время уволиться с предприятия было почти невозможно. Мама как-то сумела, сославшись на больных детей. Мастерская, в которой я работал, тоже в основном выполняла военные заказы. Делали алюминиевые кружки, котелки, пряжки для ремней. Директор не хотел меня отпускать. По-моему, мама уладила этот вопрос с помощью спирта. Отнесла директору литр, и все решилось. Помогло и то, что я был несовершеннолетний.

Мы покинули наш дом в конце июня. В городе уже было полно эвакуированных. Они рассказывали страшные вещи о сожженных разбитых бомбами эшелонах, о беженцах, погибавших на дорогах от пуль немецких самолетов. Заверениям властей, что немцы до Сталинграда не дойдут, ни мама, ни бабка не верили. Им обеим было жалко оставлять под присмотр чужих людей дом, который строил покойник дед и пропавший без вести отец. Бабка даже всплакнула. Мама в сердцах ругнулась:

— Да, черт с ним, с этим домом! Детей надо спасать, пока фашисты за город не взялись.

Я катил ручную тележку, нагруженную нехитрым имуществом, где самое ценное было: швейная ма-

шинка, самовар, полушубок отца, постельное белье, одеяла, посуда, полмешка муки, килограмма четыре соленого сала. Мама, бабушка и обе сестренки несли тюки и тючки с одеждой и разной мелочовкой. Прощались на ходу с соседями. В нашем овраге все хорошо знали друг друга. Я не догадывался, что многих вижу в последний раз. Городу была уготовлена страшная бомбежка 23 августа 1942 года, а затем он превратится на пять месяцев в эпицентр ожесточенных боев, после которых от Сталинграда останутся одни развалины.

Целый день мы шли через город, растянувшийся вдоль Волги. Ночевали в степи возле Сарепты. Сварили в котелке суп с курицей, поели, и все быстро заснули, закутавшись в одеяла, не обращая внимания на комаров.

Сто километров пути мы одолели за три дня. За это время нас не меньше десятка раз останавливали патрули. О чем-то спрашивали мать, бабушку, они показывали документы, в том числе мой паспорт. Лейтенант, старший патруля, отчитал меня.

— Такой дылда! Твои ровесники на фронте бьются, а ты в тыл без оглядки драпаешь.

Насчет «дылды» лейтенант сильно преувеличивал. Был я худой, небольшого роста, хотя руки от работы по хозяйству и в мастерской были сильные. Мне напомнили, что я обязательно должен встать на учет в военкомате и не вздумал уклоняться. Я сопел в ответ, а мама заверила лейтенанта, что я встану на учет в первый же день, а до восемнадцати лет мне еще полгода.

Наконец добрались до нашей родни в небольшом

селе Ступино, стоявшем на высоком волжском берегу. Дядька, тетка, мои двоюродные братья и сестры, еще какие-то родственники собрались вечером за столом. Пили самогон (молодым наливали бражку), ели приготовленную по-астрахански очень вкусную рыбу, тушенную в собственном соку с зеленью и луком. Я съел с десятков кусков сазана, судака, еще какой-то рыбы и осоловел от усталости и обилия пищи.

Дом у родни был небольшой, по-моему, без чердака. Ночью стояла духота, тем более набилось нас с десятков человек, не меньше. Я проснулся от жары, долго пил воду, сидел на крыльце, смотрел на усыпанное звездами небо и серебристую лунную дорожку на Волге. Не хотелось лезть опять в духоту, но оставаться долго снаружи не давали комары.

Родня уступила нам флигелек, состоящий из одной комнаты и крошечной прихожей. Там мы и разместились впятером. На следующее утро я отправился в военкомат в районный городок Черный Яр, за сорок километров от села. Добрался туда вечером, и мне сразу предложили направление в танковое училище.

— Когда ехать-то? — растерянно спросил я.

— Команда уже готова, — ответил помощник военкома. — Завтра пройдешь медкомиссию, а послезавтра будем, наверное, отправлять в Саратов.

Я не был готов к такому повороту событий. Если бы мне дали хотя бы дня три-четыре, чтобы прийти в себя, попрощаться с семьей, я бы согласился. Я был настроен мстить за брата и отца. Но мысли, что больше не увижу маму, сестер и поеду неизвестно куда, просто напугали меня. Я сказал, что в мае переболел воспалением легких и еще не оклемался.

— Где же ты в мае умудрился простудиться? — недоверчиво спросил лейтенант.

— На рыбалке лодка перевернулась, — не задумываясь, ответил я. — Метров триста в холодной воде плыли.

В мае в наших краях уже стоит жара, почти как летом, однако полая вода в Волге еще очень холодная. Ответ прозвучал правдоподобно. Помощник военкома настойчиво посоветовал подумать и дать окончательный ответ утром. Переночевать предложил на призывном пункте, чем еще больше насторожил меня. Туда легко войти, а выпустят или нет — неизвестно. Я переночевал на пристани, голодный, искусанный комарами. Утром меня покормили трое пьяненьких призывников, даже предложили выпить. От самогона я отказался, но с удовольствием съел два вареных яйца и кусок жирной вяленой селедки. Рассказал мужикам о предложении лейтенанта. Призывник постарше, узнав, что я уже потерял отца и брата, категорически заявил:

— Тебе семнадцать лет. Пошли этого лейтенанта подальше. Умник! В тылу пристроился, а тебя в железных гробах воевать гонит. Восемнадцать стукнет, тогда пусть и забирает.

Я боялся встречи с лейтенантом. Мое желание воевать и мстить куда-то испарилось. Больше всего хотел вернуться домой. Но опасения оказались напрасными. Со мной разговаривал пожилой старшина. Я заполнил анкету, меня вписали в журнал и предупредили, чтобы из деревни никуда не исчезал.

— Ты военнообязанный. Можем призвать в любой день. Уклонение считается дезертирством. Ну, иди.

Я был так рад вырваться из военкомата, что отмахал пешком километров двенадцать. Потом меня под-

везла попутка. Мама встретила слезами, а бабка возмущалась:

— Детей на войну гонят. Саньке всего семнадцать.

С аппетитом хлебая суп с вермишелью и салом, я с досадой возразил:

— Зое Космодемьянской всего шестнадцать было, а она воевала и геройски погибла.

— Успеешь и ты, — перекрестилась бабка. — Провалилась бы она пропадом эта война вместе с Гитлером и остальными...

Кто «остальные», уточнять не стала.

Меня определили в рыболовецкую бригаду, маму взяли в колхоз, бабка осталась с сестренками на хозяйстве. Рыбаки, увидев, что я стараюсь, относились ко мне хорошо. Правда, гоняли, как молодого, за самогоном. Я собирал дрова для артельного костра и помогал стряпухе разделявать крупную рыбу. Рассуждал, что жизнь в артели неплохая и голодать не будем. Тем более в конце смены все мы получали немного рыбы домой.

Рыба в Волге водилась тогда в избытке. Правда, осетры попадались нечасто, зато хорошо ловились судаки, лещи, сазаны. Стряпуха, зная вкусы каждого, клала в котел сразу несколько разных рыбин или кусков — кому что нравилось. Уха получалась наваристой, жирной. Не жалели в нее и зелени.

Не хватало только одного. Хлеба. Астраханская область — это степи, полупустыня и раскаленное солнце. Зерновые здесь почти не выращивают. Хлеб выдавали в магазине то ли по карточкам, то ли по спискам. На пять человек нашей семье доставалась обычно одна двухкилограммовая буханка на неделю.

Иногда добавляли пшенки или перловки. Хлеб был серый, с остяками, липкий и тяжелый.

В артель хлеб не полагался. Считали, что, разрешая питаться пойманной рыбой, мы и так имеем паек. Но от рыбы сытости не получалось. И ухи нахлебавшись, и здоровенный кусок сазана съешь, а спустя короткое время снова чувствуешь голод. Через пару недель рыба так приелась, что в горло не лезла. Хлебушка бы! За черствую горбушку все бы жирные ломти отдал. Но хлеб шел на фронт.

Вообще, жизнь летом сорок второго катилась и менялась с такой быстротой, что я не успевал удивляться. Кажется, недавно покинули Сталинград, прижились в Ступине. Я даже с девчонкой на танцах познакомился и первый раз целовался. И вдруг из военкомата пришла повестка. Это было в начале августа. Мама всполошилась, ведь до восемнадцати лет мне оставалось почти четыре месяца. Хотела идти со мной в военкомат, но повестки в селе получили несколько других парней моего возраста.

— Не надо, мама, — твердо сказал я. — Не позорься. Такая война идет...

Мать сникла и стала собирать меня в дорогу. Постоянно плакала, и я, не выдержав (был выпивши), кричал на нее:

— Что ты меня хоронишь! Я еще живой и умирать не собираюсь.

Мама вытерла слезы. Тут же дружно заревели обе сестренки, захлюпала носом бабушка. Я выскочил на улицу и долго стоял на яру, глядя, как широкой голубой лентой медленно течет Волга. Через день я уже был на призывном пункте, а вскоре — в строю учебной части, расположенной в пойменном лесу, недалеко от города Ахтубинска.

Военный городок, состоящий из больших палаток и землянок, был огорожен по периметру колючей проволокой. Нам прочитали жесткий приказ № 0227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад». Комментируя его всем призывникам, разъяснили, что за дезертирство и членовредительство наказание одно — трибунал и расстрел. Эти слова мне было суждено слышать едва ли не всю войну. Трибунал и расстрел!

Я попал в пулеметную роту. Сто двадцать человек, три взвода. Занятия начинались в семь утра и заканчивались часов в восемь вечера. Строевая, политическая, боевая подготовка, химзащита, тактика, физподготовка. Уставали за день так, что засыпали как убитые. Правда, кормили нормально. Утром каша, масло, горячий сладкий чай, иногда селедка. В обед щи, суп, мясная каша, ужин — часто рыбный. Надоевшая рыба с кашей и хлебом шла неплохо. Изучали пулеметы: наш «максим», ручной пулемет Дегтярева, английский «мадсен» с магазином сверху.

Что запомнилось из того короткого периода? Что на фронте дела плохие, не могли скрыть скупые сводки Информбюро и многочисленные статьи в газетах, похожие друг на друга: «Подразделение капитана Н. уничтожило 3 танка и 60 немецко-фашистских захватчиков. Батарея старшего лейтенанта Ш. подбила семь танков и около роты противника». Курсанты постарше и те, кто воевал, в узком кругу ехидно посмеивались:

— Около роты! Рядом с ротой, что ли, снаряды падали? Фрицы свою жизнь ценят. Чтобы роту уничтожить, ой-ей сколько умения надо.

Если говорить откровенно, то у многих в августе — сентябре сорок второго настрой был подавленный. Призывники, которым за тридцать или сорок лет, как

могли «косили», жаловались на болячки, стремились попасть в тыловые части. Некоторые мужики из мелких пойменных хуторов сбегали. Но у молодых преобладало желание воевать и бить немцев. Не последнюю роль играла политическая подготовка. Неправильно полагать (особенно по книгам девяностых годов), что политработники мололи заученные истины и на каждом шагу славил мудрость Сталина.

Без имени Сталина, конечно, не обходилось. У нас в пулеметной роте старший политрук, без преувеличения, был талантливый агитатором. Он успел повоевать, имел ранение, чем сразу располагал к себе. Он читал нам статьи Ильи Эренбурга, которые пользовались успехом из-за нескрываемой ненависти к фашистам. Написанные простым языком, они ударяли в левую точку. «Убей немца! Об этом просит тебя мать, твоя родная земля. Иначе он убьет тебя, твою семью!» — примерно так звучали слова. Сейчас Эренбурга редко переиздают. Война стала историей, а с немцами мы дружим. Зачем раздражать их лишними воспоминаниями!

А тогда мы внимательно слушали политрука. Он читал так, что мороз пробежал по коже. Потеряв старшего брата, отца, я, с рождающейся ненавистью к фашистам, был полностью согласен с Ильей Эренбургом. Я должен убить немца. И не одного. Чтобы отомстить за брата, отца и многих погибших земляков.

Еще политрук читал нам стихи Константина Симонова «Жди меня», «Если дорог тебе твой дом», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», которые мало кого оставляли равнодушными. Некоторые стихи были написаны словно о нашей семье, о погибшем брате и пропавшем отце. Однажды, не выдержав, я

заплакал. Без всхлипываний, молча. Просто текли слезы по щекам. Боясь, что меня поднимут на смех, вскочил и пошел в кусты. Успокоившись, вернулся. Политрук и ребята сделали вид, что ничего не заметили.

В один из дней конца августа мы узнали о страшной бомбежке Сталинграда. Я понял, что мать — мудрый человек. По слухам, центр города полностью разрушили. В эти же дни меня и еще десятка четыре пулеметчиков стали обучать стрельбе по самолетам. В основном теоретически. За две недели мы научились распознавать силуэты наших и немецких самолетов.

Узнали, что пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» хорошо бронирован. Несмотря на презрительную кличку «лаптежник» из-за торчащего под брюхом шасси, он очень опасен. Может нести полторы тонны бомб и вооружен четырьмя пулеметами. Пикируя, бросает бомбы довольно точно, а сбить его из «максима» трудно. Зато наши пули вполне могут поразить истребитель «Мессершмитт-109». Надо только уметь правильно целиться, так как скорость у «мессера» шестьсот километров в час. Двухмоторные тяжелые бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111» обычно бомбят с высоты километра и более. Для наших пулеметов это далековато, но если расстояние поменьше, можно удачными попаданиями зажечь мотор или повредить многочисленные тяги.

Практические стрельбы проводились за два с половиной месяца раза четыре. В том числе один раз по условной воздушной цели. Нас вывезли в степь, и мы стреляли по верхушкам двадцатиметровых пирамидальных тополей. Хотя учеба была рассчитана на пять

месяцев, людей из роты начали забирать уже через месяц. Брали в первую очередь фронтовиков, прибывших из госпиталей, парней, уже хорошо освоивших оружие. Некоторым присваивали сержантские звания, они именовались командирами расчетов. Другие уходили рядовыми.

В середине сентября пришла моя очередь. Позже мы узнали, что будем служить на судах Волжской военной флотилии. Меня взяли из-за того, что я два года работал слесарем и мог устранять самостоятельно мелкие неисправности оружия, запаять продырявленный кожух. В Сталинграде уже шли бои, флотилия осуществляла переброску войск, боеприпасов, продовольствия, вывозила из города раненых и население. Мобилизовывались пароходы, буксиры, сейнеры из гражданского флота. На них устанавливали зенитные пушки, пулеметы, а в помощь командам давали военных моряков или подготовленных армейских артиллеристов и пулеметчиков.

Помню, нас собрали около двадцати человек и привезли в поселок Черный Яр. Первую ночь провели на пристани. Здесь я ночевал в конце июня, когда ходил в военкомат, чтобы встать на учет. До села, где жила моя семья, было рукой подать, но нас сразу предупредили — любая отлучка будет расцениваться как дезертирство. Старшим был незнакомый мне лейтенант. Дня три мы прожили в небольшом домике на берегу. Потом пришли два грузопассажирских парохода. Один большой, названия уже не помню, и второй поменьше, «Коммуна», с гребными колесами по бокам.

Многое в жизни человека решает случайность. Забегая вперед, скажу, что большой пароход будет по-

топлен возле Сталинграда и почти вся команда погибнет. Лейтенант, распределяя людей, отсчитал семь человек, в том числе меня, и отправил на «Коммуну». Остальные, вместе с ним, погрузились на большой пароход.

Там было более мощное вооружение: две пушки, счетверенная зенитная установка и несколько пулеметов. «Коммуна» имела 45-миллиметровку и два пулемета «максим», установленные на тумбах. Оба парохода именовались военными кораблями, хотя скорость «Коммуны» не превышала двенадцати-пятнадцати километров в час. Или, по-морскому, семь-восемь узлов. Еще несколько дней мы простояли в затоне, шел ремонт котлов, других механизмов, а мы, в срочном порядке, привыкали к морской, вернее, речной службе. Боцман всем нам выдал тельняшки. Разрешалось ходить с расстегнутым воротником, чтобы все видели: мы не пехота, а моряки.

Нас быстро отучили от сухопутных словечек. Мы узнали, что корабль не плавает, а идет. Миля, узлы, камбуз, кок, галюн... Нас одергивали, когда мы забывались, и отчитывали за неправильную терминологию. «Коммуной» командовал ее давнишний капитан из Астрахани, высокий, крепко сложенный старший лейтенант, в легком белом кителе. Чаще всего нам приходилось общаться с боцманом Байдой. Сухощавый, жилистый, он не напоминал боцманов, которых мне приходилось видеть в фильмах: громоздких, уса-тых, громогласных. Впрочем, небольшие усы сорока-летний Байда носил. Он никогда не сидел на месте и был, что называется, живчиком.

Байда распределял вахты, ведал питанием, уборкой на корабле и множеством других вопросов. Дер-

гал и обучал нас мореходной службе, не слишком выбирая выражения. Но никогда не лез в наши зенитные дела. Командиром зенитной команды был старший сержант Тарасюк. Одновременно он являлся командиром орудия, к которому, в случае боевой тревоги, были прикреплены два моряка из команды.

Меня назначили вторым номером в расчет кормового зенитного пулемета. Первым номером и моим непосредственным командиром был сержант, года на три старше меня, родом из рыбацкого поселка Шимбай под Астраханью. Ни имени, ни фамилии в памяти не сохранилось, так как остальные зенитчики называли его просто Шимбай. Мы с ним быстро подружились, общались без всяких чинов. Шимбай был женат. Служил около года в зенитном полку, хорошо знал пулеметы. От него за небольшой срок я почерпнул многое.

Запомнился переход до Светлого Яра, поселка километрах в двадцати от Сталинграда. Мы шли вверх по реке более суток, с двумя остановками. Волга к сентябрю мелеет. В некоторых местах фарватер становится очень узким. Немецкая авиация, начиная с июля сорок второго, высыпала в Волгу большое количество мин. Я узнал, что морские мины имеют заряд около тонны взрывчатки. Налететь на такую мину означало гибель парохода и большей части команды. Поэтому, несмотря на опасность авианалетов, оба парохода вышли на рассвете.

Весь путь зенитчики стояли у орудий и пулеметов. От непрерывного наблюдения за солнечным безоблачным небом слезились глаза. Нас вел катер-тральщик. Фрицы уже применяли мины с фиксированной

кратностью взрывателей. Проще говоря, механизм взрывателя мог пропустить первый корабль и взорваться под вторым-третьим или четвертым. Мне рассказали, что первого августа подорвался на mine и погиб вместе со всей командой бронекатера командир бригады контр-адмирал Б. В. Хорохшин. Взрыв был такой силы, что не смогли найти тел погибших.

Подходя к Светлому Яру, мы уже отчетливо понимали, что приближаемся к сражающемуся городу. Доносились глухие звуки взрывов, по реке плыли огромные пятна нефти, разные деревяшки, глушенная рыба. Течение несло трупы. Увидел тело красноармейца, согнутое в поясе. Ноги и голова были в воде, наружу виднелся пояс шаровар и часть спины в нательной рубахе. Я невольно сжал руку Шимбая.

— Привыкай, Саня. Это — война, — просто, без всякой рисовки, сказал Шимбай. — Когда наш дивизион в Астрахани бомбили, человек семь погибли.

— Вы кого-нибудь сбили?

— Не знаю. Стреляли много. Может, осколками кого достали. А прямых попаданий не было.

Шимбай не хвалился, что стрелял по немецким самолетам, побывал под бомбами. Зато рассказывал мне о довоенной жизни, своей неудачной женитьбе. Он женился перед уходом в армию, а вскоре получил письмо от «добрых людей», что молодая жена гуляет. Иногда Шимбай костерил жену. Порой начинал материть мужиков:

— Кобели драные! Лезут напролом к бабе, а у нее, может, силы воли нет, чтобы отказать.

Для меня эта проблема была далека. Я вежливо выслушивал своего старшего напарника и сочувственно кивал головой.

От райцентра Светлый Яр до линии фронта было километров сорок. Немцы не смогли захватить южные районы Сталинграда: Красноармейский и Бекетовку. Первый пароход пошел дальше, прямо в пекло гигантского сражения, развернувшегося в городе. Нас оставили обслуживать светлоярскую переправу. Но сказать, что сорок километров от линии фронта — это тыл, было бы неправильно. В то время Волга на протяжении более ста километров являлась местом непрерывных бомбежек, обстрелов, боев с немецкой авиацией.

Засиживаться нам не дали. Буквально через пару часов загружали на левом берегу маршевую роту, сотни две красноармейцев. Они не хотели лезть в трюм, упрямо цепляясь за поручни. Командиры загоняли их пинками, ругались и кричали сержанты. Байда и двое здоровенных моряков хватали и толкали вниз по трапу упирающихся бойцов. Таким же макаром загрузили вторую роту, часть красноармейцев остались на палубе. С берега подносили ящики со снарядами, патронами, продовольствием. Глядя на штабель ящиков с боеприпасами, нагроможденный в пяти шагах от нашего «максима», я отчетливо представлял, что будет, если в них попадет снаряд немецкого самолета.

Пароход, поднимая колесами муть и песок, отвалил от небольшой пристани и пошел по дуге от пойменного лесистого берега к правому высокому обрывистому. Загруженная выше ватерлинии, «Коммуна» двигалась медленно, по дуге. На стрежне чувствовалось сильное течение. Расчеты орудия и обоих пулеметов напряженно следили за небом. Первый рейс прошел благополучно. Мы причалили к пристани под обрывом. Выгрузка заняла полчаса, здесь подталки-

вать никого не приходилось. Кроме нас на переправе работал буксирный пароход, тянувший за собой баржу и несколько мелких судов. По сравнению с «Коммуной», скорость у парохода с баржей была черепашья.

Война дала о себе знать вечером, когда солнце висело над краем обрыва. Четыре «Мессершмитта», тонкие в фюзеляже, стремительно вырвались из-за обрыва со стороны заходящего солнца. Обстановка на переправе, как я потом восстанавливал в памяти, была следующая. Наш пароход заканчивал погрузку раненых и беженцев на правом берегу. Буксир с баржей, в которую набили целую толпу красноармейцев, повозки, легкие орудия, отваливал от левого берега. Один из сейнеров, деревянная посуда метров двадцати в длину, пересекал Волгу. Второй сейнер крутился у левого пойменного берега.

Плавучая батарея, стоявшая в затоне, открыла огонь, хоть и с запозданием, но дружно. Три 76-миллиметровые зенитки усеяли небо шапками разрывов. Начали стрелять и мы: «сорокапятка» и оба пулемета. Я по инструкции придерживал ленту, которая быстро вползала в казенник «максима». Шимбай бил длинными очередями. Все четыре истребителя мгновенно перемахнули Волгу, я успел заметить кресты на фюзеляже и свастику на хвосте. Они шли к самой крупной добыче, барже, набитой людьми, которую буксирный пароход тянул со скоростью километров шесть в час.

Могу представить, что чувствовали ребята, сидевшие в этом огромном корыте, когда на них заходили сразу четыре «мессера». Но плавучая батарея уже заставила немецкие истребители вильнуть. С левого бе-

рега вели огонь два зенитных 37-миллиметровых автомата. Дружной и точной атаки у «мессеров» не получилось. Они высыпали целую серию бомб, которые поднимали фонтаны воды и песка вокруг баржи. Один из «Мессершмиттов», видимо, получил повреждение и сразу отвалил в сторону.

Зато три других сделали круг, перестроились и обстреляли баржу из пушек и пулеметов. Несмотря на двухкилометровое расстояние, мы видели, как бледные при дневном свете трассы прошли буксир и баржу. Зенитный огонь был довольно сильный. «Мессеры» опасались снижаться и после второго захода пошли назад. Попутно обстреляли сейнер, на котором начался пожар. Мы снова открыли огонь, но истребители исчезли в небе. Буксирный пароход продолжал тащить баржу к правому берегу, на сейнере тушили пожар. Наш пароход, выждав немного, под защитой плавучей батареи двинулся к левому берегу.

Мы везли много детей, женщин. Женщины не хотели идти в трюмные помещения, кричали, что лучше погибнуть от пуль, чем утонуть в клетке. Метались по палубе, таская за собой детей. Убедить их, что на верхней палубе опасно, было невозможно. Пароход раскачивался с борта на борт, кто-то свалился в воду. Останавливаться не имели права, упавшему человеку бросили спасательный круг.

С облегчением выгружали суетливую гомонящую толпу, а у пристани на левом берегу нас уже поджидали новые роты красноармейцев, повозки с боеприпасами. Переправа шла и ночью. Часам к двенадцати мы падали от усталости. На наше состояние никто внимания не обращал, но устали и механизмы «Коммуны». Пароход загнали на стоянку в речной залив.

Мы кое-как поели каши с мясом и завалились спать. Так закончился наш первый день на светлоярской переправе.

На следующий день мы узнали, что на барже погибли тридцать человек, около семидесяти бойцов были ранены. Они так и не добрались до Сталинграда. Раненых повезли назад обратным рейсом. Двое или трое погибли на сейнере. Такую цену платили за переправу через Волгу. И это была сравнительно небольшая цена.

Следующие несколько дней прошли без особых происшествий. Несколько раз налетали немецкие самолеты, их атаки отбивали, хотя не обходилось без жертв. Мы уже хорошо познакомились с экипажем «Коммуны». К нам назначили подносчиком патронов молодую женщину, лет двадцати трех, Катю. Она была не слишком красива, с широким лицом и крепкими мускулистыми руками. Катя, в случае ранения или смерти кого-то из нас, должна была временно исполнять обязанности второго номера расчета.

У Шимбая с ней сразу закрутился роман. Они где-то уединялись ночью, благо на судне укромных уголков хватало. Катя до этого встречалась с одним из моряков. Тот, подвыпив, пытался выяснить отношения с сержантом, но до драки дело не дошло, вмешалась Катя. Я познакомился с помощником кочегара, молодым, вечно чумазым пареньком моего возраста, который любил приходить к нам. Сворачивал сигарку, с уважением трогал пулемет и задавал разные вопросы. Звали чумазого Мишкой. Он считал, что популярная тогда песня «Мишка, где твоя улыбка» написана про него. Он иногда подначивал нас:

— Чего же вы в самолет не попадете? Ствол кривой или патронов мало?

Шимбай, добродушный по характеру, снисходительно объяснял, что самолеты легко сбивать только языком.

— Думаешь, фрицы целые и невредимые домой возвращаются? Как бы не так! Ловят они и пули, и осколки, поэтому переправа работает.

Мы им не даем как следует целиться.

Пулемет у нас был старый. На шершавом массивном кожухе отштампованы название завода и год изготовления «1916». На щитке имелись несколько вмятин от пуль, кожух в двух местах запаян. Но работал «максим» исправно. Я иногда мысленно сочинял историю старого пулемета. Вот он, в руках белых, бьет по нашим, то бишь по красногвардейцам. Потом его захватывают в бою, и он служит Красной Армии. Для срока второго года, как зенитное прикрытие, «максим» устарел. Броню «Юнкерсов» он не брал, а «мессеры» проносились с такой скоростью, что поймать их в прицел было сложно. За эти дни я узнал реальную обстановку в Сталинграде. Рассказал раненый, который примостился возле нас. Он не скрывал облегчения, что вырвался из Сталинграда, хотя ему перебило кости на руке. Ладонь и пальцы почернели, пока он проделал долгий путь до Светлого Яра. Даже возможная потеря руки его не пугала.

— Нет Сталинграда, — морщась от боли, говорил раненый. — От домов одни сгоревшие коробки или развалины. Мясорубка страшная. От элеватора и до Тракторного завода (расстояние 20 километров) наши держат полосу берега шириной метров двести. Ночью роту приводят, за день две трети выбивают.

Я не мог поверить, что почти весь город, все высоты взяты немцами. В газетах писали другое. Про двести метров там не упоминали. Сталинград успешно отражает вражеские атаки. Сталинград держится и не будет сдан врагу никогда. А наша переправа, как и другие, работала непрерывно. Только под Светлым Яром ежедневно переправлялось несколько тысяч бойцов. Целые колонны красноармейцев торопливо поднимались вверх, на правый берег, сгибаясь под тяжестью груза, который тащили на спинах.

Дни стояли теплые, ясные. Даже лес еще не весь пожелтел. И Волга была голубая, хотя вода стала холодной. Бабье лето, хорошие деньки. Но один из них оказался для нас черным. Огромная битва, развернувшаяся в Сталинграде, словно гигантским языком, лизнула и нашу переправу.

Кажется, это было в первых числах октября. С рассвета высоко в небе кружился немецкий двухмоторный самолет-наблюдатель «рама». Три тройки пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» в сопровождении нескольких «Мессершмиттов» развернулись ниже Светлого Яра и обрушились на зенитное прикрытие. Плавучую батарею накрыло огромными фонтанами воды. Одна из бомб попала точно. Взлетели обломки палубы, орудий, человеческие тела. Судно, на котором размещалась батарея, затонуло в течение пяти минут. На песчаную отмель затона выбирались уцелевшие моряки и артиллеристы.

Одновременно бомбы легли на батарею левого берега, которая пряталась среди деревьев. Зенитные автоматы били в упор. Один из «Юнкерсов-87», дернувшись, с трудом вышел из пике и летел низко над

Волгой. Мы плыли, загруженные ранеными и беженцами. «Юнкерс» с трудом удерживал высоту, казалось, его лапы-шасси вот-вот зацепят воду. Он пролетел от нас метрах в трехстах. Отчетливо виднелись изогнутые, как у чайки, крылья, оранжевая окантовка, огромный крест на фюзеляже. Из мотора выбивались струйки дыма.

«Сорокапятка» на баке и оба «максима» стреляли непрерывно. Шимбай вел стволом пулемета, посылая длинные очереди. Трассеры (каждый третий-четвертый патрон в ленте) показывали, что пули попадают в самолет. Если бы в пикировщика угодил хотя один снаряд из «сорокапятки», мы бы утопили фашиста. Но избитый бронированный «Юнкерс-87» вырвался от нас и был уже над крутым правым берегом. Шимбай с руганью открыл казенник, я помог зарядить новую ленту. В кожаной сумке кипятилок. Мы выпустили 250 патронов за полторы-две минуты.

— Ведь я же в него попал, мать его так, — кричал сержант. — Почему он не свалился, сука!

«Юнкерса» добила из 37-миллиметровой зенитки на правом берегу. Самолет врезался в крутой склон и взорвался в сотне метров от крайних домов поселка Светлый Яр. Но все это была ерунда. Еще одна тройка «лаптежников» пикировала на буксирный пароход с баржей, набитой красноармейцами. Мы снова открыли огонь. Все три самолета, снизившись до пятисот метров, сбросили авиабомбы килограммов по сто каждая. Бомб было много. Большинство угодили в воду, но одна взорвалась в середине корпуса баржи, вторая встряхнула и завалила набок буксирный пароход.

Мы находились недалеко друг от друга, наш пароход «Коммуна» и буксир с баржей. Оба пулемета и

пушка били вдогонку «Юнкерсам». Баржа быстро погружалась в холодную октябрьскую воду. Буксир тоже получил повреждения, но ход не потерял. С него вытаскивали барахтающихся в воде людей. Плавучая батарея с дальнобойными трехдюймовками была потоплена. Переправу прикрывали 37-миллиметровые автоматы на левом берегу и пара стволов возле поселка. «Коммуна», с ее слабым зенитным вооружением, могла защищать только себя. Немецкие самолеты добивали баржу, которая вскоре затонула, выпустив огромный пузырь воздуха. «Мессершмитты» обстреливали буксир и красноармейцев с потопленной баржи.

Наш пароход, следуя инструкциям, шел к левому берегу. Раненые, сто с лишним человек, сидели и лежали в каютных помещениях, а из трюма лезли беженцы. Стоял сплошной крик, перекрывающий грохот взрывов. На борту началась паника. Моряки во главе с боцманом, не церемонясь, заталкивали, почти забрасывали, всех вниз. Схватили женщину за платье. Она вырвалась, платье расплзлось надвое, а женщина с мальчиком лет десяти бежала вдоль палубы. Кормовой трюм был рядом, я все хорошо видел.

Затем на нас спикировали два «Юнкерса». Вой самолетных сирен бил по мозгам. Я менял ленту, когда бомбы подняли фонтаны воды и песка по правому борту. Нас бы изрешетило осколками, но бомбы взрывались на глубине. Пароход сильно встряхнуло, а «Юнкерсы», продолжая снижаться, неслись прямо на нас, открыв огонь из пулеметов. Шимбай бил им в лоб. Первый самолет, закончив пикирование, с ревом набирал высоту. На несколько секунд он завис в воздухе, отблескивая серебристым брюхом. Шимбай стрелял непрерывно, но пули рикошетили от брони,

высекая сноп искр. Заработал спаренный пулемет, расположенный в задней части кабины «Юнкерса». Двойная строчка трассеров бежала от кормы к носу. Я невольно сжимался, прячась за тумбой и щитком. На палубе катался и кричал от боли матрос, зажимая живот.

Второй «Юнкерс» спикировал через минуту-две. Вода в кожухе «максима» кипела от быстрой стрельбы. Снова заработали два носовых пулемета «Юнкерса», а затем задняя спаренная установка. Пули хлестали по деревянным надстройкам «Коммуны». Шимбай ахнул, выпустил рукоятки пулемета и сполз на площадку. Я присел над ним. Брюки и гимнастерка напитывались кровью. Я бестолково шарил, пытаюсь определить, куда он ранен. Подбежал боцман Байда и оттолкнул меня. В руке у него была санитарная сумка.

Потом нас обстреляли два «Мессершмитта». К пулям прибавились 20-миллиметровые пушечные снаряды. Взрывы, треск разбиваемых переборок. Я стоял у пулемета и стрелял по «мессерам». Очередную ленту мне помогала менять Катя. Самолеты исчезли. Я стоял наготове у пулемета, а Катя плакала, держа за руку Шимбая.

Нам досталось крепко. Причалив к небольшой плоской пристани-платформе на левом берегу, выгрузили несколько трупов. Не менее двадцати человек были ранены. Многие тяжело, особенно после попаданий авиационных снарядов. Женщине, которая выскочила с мальчиком из люка, перебило щиколотку.

— Чего ты металась? — выговаривала ей санитарка. — Хорошо, что так обошлось. Могла и мальчика погубить.

— Ногу... ногу отрежут, — причитала женщина. — Кому я нужна буду?

Шимбаю достались две пули. Одна угодила в плечо над ключицей, вторая насквозь пробила ногу выше колена, но кость, судя по всему, не задела. Мы попросились с ним, Катя проводила Шимбая до повозки. В нашем отделении зенитчиков был убит боец из расчета «сорокапятки». Погибли два человека из экипажа «Коммуны». Старший сержант Тарасюк назначил меня первым номером расчета, а в помощь капитан выделил одного из моряков.

Крепко досталось и «Коммуне». В стенах палубных помещений виднелись дыры от попаданий снарядов и мелкие отверстия от пуль. Обе спасательные шлюпки были выведены из строя, в некоторых местах горело пропитанное краской дерево. Начинаясь пожар быстро потушили. Мишка из трюмной команды поднялся ко мне покурить. Я видел, как тряслись у него руки и сыпался табак. Парень был перепуган, хотя старался этого не показать. Рассказал, что от взрывов бомб в машинном отделении лопнуло несколько мелких соединений, а его чуть не обварило струей раскаленного пара.

— Думал, каюк пароходу. Два раза так трянуло, что с ног валились.

Я понимал состояние чумазого приятеля, которому, как и мне, было семнадцать лет. Наверху страшно и опасно, а в коробке трюма еще страшнее. Переборки и люки задраены. Если случится попадание, неизвестно, сумеют ли выбраться. Трюмные команды на тонущих кораблях нередко идут ко дну, не успев открыть люки. Жутковато. Сутки мы простояли в узкой протоке, приводя судно и оружие в порядок. Но все это были мелочи по сравнению с трагедией переправочной баржи. На ней погибли от взрыва бомбы, пуль,

утонули в холодной воде более четырехсот красноармейцев.

Переправа не прекращалась ни на один час. Это не преувеличение. К избитому буксирному пароходу прицепили паром, деревянный, открытый со всех сторон. Он продолжал совершать рейсы. Сейнер тащил за собой рыбацкий баркас с мачтой для паруса. К вечеру подогнали еще один буксирный пароход с баржей. Оказывается, он работал на переправе до нас, но получил сильные повреждения, которые устраняли на судоремонтном заводе в Красноармейске.

Вечером, уже в темноте, мы ужинали все вместе. Капитан произнес короткую речь, поблагодарил экипаж, вспомнил по именам погибших, и мы выпили за них. Потом наливали еще. С непривычки захмелел, потянуло на сон, и я проспал до утра. Утром, загрузив две роты пополнения и боеприпасы, шли к левому берегу. По реке от Сталинграда плыли обгорелые обломки, трупы людей. Их никто не подбирал. Я знал, что течение выбрасывало тела на песчаную косу за Светлым Яром. Там погибших собирала специальная команда и хоронила.

За победой в Сталинграде, до которой оставалось еще четыре месяца, стояло не только мужество, упорство наших бойцов и командиров, но и трагедия мирного населения города. Об этом не слишком распространялись. Многие я узнал лишь в девяностых годах.

Ко времени страшной бомбежки 23 августа 1942 года в Сталинграде насчитывалось около 500 тысяч человек гражданского населения. По разным оценкам, только за один этот день погибли от сорока до пятидесяти тысяч жителей. Бомбежки продолжались

каждый день, принося новые жертвы. Почему вовремя не эвакуировали людей? Сталину приписывают такую фразу: «Пустой город солдаты оборонять не будут». Лично я в нее мало верю. Дрались насмерть не только за города, но и за километры нашей земли, безымянные высоты, плацдармы. Считаю, что дело было в другом. Слишком быстро менялась обстановка на фронте. Двадцать третьего августа немцы прорвали фронт у реки Дон. За полдня, преодолев расстояние свыше 70 километров, немецкие танковые части вышли к берегу Волги севернее Тракторного завода.

Никто не ожидал такого развития событий. В городе действовали 120 промышленных предприятий, большинство оборонного значения. Они продолжали работать. Выпускали орудия, танки, боеприпасы. Предприятия и рабочих, в том числе их семьи, не эвакуировали. А затем уже стало поздно. Немцы наступали стремительно, Волга оказалась под огнем. Люди погибали возле пристаней и во время переправы под ударами немецкой авиации. Многие жители оказались в захваченной части города. В газетах, которые нам подвозили в октябре сорок второго, расплывчато сообщалось, что немцы сумели захватить лишь небольшую часть Сталинграда. К сожалению, эта часть оказалась очень большой. На протяжении 25 километров наши войска обороняли узкую полосу берега, в среднем шириной метров двести.

В октябре немцы вели особенно интенсивное наступление, стремясь сбросить защитников города в Волгу. Им это не удалось. Гибли тысячи бойцов, но те, кто попадали в Сталинград, знали, что отступить некуда. Выход был один — драться до конца.

Наша переправа под Светлым Яром продолжала действовать. Правый берег, как гигантский удав, поглощал роты, батальоны, полки.

Большинство гибли в сражении. Назад возвращались лишь раненые. Дни октября, бессонные, тяжелые, сливались в одну сплошную череду рейсов с одного берега на другой. Порой ночью я засыпал прямо у пулемета, под мерное шлепанье пароходных колес. Мой второй номер держал вахту вместо меня. Кажется, парня звали Николай, и он просил пострелять из пулемета. Но я не разрешал.

— Настреляешься, когда меня убьют, — склеивая самокрутку, отвечал я.

Неправда. Я не верил в свою смерть. В семнадцать лет все бессмертны. А люди вокруг умирали. Колхозный паром разбили через пару дней. Остатки корыта, с торчавшими досками, несло течением вниз. С буксира подбирали людей и вели огонь из пулеметов огонь по «Юнкерсам». Мы тоже стреляли, и все вместе сумели сбить один «Юнкерс-87». Я всадил в него длинную очередь с расстояния трехсот метров. Возможно, мои пули сыграли какую-то роль, но сбила самолет «сорокапятка», переломив снарядом крыло. «Юнкерс» врезался в воду и мгновенно исчез.

В октябре над переправой стали чаще появляться советские истребители. Иногда мы видели воздушные бои. Падали и наши и немецкие самолеты. Наших — больше. Мы переживали за «сталинских соколов». Когда они пролетали над нами, мы чувствовали себя защищенными.

Однажды с высоты переправу проутюжили тяжелые бомбардировщики «Хейнкель-111». Запомнилось, как плыли в небе огромные махины, с застекленной

мордой и кабиной на брюхе с двумя пулеметами. Под прикрытием «Мессершмиттов» они сбрасывали пачками бомбы различного калибра. До «Хейнкелей» было больше полутора километров, но я все равно стрелял. Они уничтожили пристань и зенитную батарею на левом берегу, повредили баржу, которую все же сумел вытащить на берег буксирный пароход. Баржа утонула бортом в песок. С нее прыгали прямо в мелководье люди и лошади.

Большинство спаслись в прибрежном лесу благодаря смелости капитана и команды буксира. Взрывная волна и осколки бомб снесли, издырявили палубные надстройки. Погибли и получили ранения половина команды буксира, расчеты двух пулеметов. «Мессершмитты» подожгли сейнер. Он огромным костром, с замолкшим двигателем плыл вниз по реке. Тяжелые бомбардировщики улетели безнаказанные. Может, на обратном пути их перехватят наши истребители. А один из «Мессершмиттов» сбили. Снаряд 37-миллиметрового автомата прошел насквозь фюзеляж возле хвоста. Пилот в отчаянной попытке спастись попытался набрать высоту. Самолет под градом пуль взвился метров на двести и рухнул вниз, разбившись о воду, как о твердый грунт.

Чего только не перевозили мы за октябрь. Красноармейцев и командиров, беженцев, раненых. Переправляли на правый берег орудия и минометы, бочки с селедкой, мешки с хлебом, сухарями, мукой, ящики с боеприпасами и консервами. С правого берега везли порой неожиданные грузы.

Однажды тыловики притащили множество огромных мешков. Один из них развязался. На палубу выва-

лились смятые, в засохшей крови красноармейские гимнастерки и шаровары. Мы поняли, что это вещи погибших. Для нас давно было не секретом, что убитых и умерших от ран бойцов часто раздевают до белья, в котором и хоронят. Мы понимали, что не хватает обмундирования, обуви. Не от хорошей жизни раздевают мертвых. Однако на душе становилось тоскливо при мысли, что тебя после смерти тоже могут раздеть.

Еще расскажу, какой жестокой была дисциплина. По Волге плыла всякая всячина, в том числе красноармейские обмотки. Светло-зеленые, из хорошей, кажется английской, материи. Местные женщины на берегу переговаривались, что из двух обмоток можно сшить юбку. Но никто не торопился их доставать, даже когда они проплывали совсем рядом. Боялись. Обмотки считались военным имуществом. Если подберешь и присвоишь, можно было угодить под суд за кражу (или мародерство). В те годы не шутили, очень просто было заработать лет пять-десять лагерей.

В другой раз по сходяням вкатили немецкую пушку с длинным стволом и набалдашником. Это была новая противотанковая 75-миллиметровка. Меня удивили двойной щит и компактность орудия. Трофеей вместе с ящиками снарядов везли для изучения. Позже, на фронте, мне не раз доведется встретиться с огнем этих скорострельных орудий.

Эвакуировали много раненых. От них мы узнавали последние новости. К середине октября, несмотря на продолжающиеся попытки сбросить наши войска в Волгу и постоянные обстрелы, установилось некое равновесие. Передовая застыла практически на одном месте. Немцы еще не выдохлись, но тяжелые по-

тери в уличных боях приумерили их наступательный порыв. Во многих местах нейтральная полоса между нами и немцами исчислялась десятками метров. Это мешало генералу Паулюсу использовать свое преимущество в технике, и прежде всего в авиации. Судя по всему, шестая армия Паулюса выдыхалась, а красноармейские маршевые роты и батальоны с левого берега переправлялись непрерывно.

Бесконечно везти не может. Меня ранили 24 октября 1942 года. Осколок ударил в левую руку, выше локтя, перебив кость. Я упал на колени. Сильно текла кровь. Руку перевязали, наложили шину, и я вместе с другими ранеными попал в медсанбат. Затем перевезли в госпиталь, в маленький городок Ленинск на реке Ахтуба, где я встретил свое восемнадцатилетие. Рана заживала плохо. Вместе со всякой гадостью выходили мелкие осколки костей. Помню, что в те дни очень болела рана. Мне сделали очередную операцию и наложили новый гипс.

Шло наступление советских войск под Сталинградом. Мы жадно слушали сводки по радио, читали газеты. Вернее, чаще всего читал вслух паренек-минометчик. Звали его Андрей. Он закончил десятилетку, учился где-то еще и считался в палате самым грамотным. Андрей читал хорошо, без запинок, мы его с удовольствием слушали. Но когда пытался комментировать статьи, Андрея нередко обрывали. Дело в том, что его ранили на второй день после прибытия на передовую и войны он толком не нюхал. Помню, когда Андрей заговорил про храбрость и отвагу защитников Сталинграда, его перебил боец лет тридцати:

— Еще один политрук нашелся. Ты хоть представ-

ляешь, что в Сталинграде творилось? Какая к чертовой матери отвага! Набили баржу, а ночь, как день. Пушки с высот насквозь Волгу простреливают. Я пять раз чуть не умер, пока через Волгу переправлялись. Снаряды то дальше, то ближе падают. Один как ша-рахнет, только клочья от людей полетели. Я ближе к корме стоял, так чья-то рука нам на головы свалилась. Когда высаживались, вся палуба была кровью залита, а под ногами скользко. Высадили, поднялись по обрыву. Нам говорят: «Стоп! Вот траншеи». Оглянулся, а до обрыва сто метров. Понимаешь или нет, весь город в руках у фрицев, а мы на полоске берега держались.

Боец продолжал говорить то, что многим было уже известно. Что стрелковую роту полностью выбивали за два-три дня. Раненых немцы топили снарядами в обратных рейсах. Попав на левый берег, люди не верили, что остались живы. Плакали, молились. Боец срывался на крик, ему требовалось выговориться. На губах закипала слюна. Его с трудом успокоили, едва рот не зажимали, а он продолжал выкрикивать:

— Мясорубка... брустверы из мертвецов городили. А пули в них чмок, чмок! Чтобы с ума не сойти, стреляешь по окопам и ждешь. Либо смерти, либо когда немцы в атаку пойдут. Ох, как мы их там валяли...

Андрей надулся, дня на два прекратил «политинформации». Нам стало скучно, и мы уговорили его снова читать газеты вслух. Комментировать чьи-то подвиги он уже не решался. Жизнь в госпитале однообразна. Завтрак, врачебный обход, процедуры, обед, ужин. Солдатская трепотня, шутки, долгие перекуры перед сном. Многие спали плохо. Болели раны, мучили мысли о близких.

Люди, вышедшие из жестоких боев в Сталинграде, ждали выписки с чувством тревоги, а зачастую и страха. По слухам, там продолжались сильные бои. Хотя сводки приносили новости об освобожденных городах и поселках, о потерях немецких войск, возвращаться снова в пекло не хотелось. Многие считали, что выжили чудом, а два раза чуда не бывает. В основном такое настроение было у тех, кто постарше. Молодые выписывались и уходили на фронт бодрыми, готовые бить фашистов. Но что сделать, если ночами на меня пикировали самолеты с крестами и уходили под воду корабли. Я нажимал на спуск пулемета, он не стрелял, а бомба летела на мою родную «Коммуну» и прямо мне на голову.

Пришло письмо от мамы. Словно оправдываясь, она писала, что ко мне приехать не сможет. В военкомате ей объяснили, не называя города, что госпиталь находится в прифронтовой полосе, куда въезд строго ограничен. Кроме того, по очереди простудились и переболели обе сестренки. Флигель стоит на яру, и ветер выдувает тепло. С дровами туго. Но это мелочи. Самое главное, что жив ее единственный оставшийся сын. «Просись после ранения в хозчасть. Тебе ведь только восемнадцать исполнилось», — наивно уговаривала мама. Ну, что же, я был не против. Только решать будут без меня. В тот же день я сел писать ответ, заверил мать, что в госпитале пролежу еще долго. Конечно, после ранения меня зачислят в хозчасть.

В декабре сняли гипс. Рука стала тонкой и сморщенной, сгибалась с трудом. На динамометре я выжал левой рукой всего полтора килограмма (правой — тридцать с лишним). Со мной стали заниматься

лечебной физкультурой. Худенькая, коротко стриженная медсестра Нина разминала руку и пальцы. Я с трудом сдавливал детский резиновый мячик. Всерьез испугался, что стану инвалидом. Нина, девушка лет двадцати, с темными блестящими глазами, смеялась, помогая сгибать и разгибать руку.

— Все будет нормально.

Она мяла своими тонкими теплыми пальчиками мою ладонь, и это напоминало игру. Нина мне нравилась, а в восемнадцать лет в мальчишке понемногу просыпается мужчина. Я представлял, как сейчас обниму и поцелую ее, но ни за что бы не решился это сделать. Нина казалась такой красивой и недоступной в своем коротком белом халате, туго подпоясанном в талии. Иногда мы касались друг друга коленями, и тогда я краснел. Нина замечала все, загадочно улыбалась, опуская ресницы, как это умеют делать только женщины.

Ночью в голову лезли всякие мысли. Потом я узнал, что она живет с одним из хирургов. Дня два переживал, словно меня бросила невеста. Казалось, Нина специально меня дразнила, заигрывала, хотя это было не так. Красивый, подтянутый хирург-капитан не шел ни в какое сравнение со мной, с тощим, как куренок, мальчишкой в застиранном больничном халате (один халат выдавали на троих раненых), в кальсонах с оторванными штрипками.

Потом воображаемая любовь прошла. Рана, по словам врачей, была сложной. Немецкая пуля, калибра 7,92 миллиметра, раздробила кусок кости. Кость срасталась медленно. Так же медленно восстанавливались потерявшие силу, сморщенные мышцы. Я мял резиновый мячик, без конца сгибал и разгибал руку,

начал понемногу делать упражнения с гирькой, случайно найденной возле кухни. Из палаты выписывались и снова уходили на фронт мои соседи-приятели. Некоторые получали инвалидность. Таким завидовали, если, конечно, человек не лишался обеих рук или ног.

Второго февраля отмечали победу наших войск под Сталинградом. Приготовили праздничный обед, пирожки с повидлом, компот, выдали по стакану вина. Ребята в палате собрали, что могли. Отрядили за самогоном бойкого парня-артиллериста и меня. Проведя всю зиму в палате, я с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух. Мы принесли литра два самогона, и выпивка продолжилась. Некоторые ребята, в том числе Андрей, должны были не сегодня-завтра выписываться. Андрей, отбросив обычную самоуверенность, рассказывал, что батальонные минометчики — это почти пехота.

— Самовары в ста метрах от траншеи стоят. Стрельнем пару раз, а в ответ сразу немецкие мины. Без счета...

Андрея через несколько дней выписали. Пожилой пехотинец, с заживающей култышкой руки, посоветовал мне:

— Ты, Санька, очень-то не старайся со своими упражнениями. Не торопись на войну. На твою долю останется.

— Неудобно перед ребятами, — ответил я. — Три с лишним месяца по госпиталям. Как симулянт...

— Врачам виднее. Придет время, выпишут.

Действительно, на одной из комиссий после 23 февраля мне объявили, что скоро будут выписывать. Я и сам рвался из госпиталя, хотя рука была еще сла-

бой. Выписали меня третьего марта. Солнце в наших южных краях светило днем вовсю, с крыш капало, а ночами подмораживало до минус десяти. Потолкался с неделю на пересыльном пункте. В огромной казарме было холодно, спали на голых нарах, кормили кое-как. Затем погрузили на эшелон. Сутки с небольшим куда-то ехали, потом везли на машинах, шли ночью к передовой. Оказался я на Юго-Западном фронте в 786-м стрелковом полку.

Обстановка на юге в середине марта была сложной. Наступление наших войск после победы под Сталинградом и мощного рывка на запад приостановилось, наткнувшись на сильное противодействие переброшенных сюда свежих немецких дивизий. Наши части, оторвавшиеся от тылов и баз снабжения, понемногу переходили к обороне. Фельдмаршал Манштейн со своими танковыми корпусами стремился загладить неудачную попытку прорыва кольца под Сталинградом в декабре сорок второго года. В какой-то степени это ему удавалось. В середине марта, после тяжелых боев, немецкими войсками были взяты Харьков и Белгород.

Мой новый полк, понесший большие потери после зимнего наступления, стоял в обороне. Пополнялся людьми и техникой. Я попал в первый взвод шестой стрелковой роты. Взвод насчитывал человек десять. Меня назначили командиром расчета хорошо знакомого «максима».

Пополнение шло быстро. Однако наряду с солдатами и сержантами, прошедшими подготовку или участвовавших в боях, пришли новобранцы, что называется, прямо из военкомата. Срок их учебы исчислялся несколькими днями, в лучшем случае неделями. Ору-

жие они знали лишь в теории, обращаться с гранатами не умели. Через неделю дали приказ наступать. Во взводе насчитывалось уже человек тридцать, а в роте — девяносто. Пулемет я изучил неплохо еще на «Коммуне». В первый день наступления выпустил пять или шесть лент, поддерживал атаки, заставил замолчать немецкий МГ-42. Ротный, проходя мимо, похлопал меня по плечу:

— Молодец, парень. Сразу видно, что Сталинград прошел.

Я хотел сказать что-то в ответ, но старший лейтенант уже шагал дальше, занятый своими заботами.

Наступление проходило тяжело. Лобовые атаки вызывали во мне чувство недоумения. Зачем лезть на огонь немецких пулеметов, почему не зайти с флангов? Мы несли большие потери. Один боец, не выдержав, пустил себе пулю в ногу. Опомившись, стал убеждать всех, что рану получил в бою. От своих товарищей трудно что-то скрыть, но взводному, молодому лейтенанту, не хотелось раздувать историю. Солдата запросто могли расстрелять, досталось бы и лейтенанту за низкую дисциплину во вверенном подразделении. Опросив несколько бойцов и убедившись, что никто ничего не видел, он мрачно сказал:

— Глянем. Завтра докажешь в бою!

От взвода снова осталась одна треть. Мы сидели, набивая патронами ленты, когда подошел лейтенант. Тоже похвалил меня за четкую работу расчета. Я спросил, будем ли наступать? Лейтенант помолчал, затем коротко ответил:

— Не знаю. Позже сообщат.

Привезли ужин: пшенку с бараниной, хлеб, водку, махорку. Выпили, поели и дружно задымили само-

крутками. Напряжение спадало. Я почему-то решил, что наступать не будем. Некому. Но рано утром, в темноте, подвезли завтрак. Выдали водку, граммов по двести. Кто хотел, пили больше. Взвод пополнили тыловиками, даже появился писарь из штаба с автоматом ППШ. Обстановка складывалась паршивая. Не рота, а пьяная толпа. Слышались возбужденные голоса:

— Сегодня мы им покажем!

— Намотаем кишки на штык.

Обещали сильную артподготовку, однако ничего хорошего от пьяной атаки я не ждал. Взводный позвал вчерашнего самострела и сказал, что он будет мне помогать. Второго и третьего номера расчета он забирал. За ночь у парня воспалилась рана, он хромал, на лбу выступила испарина. Я возмутился. Какой из него помощник!

— Ничего, справишься, — отрезал лейтенант. — В атаку некому идти.

— А если меня уб... — я хотел сказать «убьют», но слово застряло в горле. — Если меня ранят? Этот, что ли, за пулемет ляжет?

Второго номера лейтенант оставил. А третий стал собираться, с ненавистью поглядывая на самострела. Подхватил винтовку, вещмешок и попрощался с нами. Шел он, как на смерть. Перед артподготовкой я успел сменить самострелу повязку. У него была навывлет пробита мякоть ноги. После короткой артиллерийской подготовки роты двинулись в атаку. Снова в лоб.

Командиры, видимо, сделали какие-то выводы. На прямую наводку выкатили легкие полковые пушки и «сорокапятки». Нам, пулеметчикам, приказали следовать за цепями и вести непрерывный огонь. Как ни

странно, но пьяная атака удалась. Захватили первую и вторую линию траншей. Правда, все поле было усеяно вчерашними вмерзшими в льдистый снег трупами и сегодняшними убитыми. Мы катили со вторым номером пулемет, следом ковылял самострел.

Во второй линии немецких траншей остановились. На этот раз наступать было действительно некому. Кое-как пополненные роты снова были ополовинены. Тех, кто получил легкие ранения, пока не отпускали в тыл, ждали атаки немцев. Лейтенант, наш взводный, погиб. На его место назначили старшего сержанта в туго подпоясанной фуфайке. Обходя позиции, сказал мне:

— Готовься. Немцы атаковать будут. Как с патронами?

— Плохо. Всего полторы ленты.

— Пусть помощник на поле пошарит. У погибших полные подсумки остались.

— Слушай, старшой. Где мой третий номер? Верни его в расчет, если жив.

— Если... убили его! Справляйся сам. Вон этот хрен моржовый пусть не стонет, а вину искупает.

Он показал на съездившегося самострела, неумело набивающего пулеметную ленту. После гибели многих друзей, рукопашной схватки бойцы были взвинченные, злые. Пили трофейный спирт. Кое-кто замаживался на самострела прикладом или штыком. Мне приходилось его защищать. Второй номер, шустрый парень, кроме патронов, принес фляжку с чем-то крепким, несколько банок консервов. Мы перекусили втроем, выпили. Когда я заметил, что помощник слишком присосался к фляге, отобрал у него остатки. Набили патронами еще одну ленту.

Немцы начали минометный обстрел. Мы стащили пулемет вниз, накрыли шинелью. Съежившись, слушали, как ухают взрывы. Кричал раненый. Мина взорвалась рядом, закидав нас комьями мерзлой земли. Перебрались в блиндаж, где уже сидели человек двенадцать бойцов. Потом началась атака. Немцы поступали грамотно, перебежками. Их поддерживал крупнокалиберный пулемет и несколько обычных. Я выпустил две ленты, зарядил третью. Видел, как от моих очередей падали наступающие. Не заметил, как опустошил третью, последнюю, ленту. Думаю, с пяток фрицев свалил. Может, больше. Немцы себя берегли, когда начали нести потери, залегли метрах в двухстах. Снова начался минометный обстрел. В блиндаже мы набили остатками патронов неполную ленту.

Под сильным огнем пришлось отступить. Оставили взятую с таким трудом линию немецких траншей, тела наших товарищей. Закрепились во второй линии. Я отпустил самострела в санбат, он уже еле двигался. Второго номера оглушило куском мерзлой земли, вмяло каску. У меня жгло левую руку. Подумал, что ранили, но, сняв телогрейку, обнаружил, что открылась рана, полученная еще в октябре на «Коммуне». Помощник помог выдавить острый осколок кости. Рана ныла и свербила. Я попросил у него фляжку, но тот ее уже опустошил.

Снова попали под обстрел. К минометам прибавились пушки. Мы отсиживались в блиндаже. Снаряд угодил в крышу. Тройной накат из бревен и шпал, уложенный на обрезки рельсов, треснул. Через дыру посыпалась земля. Мы остались в блиндаже, сбившись у выхода. Считалось, что в одно место снаряд два раза не падает. Пока сидели, едва не прозевали ата-

ку, немцы находились уже в ста метрах. Я выпустил остаток ленты и взял трофейный автомат. Магазины на тридцать два патрона вылетали один за другим. Затем подобрал винтовку. Немцы атаку прекратили.

Командир роты приказал мне раздобыть патроны для пулемета. Где, не объяснил. Зато сообщил, что присвоено звание «младший сержант». Мы собрали с помощником сотни две патронов, но кожух пулемета в трех местах пробил осколками, вытекла вода. Пулевые отверстия еще можно было заткнуть тряпками. Развороченные осколочные пробоины в полевых условиях не заделаешь. Имелся бы паяльник, канифоль, олово, я бы за час, как бывший слесарь, выправил и запаял кожух. Ни паяльника, ни часа времени у нас не было. Вокруг лежали убитые, раненые уползали под пулями в тыл. В ночь мы отступили.

Куда-то шли часов пять подряд. Нестерпимо разболелась рука. Ночь и день я кое-как вытерпел, а вечером снял телогрейку, гимнастерку. Байковая нагельная рубашка покрылась коркой засохшей крови. Рука опухла, стала красной от плеча до пальцев. Я позвал помкомвзвода. Тот почесал затылок, послали за ротным. Старший лейтенант осмотрел рану. Санитар, пожилой дядька, выполнявший обязанности убитого санинструктора, сказал:

— Чего смотреть? Надо парня в санбат отправлять. Заражение может начаться.

Старлей с минуту раздумывал, затем попросил, совсем не по-военному:

— Может, останешься, Саня? Пулеметчиков в роте нет.

— Какой от меня толк? Рука не двигается. Да и «максим» поврежден.

Я понимал положение ротного. Людей осталось всего ничего, что ждет впереди — неизвестно. Но я за последние дни столько нагляделся смертей, участвовал в тупых лобовых атаках, что хотел только одного. Уйти отсюда подальше. Пусть режут, чистят рану, избавят меня от бьющей толчками боли. Старший лейтенант понял мое состояние, вздохнул:

— Ну, иди, Гордеев. Спасибо за службу.

Я козырнул в ответ, а ротный напомнил: «Лычки на погоны ему быстренько нашейте».

Погонов у меня не было. В марте сорок третьего многие еще носили старую форму с петлицами. Мне прикололи на петлицы два медных треугольника, выписали карточку переднего края, и я зашагал в санбат. Долго плутал, рука разболелась еще сильнее. Я мечтал о теплой землянке. Нашел наконец санбат. Несмотря на ночь, там шла эвакуация. Снимали палатки, укладывали на машины и повозки тяжело раненных, медицинское оборудование. Меня на ходу осмотрели, сменили повязку, сделали укол. Мест для многих раненых не хватало. Тем, кто мог идти, предложили либо ждать второго рейса, либо добираться километров сорок пешком. Оставили топографическую карту, объяснили дорогу.

Уезжала и кухня. Желающих накормили от пуза молочной кашей, отварным мясом с белым хлебом. Я чего-то пожевал и решил добираться пешком. Одна группа вышла сразу, вторая, человек двадцать, попозже. Возглавил ее капитан с перевязанными руками. Шли по дороге. Уже рассвело, все опасались немецких самолетов, но шагать по целине было слишком трудно. Наст проваливался под ногами, мы увязали в снегу. Снова вернулись на дорогу. Кто-то из

бойцов отставал. Помочь им мы ничем не могли. Трое свернули к деревушке, недалеко от дороги. Капитан крикнул вслед:

— В плен попадете!

Трое, не оборачиваясь, брели по оттаявшему мокрому снегу к деревушке. Я им позавидовал, через полчаса они будут в тепле, завалятся спать. Но мысли о плене заставляли меня шагать, забыв о боли в руке. Прошли без отдыха часов шесть. Пасмурная погода мешала немецкой авиации. Видя, что люди падают, капитан объявил час на привал и обед. Мы устроились на пригорке, под соснами. Снег здесь растаял, темнела плешина хвои. Минут пять все сидели или лежали неподвижно, затем стали доставать из вещмешков и противогазных сумок куски, торопливо жевали. У некоторых еды с собой не было.

— Отставить! — поднял забинтованную руку капитан. — Мы в одной армии служим, значит, и харчи в кучу.

Подавая пример, достал из полевой сумки банку консервов, кусок хлеба, пакетик сахара. Кто с охотой, а кто бурча, стали выкладывать на расстеленное полотноце свои запасы. Я положил полбуханки хлеба одним из первых. Кто-то жевал еще быстрее, не торопясь присоединяться к общему котлу.

— Смотри, не подавись, — насмешливо проговорил капитан.

Боец закашлялся, а все засмеялись. Еды оказалось довольно много. Капитан сразу отложил половину и приказал мне:

— Положи в вещмешок. Как фамилия, сержант?

— Гордеев, — ответил я, вставая, и неожиданно добавил: — Саня... пулеметчик.

Снова раздался смех. Саня-пулеметчик! Как по уставу чешет. Кличка приклеилась ко мне на то время, пока мы добирались до санбата и пока я там находился. А в тот пасмурный мартовский день мы жадно поглощали наш скромный обед. Делили харчи поровну. Мне достался ломоть хлеба, на одном конце которого лежали две мелкие рыбешки из консервов «бычки в томате», а на другом — горка желтоватого сахара.

Сорок километров прошли за два дня. Очень торопились. Нас подгонял гул артиллерии и немецкие самолеты. Самолеты налетали дважды. Первый раз группу не заметили и бомбили большой обоз. Второй раз один из «Юнкерсов-87» погнался за нами. Мы успели спрятаться в перелеске, но отставший раненый боец был убит пулеметной очередью. Похоронить его мы не смогли.

В конце пути повезло, подвернулась попутка, а то бы мы и третий день топали. Настолько выбились из сил, что свалились в палатке и заснули, даже не ужинавая. Началось лечение. У меня подозревали остеомиелит — воспаление костного мозга. Слово «мозг» не на шутку испугало. Чувствовал себя плохо, держалась высокая температура, по ночам бредил. Врачи говорили, что слишком рано выписали из госпиталя. К счастью, остеомиелита я избежал. Руку снова резали, чистили рану. Когда она более-менее зажила, меня оставили на месяц при санбате.

Хотя на участке нашей дивизии шли так называемые бои местного значения, раненых поступало много, особенно с осколочными ранениями. Поганая штука — осколки. Привозили ребят, сплошь издырявленных железом. Рентгена не было, часто осколки нащупывали с помощью обычной металлической спи-

цы. Наркоза постоянно не хватало, давали морфин, спирт. Кричали во время операции так сильно, что я не выдерживал, пытался уйти подальше от операционной. Я считался временным санитаром, меня сразу начинали искать. Санитарам работы всегда хватало. Выносили раненых, тазы с отрезанными руками и ногами. Идешь, а женщины тебя останавливают, достают из тазов окровавленные бинты для стирки и повторного использования. Нагляделся всяких ужасов. Как люди от заражения и перитонита умирали, как плакали, очнувшись от наркоза, безногие или безрукие парни и мужики. Изредка видел ребят без обеих ног с одной рукой или с отчекрыженными руками-ногами. Их называли «самовары». Лежали как не в себе, обколотые морфином. Вскоре «самоваров» отправляли в госпиталь. Говорили, что большинство из них умирают. Сказать откровенно, мы им не выздоровления желали, а легкой смерти. Кому ты без рук-ног нужен?

А меня пригрела санитарка Ася, женщина года на три постарше. Думаю, она просила врачей оставить меня подольше при санбате. Это я уже позже понял. Я за санбат не держался, готов был хоть завтра на выписку. Возможно, Ася мою жизнь спасла. Как я потом узнал, в то время полк вел тяжелые бои. Выписали меня в начале июня. Ася плакала, собрала в дорогу еды. Расцеловались, сел на попутную машину и поехал в штаб дивизии. Про переписку и дальнейшие встречи разговоров не было. На войне даже на неделю вперед не заглядывали, боялись сглазить. Все знали, что жизнь в любой момент может оборваться.

Я попал в свой полк. Только в другой батальон, командиром пулеметного расчета. Наведался в свою

бывшую роту, с трудом нашел двоих-троих знакомых ребят, остальные все новые. Стало так тоскливо, что больше в свою роту не приходил.

Июнь и половину июля простояли в обороне. Севернее гремела ожесточенная Курская битва. Во второй половине июля перешла в наступление наша дивизия и наш полк. Коротка жизнь пехотинца в наступлении. Хотя летом сорок третьего года нас активно поддерживали танки и авиация, атаки в степи, среди редких перелесков, заканчивались гибелью целых рот и батальонов. Как бы ни прославляли великое мастерство наших полководцев, людей гибло огромное количество. Мы, пулеметчики, двигались вместе с наступающими. Но если пехотинцы могли какое-то время отлежаться в укрытии, от нас требовали вести постоянный огонь. Немного постреляешь, и сразу меняй позицию. На «максимы» обрушивался огонь немецких МГ-42, минометов и тех самых 75-миллиметровок, одну из которых я видел на волжской переправе.

В первый же день, лежа в наспех углубленной воронке, я потерял второго номера. Нас засекли, пора было менять позицию, но вылезти из воронки означало верную смерть. Немецкие пулеметы подметали все, как метлой, мины рвались, едва касаясь земли. Второй номер, красивый рослый парень, родом из Донецка, приподнялся всего на десяток сантиметров. Пуля пробила голову вместе с каской. Кровь текла под меня, руки в агонии намертво сжали ленту. Кое-как расцепил пальцы, отодвинул помощника, а на его место лег третий номер, совсем молоденький, зеленый парнишка. На поле вокруг нас лежали трупы. Кровь быстро засыхала под горячим солнцем, откуда-то сразу собирались тучи мух.

В роте было два «максима». Один разбило миной в

первый день наступления. Исковерканный пулемет отбросило метров на пять. Расчету «повезло», погиб только один человек. Двое других, раненные и контуженные, сумели уползти. На второй день к вечеру от роты осталась половина: убили ротного, двух командиров взводов. Я с тоской понял, что завтра меня тоже убьют или искалечат. Помню, выпил больше, чем обычно, наставлял третьего номера, как управляться с пулеметом, и даже пытался написать прощальное письмо матери. Не знаю, чего бы спяну написал, но меня свалила усталость и водка.

На следующий день шел в бой с чувством обреченности, на мое бледное лицо обращали внимание другие солдаты. Но и этот день я провоевал до конца. Удачно вел огонь по немецким траншеям. Новый командир роты (бывший взводный) сказал, что я буду представлен к медали «За отвагу». Это немного встряхнуло меня, но когда шли через участок атаки, увидел десятки трупов наших бойцов и снова почувствовал тоску. У меня были ботинки с обмотками, один начинал разваливаться. Помощник показал на труп немца и предложил:

— Может, возьмешь сапоги, Саня?

— А зачем? — равнодушно отозвался я.

Утром меня ранило. Мина разорвалась справа, и я поймал несколько осколков. Кое-как забинтованный, добрался до санбата. Под новокаином вытащили шесть осколков. Два, застрявших глубоко, оставили, сказав, что требуется операция, которую сделают в госпитале. Самым болезненным было ранение в лицо. Осколок размером с половинку горошины пробил щеку и раскрошил два зуба.

В санбате, где снова встретился с Асей, пробыл

дня четыре. Ни о каких любовных делах речи не шло, я лежал пластом на койке, слабый от потери крови. Затем меня отправили в госпиталь, в город Лисичанск, где вытащили оставшиеся осколки из бедра. Мучила зубная боль, которую раньше я никогда не знал. Я невольно расшатывал обломки зубов, разодрал язык, десны. Когда немного окреп, пожилой капитан-дантист, с прибаутками, дыша в лицо спиртом, ловко выдернул остатки обоих зубов. Передохнув, сказал:

— Слушай, надо бы и третий зуб удалить. Выдержишь? Он пополам треснул, не залечишь.

Я согласился. Третий зуб полетел в эмалированную чашку.

— Ну, вот, теперь легче станет. Зубы мы тебе железные вставим.

Легче не стало. Дня через два воспалилась челюсть, раздуло щеку. Капитан почистил дырки от зубов и заверил, что ничего страшного нет. Плохо зажила глубокая рана на бедре, опухоль на щеке никак не спадала. Комиссар (или замполит) госпиталя, в звании майора, вызвал меня к себе. Задал несколько вопросов, затем неожиданно спросил:

— Ты холодную воду специально пил, чтобы воспаление вызвать? Хочешь подольше в госпитале поваляться? Ты и так уже полвойны пролечился.

Будь этот разговор месяца два назад, я бы, наверное, смолчал. Но из меня уже выходило мальчишество. Я становился бывалым и злым солдатом, не раз ходившим под смертью и имевшим на счету достаточно убитых врагов. Вытер слюну, сочившуюся изо рта, и ответил:

— Валяются пьяные в канаве. А меня два раза в бою ранили. В бою! Вы хоть знаете, что это такое?

— Молчать!

Но меня уже прорвало. Я орал что-то бессвязное, комиссар тоже кричал. В кабинет вбежала женщина-врач, утащила меня. Я вырывался и требовал выписки на фронт. Мне сделали укол, я кое-как заснул. Вечером в палате обсуждали случившееся. Не секрет, что политработники держали везде своих осведомителей. Их обязывали писать донесения о морально-политическом настрое в подразделениях. Решили, что на меня кто-то настучал. Дни стояли жаркие, я действительно пил холодную воду.

Подозрение пало на мужичка, лет тридцати, явно залежавшегося в госпитале. Его могли оставить по ходатайству комиссара, а тот в обмен на «доброту» вполне мог стать доносчиком. На мужичка обрушились с обвинениями, потребовали объяснить, почему его так долго держат в госпитале. Не знаю, как в действительности обстояли дела, но мужичок под напором обозленных фронтовиков убежал из палаты и где-то до ночи отсиживался. Меня успокаивали, говорили, что все будет нормально. Один из бывалых бойцов оборвал остальных:

— Хватит сопли размазывать! На Саньку всех чертей могут повесить. И нарушение режима, и неподчинение начальнику... да мало ли что. Самое лучшее, если ты, Саня, сходишь к замполиту и покаешься. Майор тоже воевал, тебя поймет.

Каяться я не хотел. Видно, нервы у меня были на пределе. Начали проверку, опрашивали врачей, других раненых. Ничего не накопили. Майор затаил на меня злость. Не скажу, что он был плохим человеком. Просто кто-то из стукачей, отрабатывая свой хлеб, донес, что я специально пью холодную воду, чтобы застудить раны. Вместо разговора у нас получилась

базарная склока. Замполит хорошо понимал, что, ввязавшись в перепалку с восемнадцатилетним сержантом, он в первую очередь подорвал свой авторитет. А что ждало меня, я мог только догадываться.

От нежелательных последствий спасло неожиданное событие. На фронте дела обстояли неплохо. Пятого августа были освобождены Орел и Белгород, 23 августа — Харьков. Развесили плакаты: «Сломали хребет фашистскому зверю!», «От Курской битвы — к полной победе!». Ну, и конечно, «Слава Сталину!». В один из дней в госпитале поднялась суматоха: мыли, чистили, меняли белье. Мне достался новый халат. Ждали большое начальство.

Начальство явилось не с пустыми руками. Полковник со свитой вручал раненым ордена и медали. Я получил медаль «За оборону Сталинграда», чему был немало удивлен. Сколько месяцев прошло! Полковник задержался возле меня. Сказал несколько слов о том, что сталинградцы всегда сражаются отважно, и пожелал скорого выздоровления. В свите был и замполит. Конечно, он соглашался с полковником, После этого майор делал вид, что меня не существует. В последних числах сентября я был выписан. Несмотря на то что пролежал в госпитале около двух месяцев, в справке прочитал: «легкие осколочные ранения». Ничего себе легкие! Восемь осколков. Все бедро расплосовали, пока последний кусок железа достали.

Я шел на фронт со смешанным чувством. Госпиталь надоел хуже горькой редьки. Но мысли о том, что снова дадут пулемет, буду постоянно под огнем, тревожили и даже пугали. Опять кантовался в запасном полку, который остался в памяти тесно набитыми ка-

зармами, строевой подготовкой и очень плохой кормежкой. Теперь я уже рвался на фронт. Там, по крайней мере, нет муштры, забора с колючей проволокой и кормят нормально.

Снова попал в стрелковый полк, который вскоре перебросили на северо-запад. Освобождал Белоруссию, Польшу. Командовал отделением, затем присвоили звание «старший сержант» и назначили помощником командира взвода. В конце июля, недалеко от Варшавы, получил тяжелое ранение. Не дошел до реки Висла километров десяти.

Будь она неладна, эта Польша и Висла! Сколько могил оставили, не сосчитать. Обидно сознавать, что на нас как на врагов там сейчас смотрят. Ведь, освобождая Польшу, погибли 600 тысяч советских солдат и офицеров. Подвыпив, пою иногда:

В полях за Вислой сонной,
Лежат в земле сырой,
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой...

Может, слова перевираю, но песня мне нравится. За душу берет. Ну, ладно. А теперь про тот последний бой.

Попал под раздачу крепко. Во взводе оставалось человек тринадцать. Немцы оседлали высоты, мы их оттуда выбивали. Нам хорошо помогали самоходки СУ-122. Вместе с полковой артиллерией они разбивали укрепления, минометные батареи. Раза два атаковали неудачно. Потом подошли танки. Они на полном ходу смяли оборону, следом подошли мы. Гляжу, там «тридцатьчетверка» горит, подалее вторая, третья...

Четвертую на буксире в тыл тащат. Самоходкам тоже досталось. Броня у них слабоватая. Одна взорвалась, ее, как консервную банку, разворотило. Мимо пробегаю, гляжу, куски тел лежат. Их там пять человек было, ни одного целого тела не осталось. Вздохнул, побежал дальше.

Немецкие траншеи разворочены, всё с землей смешано. Ребята повеселели, а тут немецкие снаряды посыпались. Где, какой снаряд взорвался, не помню. Ударился лицом о землю с такой силой, что из носа кровь брызнула. Думал, споткнулся. Приподнялся, а левая рука подломилась. Снова ее перебили. На этот раз ниже локтя. Потерял сознание, очнулся, меня санитары на повозку грузят. Голый по пояс, весь перебинтованный. Пытаюсь кричать: «Гимнастерка! Там документы, комсомольский билет, награды». Из горла только шипение. Санитары меня поняли. Подсунули ближе гимнастерку, а она липкая, вся в крови.

Кроме руки, осколки повредили легкое, сломали два ребра, насквозь пробили ногу. Меня сразу отправили в госпиталь. Сделали одну, вторую операцию. Пролежал месяца три, затем отправили в легочный санаторий под Сочи. Уже решался вопрос о комиссовании по инвалидности. Я в санаторий ехать не хотел. Просил, если решили комиссовать, отправьте домой. Нет, езжай в санаторий! Так закончилась для меня война. Какие награды имею? В Сочи ехал с медалями «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». Позже получил медаль «За победу над Германией» с профилем Сталина. Любое воспоминание о покойном вожде у некоторых вызывает раздражение. А что Сталин? Меня воспитали на уважении к нему. Кто после Сталина страной рулил, послабее будут.

В Сочи чуть не женился. Познакомился с женщиной, звали Зина. Она в санатории работала, имела свой дом, дочь три года. Пока восстанавливал здоровье, несколько раз проходил медицинское обследование. Наконец убедились, что для войны я не годен. Левая рука двигалась плохо, легкое толком не заживало. Дали третью группу инвалидности. Спрашивают: «Куда проездные выписывать?» Я хотел ответить, мол, никуда. Здесь остаюсь. Вдруг подумал про маму, сестренку, сердце защемило. Отвечаю: «Выписывайте в Сталинград».

Подруга меня не отпускала. Куда ты поедешь, тебя в поезде задавят. Я твердо настроился ехать, обещал вернуться. Зина на прощание сказала: «Не вернешься ты, сердцем чую». Но проводила хорошо, мешочек грецких орехов дала, мандаринов, еды на дорогу. Мандарины в толкучке раздавили, а орехи довез. Был февраль сорок пятого года. Сталинград я не узнал, сплошные развалины. Дошел до своего дома, он весь скособоченный, бревнами подпертый. Перед домом огромная воронка, заполненная грязным льдом. Сестренки выросли — не сразу узнаешь. Невестами стали, а у мамы седые волосы появились. Бабушка ничего, держалась, кинулась еду готовить. Засиделись за столом до ночи, наговориться не могли.

Проходили дни, недели. Я чувствовал себя неудобно в своем родном городе. Словно на кладбище попал. Большинство друзей (не говоря про отца и брата) пропали на войне. Домишко наш рушился, ремонтировать было нечем, целой доски не найдешь. Кроме того, очень плохо было с питанием, топливом для печки. Немцы все дерево пожгли, пока в окружении сидели. Я устроился слесарем на автобазу, где раньше ра-

ботал отец. Здесь случайно познакомился с бригадиром из поселка Красный Яр Котельниковского района.

Стал он меня переманивать в свой поселок. Мол, там слесари в гараже очень нужны. Колхоз дом выделит, питание в селе лучше, вокруг сады, рыбы много, рядом Дон. Обещал подумать. Глянул на себя в зеркало — кожа да кости. В домишке холодина, у меня постоянный кашель, легкое не заживает. Иногда пятна крови на платке оставались. Вспомнил про Сочи, вздохнул. Там климат целебный. Но не потащишь же туда всю семью? Бросать своих я не хотел, единственный мужик остался.

В общем, в начале лета сорок пятого переехали мы на Дон, где я вскоре женился, родились два сына и дочь. Сестренки замуж вышли. Годы быстро летят. Иногда бываю в Волгограде. Однако больше чем на день-два не задерживаюсь. Слишком многое напоминает о прошлом, о погибших родных и друзьях. Мои ровесники почти все с войны не вернулись. Наш овраг понемногу засыпают землей, возводят дома. На месте бывшего поселка и густой рощи поставили многоэтажный гараж. Недавно даже церковь недалеко от нашего исчезнувшего дома появилась. У детей уже свои дети. Дай им Бог не видеть войны!

Я ПРОШЕЛ ШТРАФНУЮ РОТУ

Первая атака закончилась неудачей. Огонь был такой сильный, что мы намертво застряли посреди нейтралки. Приказы на отход штрафникам давали редко. Только вперед! Ситуация складывалась настолько безнадежной, что сверху решили сохранить хотя бы половину роты. Для новой атаки. Так судьба подарила многим из нас еще один день жизни.

Малыгин Н.В.

Николай Васильевич Малыгин — мой земляк, родом из села Коржевка Инзенского района Ульяновской области. Собирать материалы о фронтовиках сейчас непросто. Затрудняет общение возраст собеседников, порой раздражение пожилых людей, которые чувствуют себя забытыми. И просто нежелание вспоминать о страшных днях войны. В большей степени это касается городских жителей. С сельскими земляками попроще. Они с серьезностью относятся к моей работе. Мы подолгу беседовали с Николаем Васильевичем. Он рассказал мне свою военную судьбу и даже поделился воспоминаниями о пребывании в штрафной роте. Эту страницу биографии он не то

чтобы скрывал, но старался о ней не упоминать. «Ну, уж если начал писать, пиши тогда всё», — подумав, объявил Николай Васильевич.

Я родился 14 апреля 1924 года, в селе Коржевка, в 45 километрах от станции Инза. Село наше большое, расположено в окружении лесов, в километре от реки Сура. Места красивые. Я их ни на какую Швейцарию не променяю. Поляны среди березовых рощ в июне усыпаны земляникой. Она поменьше городской, садовой, зато запах и вкус совсем другой. Перед войной и во время войны, когда сахара не было, мы как лакомство ели наше «фирменное блюдо». В большую миску мама насыпала собранную землянику, часть ягод давила ложкой и заливала молоком. Сидели всей семьей и хлебали вкуснятину.

Семья у нас была большая. Пятеро детей. Старшая сестра, Катя, 1923 года рождения, затем я, еще две сестры и самый младший, Федя, 1929 года. Еще с нами жили родители отца. Так что за стол садились без малого десятков человек. Умиляться нашей довоенной жизнью не буду. Хотя тогда проще было. Люди так за деньгами не тянулись, помогали друг другу. В колхозе платили слабо. По осени отец, дед и старшая сестра получали мешков пять ржи, сколько-то гороха, свеклы, чего-то еще по мелочи. Картошку выращивали сами, вспахивали по весне бороной огромный огород. Урожаи были хорошие, ульяновская картошка славится. В лесу собирали ягоды, грибы, орехи.

Деревенская жизнь интересная, хотя трудиться приучают с малых лет. У нас многие выращивали гусей. Умная птица, но своенравная, хлопот с ней много. Часто уходят за два-три километра от дома, плава-

ют в озере. Украсть гуся (не было у нас тогда краж!) невозможно. Если чужой человек схватит зазевавшегося гусенка, вся стая поднимает гогот. К ней присоединяются остальные стаи. Шум стоит по всей округе. Ходишь, ищешь свой выводок, гонишь хворостинной домой или пасешь на лужайке, чтобы опять не удрали.

Вспоминаю, как носили еду отцу и другим мужикам на покос. А еда такая. Малосольные огурцы с рассолом из погреба, горячая картошка. Все в тряпки замотано, чтобы рассол не нагрелся, а картошка не остыла. Еще хлеб домашний, яйца, зеленый лук. Холодный рассол наливали в большую чашку, крошили туда огурцы, лук и хлебали, заедая картошкой и яйцами. Нас, детей, косари вместе с собой сажали. Ох, вкусно было! Затем ложились в тень и, закрыв лицо платком от оводов, спали час-полтора. Домой возвращались гордые, с пустой глиняной посудой. Большое дело. На обратном пути собирали землянику, мелкие ранние грибы-маслята. Ну, это когда нам лет по десять-двенадцать было. С четырнадцати мы уже наравне со взрослыми сено косили.

Колхозных трудодней и огорода на большую семью не хватало. Хочешь, опишу, какая «мебель» у нас была? В проходной комнате, она же кухня-столовая, вдоль стены тянулась лавка. Самодельный стол, табуретки, деревянная кровать, на которой спали дед с бабкой. В «передней комнате», то бишь зале, тоже все было самодельным: платяной шкаф, стол, табуретки, еще две деревянных кровати, где спали сестренки и мы с братом. У родителей имелась отдельная спальня за тонкой деревянной перегородкой, которая свободно пропускала все звуки. Из покупных вещей имелось большое зеркало и два самовара. Посуда состояла из

чугунков разного размера и глиняных горшков. Ложки были оловянные, большие, круглые.

Об электричестве мы не слыхали. Перечисляю все не потому, что хочу подчеркнуть бедность. Бедными мы себя не считали. Тогда ведь как считалось? Не голодаешь, обувка-одежка имеется, значит, нормально живешь. Отец и мать хотели, чтобы я закончил десять классов. Не получилось. Денег в семье не хватало, вернее, не водилось совсем. Из колхоза никуда тебя не отпускали, заработать на стороне возможности не было.

После седьмого класса отец устроил меня на лесопильный завод (заводик!), в деревне Проломиха, в тринадцати километрах от нас. Завод считался государственным предприятием, платили там по сельским меркам очень неплохо. Правда, пришлось жить на квартире. Летом я приходил домой на воскресенье, а зимой чаще двух раз в месяц не получалось. Гордился, что на мои деньги покупали материал на одежду, обувь, посуду, «городскую» белую муку, сахар.

Война обрушилась внезапно. Конечно, все мы переживали отступление Красной Армии, радовались разгрому немцев под Москвой. В феврале сорок второго года взяли в армию отца. К тому времени пропали без вести два моих двоюродных брата, погиб дядька. В апреле должны были призвать меня. Оглядываясь назад, понимаю, что не выжил бы во время жестоких боев сорок второго года, но спасла броня. Из наших высоченных мачтовых сосен гнали ценную доску для нужд фронта. Работал по двенадцать-четырнадцать часов без выходных, дома появлялся редко.

В конце августа сорок третьего года получил повестку. К тому времени меня так умотала работа, что я рвался на фронт. Подальше от непрерывного визга электропил, бесконечных смен, когда буквально засыпал, и раза два чуть не попал под зубья пилы. Работа на оборонном предприятии была не просто тяжелой, а выматывающей. Смену часто удлиняли на два-три часа. Поужинаешь, брякнешься на кровать, уже пора вставать. Не поверишь, на ходу досыпал, пока на работу шагал. Ноги сами вели. Я завидовал молодым лейтенантам с орденами, о которых писали в газетах. Чем я хуже?

Что такое война, я не имел представления. Разбили немцев под Сталинградом, на Курской дуге. Ура, мы побеждаем! Идет мощное наступление, которое не остановить. В село вернулись несколько человек, ставшие инвалидами. Крепко выпив, они пытались рассказать, что испытали. Но сильно распускать языки тогда не давали. Знаю точно, что одного мужика забрали в Инзу за то, что он слишком хорошо отзывался о немецких самолетах. Там он просидел в кутузке месяц или два, как-то избежал суда «за паникерство», но вернулся очень молчаливым. Может, и правда, не следовало в такие трудные времена рассказывать об армадах немецких самолетов. Фронтовикам требовалось излить душу, а им не давали.

Я попал в Саратовское артиллерийское училище. Мы изучали дивизионные пушки Ф-22, легкие «полковушки» с укороченными стволами, а затем знаменитую ЗИС-3, которая считалась лучшим противотанковым орудием.

Что могу сказать об учебе? Артиллерия России

всегда находилась на высоте, сильны были традиции. Преподаватели рассказывали о подвигах артиллеристов в Бородинском сражении, в Крымской, Гражданской войне. Я не говорю о действиях нашей артиллерии в Отечественной войне. Здесь палку явно перегибали, особенно на политзанятиях. Информацию в основном черпали из газет. О том, как батареи подбивали по 10—15 фашистских танков, уничтожали полчища вражеской пехоты. В эти вещи мы мало верили, однако предпочитали помалкивать.

Много внимания уделялось стрельбе с закрытых позиций. Изучали расчет траектории снарядов, многочисленные поправки на ветер, температурный режим, водные преграды. Хотя в училище брали ребят, имеющих образование не меньше семи классов, эта тригонометрия давалась многим с трудом. Я тоже путался. Преподаватели терпеливо объясняли все снова. Поднимались мы рано, ложились поздно. На теоретических занятиях, особенно по химзащите, изучению уставов, политинформациях, многие клевали носом, а кое-кто и всхрапывал.

Что больше всего вспоминается из периода учебы? За шесть с половиной месяцев я узнал нового больше, чем за всю предыдущую жизнь. Чего там говорить, если в райцентре, городе Инза, всего два раза бывал. На железную дорогу смотрел, разинув рот. А здесь учеба в областном центре. Преподаватели опытные: капитаны, майоры. Имелось несколько фронтовиков. К сожалению, о своем боевом опыте они рассказывали скупно. Правда о войне — вещь непростая. Даже сейчас любят показывать просто невероятные вещи, сказки какие-то. Бьют немцев, они только падать успевают. А тогда тем более любая ин-

формация отмерялась строго. Однако от фронтовиков мы почерпнули много полезного. Например, практические советы, что делать при бомбежке, артобстреле.

Взять хотя бы чистку орудий. После занятий мы драили учебные пушки до седьмого пота. Считали, от нас требуют слишком много. Преподаватель, бывший командир батареи, рассказывал случай, который врезался в память. Выходили из окружения, оружие было в грязи. В одной деревне попросили у хозяйки подсолнечного масла. Почистили, смазали пистолеты, винтовки, пулемет. Ну и что получилось? Подсолнечное масло загустело, затворы кое-как двигались. Пришлось в лесу костер разводить, горячей водой масло смывать. Это не совсем к пушкам относилось, зато доходчиво объясняло, что любое оружие надо содержать, как положено.

Большое внимание уделялось борьбе с бронетанковой техникой. Мы подробно изучали характеристику немецких танков, самоходок, их слабые места. В теории выходило, что 76-миллиметровые орудия ЗИС-3 были вполне способны побеждать «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды», не говоря о других машинах. В то же время возникали вопросы. ЗИС-3, знаменитая пушка конструктора Грабина, на дальности пятьсот метров пробивала семьдесят миллиметров брони, а лобовая броня «Тигров» составляла 100—110 миллиметров. Как с ними эффективно бороться? Преподаватели, ссылаясь на опыт войны, объясняли, что толстая броня решает не все. У любого танка имеются уязвимые места: бортовая часть, гусеницы, колеса. На Курской дуге целые поля горелых немецких танков остались.

Как происходило на самом деле, я не знал. Однако училище заканчивал с твердой уверенностью, что наша артиллерия самая сильная. Да и начавшийся сорок четвертый год принес новые победы: снятие блокады Ленинграда, разгром немецких войск в Корсунь-Шевченковской операции, полное освобождение Киевской, Днепропетровской, Житомирской областей. Скажи тогда, что из тридцати пяти курсантов нашего взвода половина погибнет, не дожив до победы, мы бы не поверили.

В середине февраля сорок четвертого года я попал на 2-й Украинский фронт, которым командовал генерал армии Конев И.С., в 1389-й стрелковый полк, накануне Уманско-Ботошинской операции. Она не слишком известна, но войск в ней было задействовано много и крови пролилось достаточно.

Меня назначили на должность командира огневого взвода батареи полковых пушек, или, как их чаще называли, «полковушки». В училище мы неплохо изучили эту систему. В качестве пособий использовались пушки образца 1927 года. В полк поступили прямо с конвейера, зеленые, как ящерицы, орудия нового образца. Легкие, весом 600 килограммов, с более сильной оптикой. Скажу сразу, что эти короткоствольные пушки огневой поддержки пехоты не вызвали у меня восторга. Само название говорило об их применении в рядах атакующих.

Должности в армии не выбирают. Тем более двое выпускников нашего взвода (фамилии в памяти не остались) попали в батарею «сорокапяток», предназначенных для борьбы с танками. Тех вообще называли: «Прощай, Родина!» Встретили меня хорошо. Коман-

дир батареи, капитан Аникеев Петр Емельянович, опытный артиллерист, воевавший с сорок второго года, познакомил со взводом, немного рассказал о людях. Сразу отмел слухи, ходившие среди курсантов, что личный состав батареи «полковушек» долго не живет.

— Я ведь живой. И другие ребята год-полтора воюют. Научись умело действовать, прислушивайся к опытным бойцам. У тебя командир первого орудия — молодец.

Фамилия «молодца» была Вялых. Крепкий, веселый старший сержант в бушлате имел две медали. Форма на нем сидела, как влитая, яловые сапоги блестяли, на поясе висела кобура с трофейным пистолетом. Он месяц исполнял обязанности командира взвода и сразу постарался показать, что держит взвод в руках. Два десятка бойцов и сержантов были побриты, старенькая форма аккуратно заштопана. Помню, меня удивили белые подворотнички.

Отношения со старшим сержантом Вялых складывались непростые. Не скажу, что он игнорировал меня или настраивал людей против. Однако первое время мои приказы дублировались через него. Я не знал мелочей. Например, проблемы с кормежкой лошадей. Приходит ездовой и, отдав честь, докладывает, что кончился овес. Всё официально, по званию, разрешите обратиться. А ведь во взводе обращались без чинов, козыряли только капитану Аникееву. Начинаю бегать, искать овес. Хорошо, что вырос в селе, знал, чем его можно заменить. И все равно наталкивался на трудности. Снабженцы отвечали, что подвоза не было, обходитесь сами.

Во второй раз беготня надоела. Вызвал ефрейто-

ра (хитрован еще тот!), который ведал хозяйством взвода. Он начал было валять дурочку, ничего не знает, с овсом туго. Я пригрозил перевести его в боевой расчет. Вечером откуда-то взялся овес и небольшая скирда сена. Помкомвзвода Вялых не торопился помогать. Позже я понял, что он присматривается. Не велика была моя должность, но жизнь взвода во многом зависела от его командира. Если попадетя упрямый дурак — беда! Я понял, что отношение ко мне может перемениться лишь после первого боя.

Капитан Аникеев был своеобразным человеком. Мне и второму командиру огневого взвода, тоже «шестимесячному» младшему лейтенанту, говорил так: «Сопляки вы еще! Смотрите больше на меня, чему-то научитесь». Любитель выпить, он стал приглашать меня в компанию лишь спустя время, когда я немного «обкатался» в боях.

Перед наступлением на Умань происходили бои местного значения. И мы, и немцы прощупывали силы друг друга, выравнивали линию обороны или наступления, активно велась разведка. В конце февраля возле поселка Новгородка состоялся мой первый бой. Я из него мало что запомнил. Оказаться впервые под огнем, увидеть бьющие в тебя пулеметы на расстоянии 500 метров, — настоящее испытание для новичков. Я терялся, путал команды. В какой-то момент, оттолкнув наводчика, сам встал за прицел. Фактически перестал руководить взводом, выполнял команды старшего сержанта Вялых.

Запомнились немецкие каски и лица врагов, приближенные оптикой. Точно знаю, что разбил пулемет, а всего орудие выпустило около сотни снарядов. Полк

продвинулся на километр. В моем взводе погиб один человек, троих отправили в санбат. После боя, придя в себя, ожидал нахлобучки. Аникеев указал на кое-какие недостатки, вскользь заметил, что находиться за прицелом не мое дело. Но в целом похвалил. Наладился контакт со взводом. Выпили вместе с Вялых и командиром второго орудия. В компании были еще два сержанта из старичков и тот ефрейтор, который сразу пообещал мне сменить поношенные сапоги. Позже я понял: главной моей заслугой было то, что я все время оставался возле орудий. Ну, а большего от меня не ждали. Взводом фактически командовал Вялых.

Второй бой, происходивший через сутки, оказался для полка и батареи неудачным. Что хуже всего, я начал бояться. День назад я думал лишь о том, чтобы не ударить в грязь лицом, не дай Бог, посчитают трусом. Сейчас я видел картину боя, отдавал команды, но шкурой чувствовал, как летят мины, свистят осколки и пули. Ко мне бежал связной от комбата, хотел что-то передать. Осколок мины пробил насквозь каску и макушку головы. На истоптанный, талый снег натекла лужа крови. Вялых глянул на убитого и сказал:

— А ты, Николай, требовал каски надевать.

Шапка с каской мешали слышать команды. Да и никудышняя это была защита. Жестянка. Не сравнить с немецкими касками. Потом в моем расчете ранило заряжающего. Когда сняли шинель, я увидел измочаленную, мокрую от крови гимнастерку, рука болталась на сухожилиях. Я справился с растерянностью, оказал помощь раненому и послал бойца к комбату узнать, что он хотел.

В этом же бою мне пришлось вести огонь по дзо-

ту. На учебных стрельбах в Саратове я со второго-третьего выстрела поражал мишень размером с деревенское окошко на расстоянии полкилометра. Здесь же выпустили штук пятнадцать снарядов, пока не попали в амбразуру. В тот день в нашем взводе убило сразу двух бойцов. Их расшвыряло взрывом снаряда. Оба лежали сплюснутые, словно попавшие под колеса огромной машины.

Шестого марта началось наступление фронта. Недалеко от города Умань я впервые столкнулся с немецкими танками. В боекомплекте каждого орудия, кроме осколочно-фугасных и бронебойных снарядов, имелось по десять штук подкалиберных. Дело в том, что короткий ствол «полковушек» не давал возможности разгонять до нужной скорости бронебойные болванки. Орудия не предназначались для борьбы с танками. Достаточно сказать, что, по расчетным данным, бронебойные снаряды на полкилометра пробивали всего 30 миллиметров брони. А лобовая часть большинства немецких танков превышала 50—70 миллиметров. Подкалиберные снаряды были гораздо эффективнее.

Кто не дрался с танками, тот еще не артиллерист! Так говорили. Я ощутил это на себе. Напряжение страшное, танки идут очень быстро. Первыми огонь открыли дивизионные пушки ЗИС-3, стоявшие недалеко от нас. Лупили они — будь здоров. Скорострельность высокая, как будто огромный пулемет молотит. Подбили один танк, второй. Немцы сменили направление и краем шли на нас. С четырехсот метров по сигналу Аникеева ударили и мы. Тут уже команды были не нужны. Вялых работал с одним орудием, я — со вторым. Двадцать подкалиберных снарядов вылетели

за пару минут. Подбили Т-4. Его на буксире пытались оттащить, но если танк остановился, это все, конец.

Стреляли бронебойными и фугасными. Взвод ПТР со своими длинными ружьями нам хорошо помогал. Плотность огня была высокая. Танк подожгли, а второй, который действовал в качестве буксира, повредили. Оторвался от орудия, спрашиваю у Вялых: «Ну, как?» Он головой в сторону первого взвода кивает. Мама родная! Одна пушка на боку без колес валяется, щит погнут, кто-то пытается встать, а не может.

Контратаку мы отбили. Потеряли одно орудие и человек шесть погибли. Однако наступление шло удачно. Меня представили к медали «За боевые заслуги». Десятого марта я был ранен. Мина разорвалась позади. Два осколка попали в ягодицы и два в спину. В горячке продолжал командовать. Меня едва не силком оттащили в сторону. Не потому, что такой герой. Просто пережитое напряжение не давало угмониться. Потом голова закружилась, даже вздремнуть пытался, когда перевязывали. Растволкали, повели в медсанбат.

Осколки, попавшие в спину, вытащили быстро. Зато ягодицы резали, как кусок мяса. Все под новокаином. Он вскоре действовать перестал, боль страшная. Чтобы не кричать, я ругался, бормотал всякую чушь. Мне было стыдно, что осколки попали в задницу. Хирург утешил, сказав, что мне повезло. Один из осколков (мне его затем оставили на память) вошел в мякоть, рядом с копчиком, а это, считай, позвоночник. С ним шутки плохи. В санбате пролежал тридцать шесть дней, затем снова вернулся в полк, который продвинулся на запад. Аникеев и ребята из батареи встретили меня с объятиями.

— Ну, вот, снова воевать будем, — сказал капитан. — Тебя тут медаль дожидается.

Медали я был рад, но, увидев множество новых лиц, понял, что потери понесли большие. На месте командира первого взвода был уже другой «шестимесячный» младший лейтенант. От моего взвода осталось совсем мало ребят, с кем я начинал воевать. Убыли с тяжелыми ранениями оба моих товарища, с которыми я прибыл из Саратова. Выжили они или нет, не знаю.

Период с мая по сентябрь сорок четвертого года запомнился боями, контратаками, а временами и отступлением. Но в целом армия двигалась вперед. В августе начались бои в Румынии. Двадцать первого августа был взят крупный город Яссы. Румыния — страна бедная, мужчины и женщины чернявые, похожие на цыган. Первое время от нас прятались (все же бывшие союзники Германии!), затем отношения наладились. Нам категорически запрещали лезть на подворья за едой. Да у румын особенно и брать было нечего. Однажды зашли в хату, предложили хозяевам румынские деньги, которые нам выдали. Попросили поесть, что почем, не знали. Просто положили пачку красных банкнот. Нас угостили кукурузной кашей-мамалыгой, политой маслом.

Каша мне не понравилась. Зато вино было хорошее. Холодное, слегка сладковатое. Мы выпили кружки по три. Наполнили фляги и, кроме того, хозяева дали нам кувшин с вином, литров на семь. Денег взяли немного, несколько бумажек. Когда провозжали, кланялись. Мне стало неудобно. Я сказал: «Чего вы кланяетесь? Мы ведь тоже простые люди. Освобождаем вас от фашистов».

Настроение у меня было приподнятое. В батарее я стал окончательно своим, получил вторую звездочку на погоны. Однако на войне не знаешь, что будет завтра. В сентябре я влетел в историю, которая закончилась штрафной ротой.

Как не раз бывало, излишняя торопливость при наступлении оборачивалась для наших войск крепкими ударами немцев с флангов, а то и окружением. Севернее города Тыргу-Муреш немцы нанесли сильный контрудар. Полку, дивизии, еще каким-то подразделениям пришлось отступить. Как всегда, началась неразбериха. Ведь приказ Верховного «Ни шагу назад!» продолжал действовать. Самое дрянное в таких ситуациях — командование не торопилось давать приказы на отход. Чего-то ждали, кто-то сражался, а некоторые части, чтобы не попасть в плен, отходили на свой страх и риск.

Сразу скажу, винить никого не собираюсь. Мне уже было двадцать лет, воевал с февраля, считался обстрелянным командиром. Знал, что к чему. Батарея расстреляла почти все снаряды, осталось всего два орудия. Капитан Аникеев дал приказ отходить. На дороге нас догнал передовой отряд наступающих немцев и венгров. Бежать дальше означало погибнуть под огнем в спину. Остатки пехотного батальона, наша батарея и несколько «сорокапяток» вступили в бой. Помню, выпустили все снаряды до единого. Сообща подбили танк, бронетранспортер, отогнали немецкую пехоту. Я стрелял из ручного пулемета. Слышу, зовут старший сержант Вялых:

— Николай, иди сюда. Капитана убили.

Смерть Аникеева меня потрясла. Полгода на

фронте можно смело приравнять к 5—10 годам обычной жизни. Человека узнаешь и запоминаешь навсегда. Я считал, что Аникеев, или «Емельяныч», как мы его часто называли, всегда перехитрит смерть. Мы были за ним как за каменной стеной, верили в его удачу и опыт. И вот он лежал мертвый. Мне, единственному оставшемуся в живых офицеру, пришлось принять батарею: два уцелевших орудия без снарядов, три десятка человек, семь или восемь лошадей. У нас имелись ручной пулемет, автоматы, запас гранат.

Положили тело капитана на оружейный передок и двинулись дальше. Местность называлась Трансильвания: горы, быстрые речки, сосновые леса. Подошли к одной такой речке, а мост взорван. В походном положении наши орудия весили тысяча триста килограммов. Я понял, что через речку с быстрым течением и порогами, крутыми каменистыми берегами пушки не перетащить. Послал людей вверх и вниз вдоль речки, поискать более отлогое место. Стояли на обочине возле взорванного моста, чего-то ждали. Мимо проходила пехота. Какой-то капитан крикнул:

— Чего ждете? Немцы на пятки наступают. В плен захотели?

В плен мы не хотели, но бросить орудия я не мог. Выкопали могилу, похоронили нашего комбата, а разведчиков все нет. Ждать дальше было опасно. Если немцы выйдут к мосту, то отступить будет поздно. Нас перебьют, пока мы спускаемся да поднимаемся через русло реки. В общем, досиделся. Появились немецкие мотоциклы и легкий бронетранспортер. Принимать бой? Бесполезно. У них имелся крупнокалиберный пулемет.

Приказал снять с пушек панорамы, затворы, сунули в стволы по гранате. Русло переходили под огнем. Человек восемь погибли, раненые бежали, держась за лошадей. Господи, как я желал, чтобы меня тоже ранили! Пули и осколки летели мимо, а через сутки мы вышли к штабу дивизии. Вывел я человек пятнадцать бойцов, пять лошадей и, как оправдание, принес панорамы от орудий. Спрашивают:

— Ты был за командира батареи?

— Так точно. Только в ней всего два орудия без снарядов оставались.

И сую невпопад обе панорамы. Майор из штаба дивизии крикнул:

— Сунь их себе в задницу! Бросил орудия?

— Никак нет. Взорвал.

— Ну, иди, глаза бы тебя не видели.

Мне стало обидно, я молча ушел. Считал, что инцидент исчерпан. Однако вечером меня забрали. Я оказался под следствием.

От суммы и от тюрьмы не зарекайся. Верная пословица. Следствие, а особенно пребывание в темном вонючем подвале с ведром-парашей, сразу дало понять, что я попал в беду. Сначала меня в чем только не обвиняли. Оказывается, я совершил несколько преступлений. Это было и самовольное оставление поля сражения, утрата военного имущества, оставление противнику средств ведения войны и что-то еще. Сроки светили огромные, а в конце каждой статьи Уголовного кодекса указывалось, что деяние, совершенное в военное время, предусматривает смертную казнь.

Били меня или нет? Если не считать пары-тройки

оплеух, полученных от особиста, со мной обходились довольно вежливо. Я ведь рассказал все, как было. Солдаты и сержанты, отступавшие вместе, подтвердили показания. Следователь военной прокуратуры делал нажим на то, что, имея оружие, боеприпасы, мы уклонились от боя и отступили. Наверное, он представлял войну по газетам и считал, что мы вполне могли справиться с передовым немецким отрядом.

— Сколько вас оставалось возле так называемого разрушенного моста? — спрашивал он.

— Двадцать два или двадцать три человека. Человек семь я послал искать брод.

— Перечислите, какое оружие у вас имелось?

— Ручной пулемет, карабины, автоматы. Ну, гранат еще сколько-то.

— Вот, — торжественно уличал меня молодой следователь. — А против вас, согласно показаниям, действовали три немецких мотоцикла и броневик. Их, что, нельзя было уничтожить? Ведь вас было больше.

Складывался никчемный бестолковый разговор. Слово «уничтожить» казалось следователю простым и понятным. Как в кино. Подползти к глупым фрицам с тыла и забросать гранатами. Бесполезно было доказывать, что немецкая разведка на трех мотоциклах и бронетранспортере состояла из двенадцати-пятнадцати человек, вооруженных как минимум тремя пулеметами, в том числе одним крупнокалиберным. Они ближе ста метров нас бы не подпустили.

В документах следствия появились такие слова, характеризующие мою никчемную личность: пассивность, неумение командовать и, наконец, преступная трусость. Я превращался в довольно мерзкого типа. В чем-то следователь был прав. Может, и надо было

вступить в безнадежный бой, положить остатки батареи, погибнуть самому. Тогда сумевшие выбраться солдаты (в лучшем случае — один или два) показали бы, что батарея славно сражалась и осталась на камнях безымянной румынской реки.

В подвале, где я сидел, находилось человек десять. Здесь я познакомился со Степаном Архипкиным. Мелкий, морщинистый мужичок, лет тридцати, оказался моим земляком из города Алатырь, километрах в ста от Коржевки. Он был буквально придавлен арестом и маячившим впереди приговором. Архипкин пробыл на фронте недели полторы, до этого не брали по здоровью. Попал под следствие по величайшей глупости. Приятель из роты уговорил Степана пальнуть ему в руку. Мол, недельки две в санбате хочу полежать, устал от войны. Как признавался Архипкин, сказано было с такой убежденностью, что он согласился. Стрельнуть... отдохнуть, подумаешь, мелочи. Винтовка в руках неопытного бойца тряслась, пуля перебила кость. Тяжелораненого увезли в госпиталь, а Архипкина сунули в подвал.

С нами вместе сидели разные люди. Некоторые вляпывались по пьянке. Один попал за убийство и изнасилование. Рассказывал, что не стерпел, полез на девку. Та сопротивлялась, он ее слегка придушил. Когда уходил, девка пригрозила пожаловаться командованию. Тогда задушил по-настоящему. Ему дружно предрекали расстрел. Здесь друг друга не утешали, зато давали дельные советы. Капитан, бывший командир роты, обросший щетиной (бритвы у всех отобрали), обвиняемый за отступление без приказа, посове-

товал мне каяться. Напирать на то, что, отступая, мы выпустили по врагу все снаряды и патроны.

— Не бойся, лейтенант. Тебя не расстреляют, — уверенно сообщил он. — Артиллеристов стараются беречь. На заседании трибунала не спорь, но и не молчи. Ты полгода воевал, имеешь ранение. Это большой плюс!

— А я? — спрашивал рядовой Архипкин.

— Ты просто дурак, — изрекал капитан. — Даже сейчас умнеть не хочешь. Скажи на суде, что тебе угрожали. Запугали сильно.

— Соврать, значить?

— Значить! Лейтенант из пушки полгода немцев бил, а ты дурил всю войну. Наконец призвали, человека искалечил, помог от фронта уклониться.

У Степана было трое детей. Он очень переживал за них, приставал ко мне, без конца спрашивал, как лучше вести себя на суде. Трибунальские дела были мне незнакомы, и я советовал прислушиваться к опытному капитану. Кстати, в адрес капитана прошелся один из тыловиков, арестованный за хищение обмундирования и продуктов: «А ты сухим из воды хочешь выйти. Самый умный?»

— Был бы умный, комбатом бы уже стал и с вами дураками здесь не сидел, — ответил капитан. — Получу два месяца штрафбата, отвоюю и дальше ротой командовать стану.

Уверенность опытного офицера передавалась и мне. Человек убежден, что выкарабкается из штрафников, вернет награды и звание. Чем я хуже? Тоже не новичок, воевать научился.

Спустя неделю я предстал перед военным трибуналом. Приготовленная небольшая речь не пригоди-

лась. Ответил на несколько вопросов, а когда хотел заверить судей, что готов честно искупить вину, мне ничего сказать не дали. Обменявшись двумя-тремя фразами, судьи объявили, что я разжалован в рядовые, приговорен к шести годам лишения свободы с заменой на два месяца штрафной роты. Архипкин получил пять лет и тоже два месяца штрафной роты. К капитану трибунал отнесся более снисходительно. Он отправился в штрафной батальон сроком на месяц.

— Пропаду я, — вздыхал после суда мой земляк. — Штрафников на смерть посылают.

Я посоветовал ему не помирать раньше времени, а Архипкин попросил разрешения держаться рядом со мной. Вдвоем не так страшно.

Штрафная рота располагалась недалеко от поселка. Мы шли со Степаном Архипкиным под конвоем сержанта. Конвой был весьма условным. Автомат у сержанта висел за спиной, сам он не изображал начальника и даже угостил махоркой. Когда подошли к КПП, нас передали другому сержанту и отвели к командиру роты. Капитан, с орденом Красной Звезды и двумя нашивками за ранения, разговаривал с нами по отдельности. Выслушав мою историю, сказал:

— Ладно, Малыгин. Что было, то было. Теперь будем вместе воевать. Ты фронтовик с опытом, лейтенант, все хорошо понимаешь. Дальнейшее от тебя зависит.

Он не назвал меня «бывшим лейтенантом». Настороженность уступала место любопытству. Вместе с Архипкиным мы попали в третий взвод, которым командовал лейтенант Буняк. Очень крепкий парень,

широченный в плечах. Разговаривал с нами тоже нормально, но сразу предупредил, что никаких фокусов не потерпит. Взвод насчитывал человек пятьдесят, а всего в роте было четыре взвода.

Рота как рота. Обмундирование обычное: поношенные шинели, солдатские гимнастерки, ботинки с обмотками, у некоторых кирзовые сапоги. Оружие имели только офицеры, старшина и кое-то из сержантов. Расположение роты было огорожено хилой изгородью с колючей проволокой, перемахнуть через которую ничего не стоило. Только бежать некуда.

Командир нашего отделения, сержант Дейниченко, тоже был крепким парнем, только высокого роста. Я подумал, что в штрафную роту специально отбирают физически сильных командиров. «Наверное, чтобы скрутить в случае чего», — мелькнуло в мыслях. Я был прав только отчасти. Отношения рядовых штрафников с сержантами и офицерами были такие же, как в обычных ротах. После общения со следователем и трибуналом, где в ходу было слово «гражданин», меня снова называли «товарищ». Впрочем, чаще выкликали по фамилии:

— Малыгин, завтра заступаешь дневальным по роте.

— Есть, товарищ сержант!

Познакомился с ребятами из отделения. За что попал в штрафники, не спрашивали. Задали несколько вопросов, откуда родом и где воевал. В течение полутора недель мы находились на прежнем месте. День начинался с физзарядки и небольшой пробежки. Затем следовал завтрак, и начинались занятия. По боевой, тактической подготовке, изучали оружие. Каждое утро проводили политинформации. Все это по-

началу удивляло. Я ожидал встретить здесь прожженных волков, которых держат за проволокой, а потом по команде «фас» пускают в атаку.

Однако «волков» было не так много. Из разговоров я понял, что большинство штрафников такие же бедолаги, как Архипкин и я. Запомнились некоторые истории (хотя я не полностью в них верил), похожие друг на друга. Двое бойцов нашего взвода где-то пьянствовали, отстали от своей части. Блуждали дня три по тылам, пока не задержали. Один солдат умудрился потерять винтовку. Дело с винтовкой замяли бы, но парень испугался, бегал, искал оружие. Как назло, попался на глаза проверяющему из штаба полка. До этого в полку уже был случай утери оружия. В назидание другим парня судили, дали месяц штрафной роты. Кстати, для таких, как он, занятия по тактике и боевой подготовке были не лишними. Парень не успел дойти до передовой, никакого боевого опыта не имел.

По крайней мере, человек пять из взвода попали за различные нарушения, связанные с пьянкой. Кто-то подрался с патрулем, другой устроил стрельбу в румынской деревне, требуя вина. Попадали и за серьезные дела. Архипкин показал мне на бойца с безразличным, почти сонным лицом. Подозревали, что он стрелял в спину офицера. История получилась темная, вину доказать не смогли, иначе бы расстреляли. Судили за невыполнение приказа и дали на всю катушку, три месяца.

Был и трудно объяснимый случай. Боец, уже повоевавший, вышедший после ранения из госпиталя, перед атакой стал бросать из траншеи гранаты. До немцев (или румын) было с полкилометра. Глядя на

него, открыли стрельбу другие солдаты. Кто-то крикнул, что прорвались немцы, началась суматоха. Рота попала под минометный огонь, и атака сорвалась. Я хорошо запомнил этого солдата. Светловолосый, лет двадцати, звали его Семен. Сколько он получил, не помню. Кажется месяц или два. Уверен, у бойца просто не выдержали нервы. Что-то вроде психоза.

Блатных во взводе насчитывалось человек пять. Кто-то из них в действительности вор и грабитель, а кто подделывается, разобрать было трудно. Они держались кучкой, всячески показывали свою полную независимость, порой громко смеялись, неизвестно чему. Кстати, сонный боец, подозреваемый в убийстве офицера, был из их кучки. Только держался тише. Кличка у него была типично лагерная — Шмон. Блатные вызывали во мне отвращение, сказывалась вековая крестьянская ненависть ко всякого рода вору. Взводного Буняка они явно побаивались и в его присутствии предпочитали молчать.

Лейтенант Буняк никого не трогал и пальцем, однако имел достаточный опыт в обращении с «трудновоспитуемыми». Когда бывал чем-то недоволен, лишь улыбался. Но от его улыбки и внимательного, какого-то хищного взгляда становилось не по себе. Командиры отделений, каптер, еще двое-трое бойцов, приближенных к взводному, были его опорой. Сержант Дейниченко, командир отделения, однажды спросил меня:

— Как самочувствие, лейтенант?

— Нормально, только я не лейтенант, а рядовой.

— Это временно. У меня глаз наметанный. Воевать будешь, как положено, вернешься к своим пушкам лейтенантом.

— Дай-то Бог, — вздохнул я.

— Поможешь мне по боевой подготовке? Оружие, наверное, хорошо знаешь.

Я согласился и провел два занятия с половиной отделения. Мне специально выдали винтовку, учебные гранаты РГ-42 и Ф-1. Вскоре вооружили всю роту. В основном винтовками, но были и автоматы. Мне достался автомат ППШ, два запасных диска. Патроны и гранаты получили непосредственно перед отправкой на передовую.

Специфика штрафной роты чувствовалась во многих мелочах. Я не хочу представлять своих товарищей, как сборище полублатной, развязной публики, ухмыляющейся над командами офицеров. Буняк такого бы не позволил. Но не все шло гладко. Люди убегали в самоволку, в казарме по ночам пили румынский самогон из слив и винограда. За что-то сильно избили бойца. Когда меня перед отправкой назначили заместителем командира отделения, один из блатных ехидно и многозначительно сказал:

— Ты слишком не выделяйся. Не думай, что за нашими спинами будешь прятаться.

Я сдержался с трудом. Знал, что срываться нельзя. Не будем лицемерить, и в нормальных ротах порой сводили счеты друг с другом во время боя, когда не знаешь, откуда прилетит пуля. В штрафной роте тем более. Я ничего не ответил. Дейниченко узнал о разговоре, стал расспрашивать. Я отмолчался, не хотелось, чтобы остальные думали, будто после двух занятий я чем-то выделяюсь. Слишком напряжены были люди. По слухам, в атаках гибли две трети штрафников. Как обстояли дела на самом деле, никто не объяснял. Бодрым словам политрука роты и его помощников верили мало.

Обстановка на нашем участке фронта на границе с Венгрией складывалась следующая. Несмотря на мощное наступление Красной Армии, выход из войны ближайшего соседа венгров, Румынии, венгерское правительство продолжало оставаться активным союзником Германии. Шестого октября 1944 года 2-й Украинский фронт начал наступление. Протяженность фронта была огромная и составляла 800 километров. Однако войска в течение нескольких дней захватили ряд населенных пунктов, в том числе город Орадя, важный узел коммуникаций. В период с 13 октября развернулись ожесточенные бои на линии между городами Клуж и Дебрецен. Необходимо отметить, что Дебрецен являлся третьим по величине городом Венгрии и находился в пятистах километрах от Будапешта. Вместе с немецкой армией нам противостояли венгерские дивизии и корпуса. Венгры дрались упорно. Это мне придется испытать на собственной шкуре.

Местность называлась Средне-Дунайской низменностью, однако гор, холмов и водных преград здесь хватало. Мы вступили в бой недалеко от городка Деречко. В роте насчитывалось триста с лишним бойцов, почти батальон. Только в отличие от обычного батальона у нас практически не было тылов. Старшина да несколько ездовых. Остальных выдвинули на передний край. Потрепанный пехотный полк потеснился, уступая нам место. Разместились в вырытой еще до нас траншее.

Здесь мы провели остаток дня, и я имел возможность осмотреться. Как всегда, немцы оседлали высоту, а наши части стояли в низине. До немецких по-

зиций было метров восемьсот. Каменистый холм, скорее гряда, высотой метров сорок. На вершине виднелись остатки старых каменных сооружений, основательно разрушенных артиллерией. На склонах росли кусты, тянулись полосы виноградника. Всё это было наполовину выжжено. Нейтральная полоса, на расстоянии пятисот метров, представляла открытое место, с редкими островками кустарника, сильно посеченного пулями и осколками. Кое-где торчали одиночные деревья. Среди пожелтевшей травы, лежали трупы. Кто-то взялся считать и досчитал до ста пятидесяти.

Мы узнали, что пехотный полк несколько раз пытался атаковать укрепления. Несмотря на мощную артподготовку, многие огневые точки подавить не удалось. Остатки старой каменной усадьбы имели толстые стены. Полк сумел преодолеть половину расстояния и откатился под сильным огнем. На левом фланге, среди густых виноградных лоз, остались с ночи бойцы, сумевшие добежать до подножия холма. Все это нам рассказал после совещания у командира роты лейтенант Буняк. От него также узнали, что на высоте, кроме пулеметов, имеется несколько орудий и минометная батарея.

Слушали лейтенанта молча. Все знали, что на легкий участок нас не пошлют, но холм с каменными укреплениями казался неприступным. Его пытался взять целый полк и не взял. Что можем сделать мы, три сотни человек? Останемся лежать на венгерском травянистом поле. Вряд ли нам дадут пробежать и половину нейтральной полосы. Архипкин уныло спросил меня:

— Безднадежно, товарищ лейтенант?

Что я мог ответить? Холм с укреплениями торчал, как больной зуб. Остальные части продвинулись вперед, а остатки полка в любом случае должны взять высоту. Если наверху лишь хотят продемонстрировать активность, наша рота будет очень кстати. Ее уничтожат, приплюсуют новые потери, а дальше командование армии, глядишь, подбросит артиллерию, может, и авиацию. Возможен и другой вариант, который казался мне наиболее приемлемым. Преодолеть открытое место ночью, перед рассветом, и броском через кустарник ворваться в немецкие траншеи.

Атаку запланировали на утро. Потом быстро все переиграли. По траншее тащили ящики с патронами и гранатами. Я взял коробку на сто штук патронов и штук семь гранат РГ-42. Нам разъяснили, что высота мешает продвигаться соседней дивизии — с западного склона бьют в спину. Атаковать будем в течение ближайшего часа. Раздали водку. Я понял, что роту бросают в бессмысленную атаку. Возможно, мы отвлечем на себя огонь, а с тыла ударят другие части. Вряд ли! С каждого требуют за свой участок.

Я выпил граммов сто пятьдесят водки, вернее, разбавленного спирта. Он показался совсем не крепким, и я снова подошел к небольшой очереди. Мне было все равно. Из этой атаки живым не выбраться. Пока стоял, почувствовал, что пьянею. Степа Архипкин дернул меня за рукав и протянул кружку со спиртом. На лице у него было написано отчаяние, пальцы дрожали. Я, не выдержав, закричал:

— Чего трясешься? Пей напоследок.

Степан медленно выпил половину кружки, я прикончил остатки. Уже вечерело, пошел мелкий дождь. Началась артподготовка. Батарея 122-миллиметро-

вых гаубиц выпустила десятка четыре снарядов. Я приходил в себя. Лейтенант Буняк возился с ракетницей. Оставались считанные минуты. Я вдруг почувствовал, что не хочу умирать. Мне было жалко себя, мать, тщедушного земляка Архипкина с его тремя детьми. Он по-прежнему жался ко мне. Я был его единственной надеждой уцелеть в безнадежной атаке. Встряхнул Степана за плечо:

— Делай, как я, понял?

— Ага.

Захлопали полковые пушки. Их звук я мог бы отличить от любых других выстрелов. Мои родные «полковушки». Потом взвились вверх ракеты. Вперед! Мы наступали на участке шириной метров двести. Пушки продолжали вести огонь, немцы молчали. Зато открыли стрельбу штрафники. Она была бесполезной, лишь в придачу к водке глушила страх. Потом посыпались мины, ударил крупнокалиберный и штук пять обычных пулеметов. Огонь был такой сильный, что мы намертво застряли посреди нейтралки. Архипкин и я лежали в ложбине, хоть какое-то укрытие от пуль. Здесь нас могли достать только миной, но об этом не хотелось думать.

В трех шагах лежало вниз лицом тело бойца, погибшего вчера. По бледному бескровному лицу стекали капли дождя. Один из штрафников бежал назад. Увидев нас, кинулся к ложбине. Пулеметная очередь ударила по ногам. Он упал и пополз. Пули поднимали фонтанчики мокрой земли, с хлюпаньем перехлестнули тело погибшего пехотинца. Я втянул раненого за руки. Из перебитых ног ниже колен текла кровь. Перетянули жгутом обе ноги. Штрафник из нашего взвода, словно не чувствуя боли, повторял:

— Искупил... кровью искупил. В тыл меня.

Но тыл ему бы не помог. Возможно, пули были разрывные или угодили сразу несколько штук. Кровь продолжала идти, несмотря на туго затянутые жгуты. Он потерял сознание. Приказ на отход штрафникам давали редко. Только вперед! Но ситуация складывалась настолько безнадежной, что сверху решили сохранить хотя бы половину роты для новой атаки. Так судьба подарила многим из нас еще несколько часов жизни.

До темноты мы с Архипкиным пролежали под дождем в нашем ненадежном укрытии. Раненный в ноги штрафник умер. Трупов на поле прибавилось. Октябрьская дождливая ночь могла бы стать хорошим временем для атаки. Но ракеты, взлетавшие над холмом, хорошо освещали все вокруг. В каплях дождя блестело оружие, каски погибших людей. Мы двинулись в обратный путь. Расстояние в четыреста метров проползли часа за два. Когда добрались до траншеи, лейтенант Буняк сообщил, что командир соседнего отделения погиб и я назначен вместо него. Всего на нейтралке остались лежать убитых или тяжело раненных более ста человек. Еще сорок человек, получившие ранения, были отправлены в санбат. Несколько штрафников, раненных легко, командир роты оставил в строю. Царапины и мелкие порезы вызывали сомнения.

Отделение насчитывало человек восемь. Люди выглядели подавленными. Некоторые, убегая, выбросили гранаты, запас патронов, кто-то остался без винтовки. Я понимал, что вторая атака закончится еще более неудачно. Бойцы залягут на нейтралке, их придется поднимать выстрелами. Понимали это и офице-

ры. Нам объяснили, что в любом случае атака повторится. Имеются лишь два выхода: или всем погибнуть, или взять укрепление. Буняк, остановившись возле меня, сказал:

— Разъясни своим, что наступать придется до победного конца. С нами церемониться не будут.

— С нами — точно, — ответил кто-то, отделяя лейтенанта от штрафников. — А вы еще поживете.

Буняк едва сдержался. Он находился с нами в атаке. Вперед не лез, но и за спины не прятался. Лейтенант мог вполне погибнуть, и дразнить его сейчас было опасно. Позже, когда он собрал командиров отделений (среди них уже было два штрафника), я сказал, что думал. Если атаку повторят прежним методом, мы ничего не добьемся. Лейтенант глянул на меня красными от напряжения и водки глазами:

— Слов нахватался. Методы... о стратегии еще поговори, — потом изменил тон. — Все я понимаю. Только не легче от этого. Ну, и что можно предложить?

Дальнейшее совещание превратилось в ругань и набор совершенно пустых предложений. Все сводилось к тому, что укрепления надо долбить артиллерией, авиацией, вызвать танки. Но танки бы на крутой холм не взобрались, а насчет остального... Дадут снарядов, сколько решит начальство. Вряд ли можно рассчитывать на сильную артподготовку. Итог подвел сержант Дейниченко. Он не был штрафником и очень хотел выжить.

— Сейчас мы ничего не решим. Если есть возможность, пусть дадут оглядеться. Взвесить, что почем.

Никто бы не дал нам оглядеться. Наши слова мало что значили. Однако атаку откладывали, и я пытался

найти вариант, который давал хотя бы минимальные шансы на успех. Долго осматривал передовую. Ко мне подошел один из блатных и посоветовал не лезть из шкуры. Я отреагировал молча, потом поговорил с Дейниченко. Вместе покурили, к нам присоединился один, затем второй командир отделения. Начал вырисовываться план. Все соглашались, что атака в лоб ничего не даст. Я рассказал остальным, что, несмотря на осветительные ракеты, мы с Архипкиным сумели проползти четыреста метров и вернуться в траншеи. Значит, можно ночью добраться до виноградника и кустов. Хотя бы небольшой группой. А дальше? Что получится дальше, загадывать не стали. Как карта ляжет. У каждого своя судьба.

Поговорили с Буняком, тот с ротным. Наши планы всерьез никто не принимал. Но сыграли свою роль несколько обстоятельств. Командир полка, несмотря на нервотрепку и понукания сверху, взвесил дальнейшие действия разумно. В винограднике по-прежнему оставались несколько бойцов из полка, отрезанные от своих. Кроме того, атаку приказали повторить совместно, силами стрелкового полка и остатков штрафной роты.

Я рассказываю об этих днях так подробно потому, что в октябре сорок четвертого в Венгрии судьба почти не оставляла мне возможности выжить. Я находился на передовой полгода, был ранен и считался далеко не новичком. Смерть обходила меня стороной. Но в прежней жизни, на батарее, многое зависело от моих решений. Здесь же я был втиснут в жесткие рамки «от сих до сих». Однако наше предложение приняли. Отпускать в ночь штрафников было рискованным решением. Может, полгода назад на такой шаг бы не по-

шли. За двух-трех человек, перебежавших к немцам, спросили бы и с командира полка, и с нашего ротного. Но куда бежать осенью сорок четвертого? Советские войска уже вступили в Германию, судьба войны была практически решена. Третий взвод усилили десятком добровольцев, и часа в три ночи мы выползли из траншей.

Двигались двумя группами. Одна под командой лейтенанта Буняка, другую возглавлял замполит роты, старший лейтенант. Парень смелый, но не имевший достаточно опыта. Чего ради он полез вместе с нами, не знаю. Наверное, командир роты приказал. Я оказался в первой группе. Нам повезло, мы добрались до виноградника без потерь. Зато крепко не повезло второй группе, их высветили ракетами и открыли огонь. Замполит погиб одним из первых. У кого нервы покрепче, пытались отлежаться. Те, кто кинулся бежать, погибли почти все. Потом взялись за лежавших. Два пулемета с расстояния четырехсот метров били по живым и мертвым. До виноградника добрались человек восемь, а всего нас осталось тридцать человек с небольшим.

Здесь мы встретили бойцов, сидевших под носом у немцев вторую ночь. Голодные, потерявшие надежду на спасение, они были разочарованы, узнав, что это всего лишь взвод штрафников, а не долгожданная подмога из полка. Буняк приказал им наступать вместе с нами. Отказаться, кроме раненых, никто не посмел. Мы продвинулись еще метров на сто пятьдесят, до немецких укреплений оставалось столько же.

Что могут сделать четыре десятка человек там, где потерпел неудачу целый полк? Оказалось, многое.

У нас просто не было другого выхода. Начало медленно светать, открыла огонь артиллерия, затем поднялись в атаку основные силы. Не дожидаясь их, мы на корточках, на коленях пробирались сквозь кусты. Никто не стрелял, не кричал, двигались молча. Когда нас заметили и открыли огонь, до немецких траншей оставалось всего ничего. Кто-то падал, мертвый или раненый, остальные преодолевали последние метры.

Началась в буквальном смысле драка. Такую драку за покос мне пришлось видеть в детстве. Совсем рядом стрелял пулемет. Язык пламени бился под ногами. Потом он замолк. Пулеметчиков били стволами и прикладами. Один вырвался и выстрелил из пистолета в сержанта. Тот упал, а пулеметчика закололи штыком. Сцепившись, по дну траншеи катались в клубке сразу несколько человек. Мелькали подковы немецких сапог, наши стоптанные башмаки, раздавалась ругань на немецком и русском. Мелькнула голова фрица в каске.

Я первый раз видел врага так близко, почти в упор. Нажал на спуск автомата. Попал или нет, не знаю. Однако голова исчезла. Рядом бежал Архипкин. Мы оба кинулись на немца. Архипкин ударил прикладом по каске, винтовка переломилась. Я выпустил длинную очередь. Под пули едва не попал мой земляк. Мы бежали по траншее. Незадачливый гранатометчик Семен едва не наступил на немецкую гранату-колотушку. Отпрыгнул назад, сбил меня с ног. Рвануло совсем рядом, за поворотом траншеи, на голову посыпалась мокрая земля. Столпившись, торопливо швыряли РГ-42 и «лимонки». Некоторые в спешке забывали выдернуть кольцо. Но гранат было много, взрывы гремели один за другим. Кидаться за поворот

траншеи медлили. Нас пихнул в спину лейтенант Буняк:

— Вперед, не медлить! Малыгин, уничтожь пулемет в доте.

Дот представлял из себя кусок каменной стены метр толщиной с бетонным перекрытием. Из узкой продолговатой амбразуры гулко, как в ведро, молотил крупнокалиберный пулемет. Меня снова опередил Архипкин. Подскочил к амбразуре, попытался забросить «лимонку». Опыта у него не хватало, граната покати-лась по склону. Мы опять кинулись на землю, разброс осколков у гранаты Ф-1 слишком большой для наступательного боя. Бежавший следом боец из нашего взвода не успел ничего понять. Заряд взрывчатки внутри Ф-1 разносит чугунный корпус на десятки осколков и металлическое крошево. Бойца накрыло веером осколков. Он закричал, прижимая ладони к лицу.

— Своего убил! — ахнул Степан Архипкин.

Я подполз к амбразуре поближе, примерился и бросил легкую РГ-42. Она взорвалась внутри. Двое пулеметчиков, хоть и раненые, выскочили из задней бронированной двери. Не надо было с ними связываться, пулемет замолк, а они убежали. Но я крикнул: «Бей гадов!», и дал по ним очередь. Они обернулись, один ударил из автомата. Я упал. Когда поднял голову, увидел, что Степа Архипкин лежит передо мной и нога в ботинке дергается. Пулеметчиков след простыл, а земляку досталось несколько пуль. Умер он.

Немцев выбили. Не скажу, что главная заслуга принадлежала нашему взводу. Мы своим появлением внесли сумятицу, отвлекли немцев от наступающих цепей. Потери были большие. Меня ранили, когда немцы пошли в контратаку. Ранение паршивое. Пуля

пробила правую ладонь у основания пальцев. Ладонь забинтовали, выписали необходимые документы, и я отправился в санбат. Лейтенант Буняк хорошо выпил после боя, пожал мне левую руку, поздравил. От роты осталась одна треть. Семен-гранатометчик тоже получил ранение. Шмон, который вперед не лез, остался в роте. Завидовал нам: «Эх, надо было и мне руку подставить!» Хотя я руку не подставлял, а пулю мог словить и в лицо, и в грудь.

Из санбата меня направили в госпиталь. Там пролежал до середины декабря. Мизинец ампутировали, а безымянный палец не сгибался. Его летом сорок пятого отрезали, когда повторную операцию делали. Звание и медаль вернули. Думал, что меня с покалеченной рукой на тыловую должность назначат. Ничего подобного. Направили в другой полк снова командиром огневого взвода. Участвовал в боях за Будапешт, которые шли с декабря сорок четвертого года по 13 февраля сорок пятого. Город прикрывал подступы и кратчайшие пути в Австрию и южные районы Германии.

Немцы и венгры дрались упорно. Бывало такое, что от нашей батареи оставались одно или два орудия. Подвозили новые пушки, пополняли личный состав, и снова в бой. Получил легкое ранение, но остался в строю. К марту я просто выдохся. Рана бодела, оставшиеся на правой руке пальцы гнулись плохо. Пистолет держать было нечем, я его в обоз отдал, чтобы лишнюю тяжесть не таскать. Носил легкий автомат Судаева, который не раз приходилось пускать в ход. За Будапешт меня представили к ордену Отечественной войны второй степени. Я его получил летом,

уже после Победы, когда лежал в госпитале. Позже мне вручили медаль «За взятие Будапешта».

Последние полтора месяца войны провел на должности начальника артвооружения полка. Из дивизии на батарею приехали проверяющие. Я отдал подполковнику честь, ладонь кривая, безымянный палец, как сухая палочка, торчит. Он спросил у командира полка: «Почему инвалиды воюют? Здоровых не хватает?» Отвечаю: «Я не инвалид. Со своими обязанностями справляюсь». Подполковник опять: «Что про нас американцы подумают? Пусть парень где-нибудь при штабе служит». Так решилась моя дальнейшая судьба.

Тыкали мне моим грехом и штрафной ротой? Умные люди — нет. Однажды в бою начштаба звонит, чем-то недовольный. Филонишь, мол, Малыгин. Опять в штрафную роту угодить хочешь? А командир полка меня уважал. Я орден Отечественной войны благодаря ему получил. Он приказал повторное представление написать, хотя должность к тому времени у меня была тыловая, на побегушках. Просто оценил мои действия в боях за Будапешт. Орденом этим я горжусь. Отечественную войну первой степени получил в 1985 году. Ну, тогда всех участников награждали, не глядя на заслуги.

Демобилизовался осенью сорок пятого. Встретили меня с почетом. Председатель колхоза мяса выписал, хорошего хлеба. Родня и вся улица собралась, три дня гуляли. Потом стали думать, куда меня определить. Возвращаться на лесопильный завод не хотел, да и что там делать с покалеченной рукой? Значит, привыкай к колхозной жизни. Работал, как все, затем столярную мастерскую возглавил, в бригадирах

ходил. После Германии тяжело было смотреть на нашу нищету, непроезжие дороги, кучи навоза в каждом дворе. Но все равно жили, смеялись, на свадьбах отплясывали.

Николай Васильевич закрыл ладонью диктофон:

— Выключи ты его, а то наболтаю невесть чего. Знаешь, почему я штрафную роту вспоминаю? Мне те дни в Венгрии на всю жизнь врезались. Похоронил я там себя. Когда в госпитале оклемался, как с того света вернулся. Я это поле до последней ложбинки запомнил, пока второй атаки ждал. Знал, что она последней будет. А вот все живой. Из моих одногодков никто с фронта не вернулся. Ну, может, один или два. На танцы приду, там одни подростки и девки переревшие. Женихов на войне поубивало, они на меня, как на чудо, смотрели. Покружился с ними, а вскоре женился. Дети уже сами дедами стали. У меня трое правнуков. Жизнь быстро летит. Как будто вчера на лесопилке работал. Иду пешком тринадцать километров, дорога, сосны, ручьи. Молодой, веселый. Ладно, чего уж тосковать. Все нормально. Лишь бы войну не затеяли.

Содержание

От автора	5
Я служил в разведке	7
Я воевал на северо-западе	56
Рейс в один конец	105
От волжских переправ до Вислы	159
Я прошел штрафную роту	216

Научно-популярное издание

ВОЙНА И МЫ

Владимир Першанин

ШТРАФНИКИ, РАЗВЕДЧИКИ, ПЕХОТА
«Окопная правда» Великой Отечественной

Издано в авторской редакции

- Художественный редактор *П. Волков*
- Технический редактор *В. Кулагина*
- Компьютерная верстка *И. Ковалева*
- Корректор *Н. Струэнзе*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 04 12 2009.
Формат 84×108 1/32 Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная
Бум. тип. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 6000 экз.
Зак № 20485.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

ISBN 978-5-699-39663-4

9 785699 396634 >

Новая книга от автора бестселлеров «Смертное поле» и «Командир штрафной роты»! Страшная правда о Великой Отечественной. Война глазами фронтовиков – простых пехотинцев, разведчиков, артиллеристов, штрафников.

«Героев этой книги объединяет одно – все они были в эпицентре войны, на ее острие. Сейчас им уже за восемьдесят. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду. Ту самую **«окопную правду»**, которую не слишком жаловали высшие чины на протяжении десятилетий, когда в моде были генеральские мемуары, не опускавшиеся до «мелочей»: как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали. Бесконечным повторением слов «героизм, отвага, самопожертвование» можно подогнать под одну гребенку судьбы всех ветеранов. Это правильные слова, но фронтовики их не любят. Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас. Их живые голоса Вы услышите в этой книге...»

Владимир Першанин

